

С праздником, дорогие женщины!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 10 (2903)

4 МАРТА 1983

ВЫС

Виталий ЗАСЕЕВ
Фото Анатолия БОЧИНИНА

Панорама Юго-Запада.

ОТА

Они строят Москву: монтажник А. Никифоров, Герой Социалистического Труда бригадир В. Затворницкий, крановщик В. Красильников, каменщик Н. Рябов, старший прораб П. Жариков и монтажник С. Артемов.

С пятнадцатого этажа этого дома открывается величественная и необозримая панорама Москвы: белоснежные с голубизной, точно айсберги в дрейфе, кварталы Теплого стана, стремительный Ленинский проспект, в мареве парящая Олимпийская деревня. И все это дело рук моего собеседника и его товарищей — московских строителей. А если конкретно — одного из многих подразделений «Мосстроя-1», комплексной бригады СУ-6, возглавляемой Героем Социалистического Труда В. Затворницким.

— Сколько же лет вы уже строите Москву? — спрашиваю я Владимира Андреевича.

— Более тридцати,— с видимым удовольствием говорит он и, козырьком ладони заслонившись от солнца, долго вглядывается туда, где ярким зеленым пятном светится Тропарево. Достроив очередной объект (на этот раз бригада возводит 22-этажный дом улучшенной планировки), В. Затворницкий переберется на новую строительную площадку, поближе к зеленому массиву.

Мой собеседник — известный на всю страну человек. О нем написаны статьи и очерки. Сам он немало делился опытом своей бригады в печати, на семинарах и совещаниях. Мы же приехали на строительную площадку, чтобы поговорить со знаменитым бригадиром о том, что мешает его коллективу работать еще лучше, что стоит на пути быстрейшего ввода в действие новых жилых кварталов, школ, больниц, поликлиник... И судя по улыбке, по готовности, с которой В. Затворницкий отвечает на вопросы, тема беседы давно волнует его.

— Своевременно поднят сейчас Центральным Комитетом нашей партии вопрос о мерах по обеспечению выполнения планов строительства жилых домов и социально-бытовых объектов,— возвращаясь к начатому разговору, продолжает бригадир.— То, о чем мы постоянно говорили в наших вагончиках-теплушках, сегодня партией ставится во главу угла задач, стоящих перед всем советским народом.

Да, мы можем сегодня гордиться нашими достижениями. За два года пятилетки в стране введено свыше 210 миллионов квадратных метров жилья, большое количество школ, детских садов, яслей, больниц, поликлиник. И все же, как было отмечено на недавнем заседании Политбюро ЦК КПСС и в постановлении Центрального Комитета, проводимая в этом направлении работа не полностью соответствует требованиям партии. Есть еще у нас в стране люди, нуждающиеся в улучшении жилищных условий. Из-за нехватки

Встреча на аэродроме.

Фото Дм. Бальтерманца

С РАБОЧИМ ВИЗИТОМ

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства 1 марта в Москву с дружественным рабочим визитом прибыл Председатель Партии Фрелимо, Президент Народной Республики Мозамбик маршал Самора Мойзес Машел.

На Внуковском аэродроме С. Машела тепло встречали член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, другие официальные лица.

Среди встречавших находился посол НРМ в СССР И. Патрисиу.

На аэродроме были подняты государственные флаги Народной Республики Мозамбик и Советского Союза.

С аэродрома кортеж автомобилей в сопровождении эскорта мотоциклистов направился в город.

жилья не везде обеспечиваются кадрами вновь созданные производственные мощности. А сколько проблем возникает из-за отставания строительства объектов социально-культурного назначения от темпов сооружения заводов, фабрик, электростанций. Я как рабочий человек, член ЦК КПСС полностью согласен с тем, что одной из главных причин отставания в этом вопросе является невнимание строительных и промышленных министерств, партийных и советских органов на местах к жилищно-гражданскому строительству... Иной читатель «Огонька», где-то в глубинке прочитав мои слова, возможно, скажет: «Конечно, у Затворницкого в Москве все благополучно. Нет ни проблем, ни трудностей». Нет, есть, сколько хотите.

Владимир Андреевич выглядывает из окна и приглашает меня посмотреть на сцену, которая разыгрывается внизу. На стройплощадку только что въехал доверху груженный «ЗИЛ». Шофер лихо выпрыгнул из кабины и, размахивая «простыней» накладных, отправился к прорабу. Появился старший прораб, мастер, но никто из бригады и не думает спешить разгружать машину. В чем дело? Надо было бы радоваться всем, что прибыли блоки перекрытий, ан нет. Никто этому не рад и даже, напротив, возмущен. Мне слышно, как негодует внизу прораб участка Александр Иванович Рябов, как шумит крановщик Володя Красильников. В. Затворницкий, как опытный комментатор, тут же вносит ясность в происходящее внизу:

— Детали, которые привез водитель, понадобятся нам для двадцатого этажа через месяц-полтора. А те детали, которые нужны уже сегодня, мы еще не получили. Поэтому прав крановщик. Ему вместо работы на этаж надо будет сейчас искать место, куда можно выгрузить все эти перекрытия. В результате нарушается ритм работы, создаются ситуации для нервотрепки...

На подъемнике к нам на этаж поднялся старший прораб участка Петр Иванович Жариков — опытнейший строитель, мастер своего дела.

— Ну, что будем делать, Владимир Андреевич? Опять завезли нам не те материалы, что мы заказывали... Что ты будешь делать с ними?

Жариков имел в виду руководителей 20-го и 21-го заводов Главпромбытстройматериалов.

— Разгружайте,— устало говорит В. Затворницкий,— и не пилите шофера. Он-то тут при чем? Ну, а начальнику УПТК, управления производственно-технической комплектации, Щеглову я сегодня же позвоню и разберусь, в чем дело.

Жариков нехотя ступил на громыхающий подъемник, а мы начали медленно спускаться вниз по лестничным маршам.

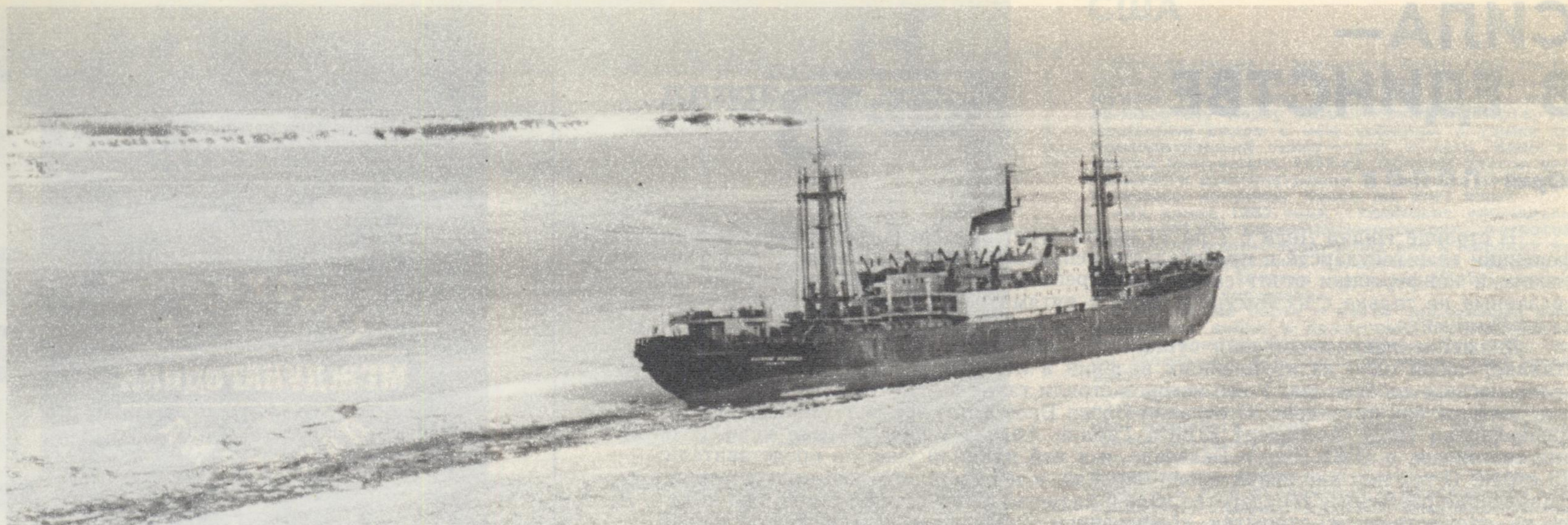
— За последнее десятилетие государство предоставило нам, строителям, для развития производственной базы более 36 миллиардов рублей,— снова заговорил бригадир.— Сумма огромная, неслыханная. А вот отдачей от вложенных средств похвастаться мы пока еще не можем, ибо мощности в целом используются нами всего на три четверти. В иных министерствах и того меньше. В результате появляются перебои в снабжении материалами, строительные площадки в конце каждого месяца лихорадит, отсюда, как следствие,— низкое качество строительства. Не случайно в постановлении, принятом только что ЦК КПСС, отмечается серьезная обеспокоенность низким качеством строительных и отделочных работ. И так будет до тех пор, пока мы не наведем порядок в организациях смежников, не улучшим управление качеством работ на заводах железобетонных изделий и, конечно же, на самих строительных площадках. Взять, например, нашу бригаду. Строительство дома, как известно, требует определенной последовательности. Сначала должны трудиться монтажники, потом сантехники, электрики, отделочники. А у нас что происходит? «Моссантехстрой № 1», являющийся нашим смежником, не прислал, к примеру, вовремя своих специалистов, и мы оказываемся в простое. Потом в один день на строительную площадку придут и сантехники, и электрики, и отделочники. У подъемника образуется толчея. Одни будут мешать другим. Там, где уже заделано отверстие, его начнут ковырять «боги света», а сантехники в это же время станут поливать водичкой. Известно, где тонко, там и рвется. Может быть, кому-то покажется, что я сгустил краски. Пусть приходит на стройплощадку, сам все увидит. Причина? Слабая еще у нас организация труда на отдельных участках. И грешат этим в первую очередь в «Моссантехстрое» № 1, в «Мосэлектромонтаже» № 1. Да и первый «Мосотделстрой» не всегда оказывается на высоте положения.

— К чему все это приводит, если пересчитать огрехи смежников на калькуляторе?

— Калькулятор здесь ни к чему,— говорит В. Затворницкий.— Если бы нас не задерживали поставщики и смежники, каждый дом сдавался бы на месяц, а то и два раньше срока. И не пришлось бы потом «ухаживать» за ним по полгода, когда уже подписан акт о приемке. Вот почему Центральный Комитет нашей партии в своем постановлении отметил, что каждый факт срыва сроков строительства жилищно-гражданских объектов отныне будет рассматриваться как серьезное нарушение партийной и государственной дисциплины. Своевременно сказано об этом. И я, как строитель, уверен, что намеченная партией глубоко обоснованная программа мер позволит наконец создать нам решительный перелом в обеспечении трудящихся благоустроенным жильем и всеми необходимыми объектами социально-бытового назначения...

...Закончился обеденный перерыв в бригаде В. Затворницкого. Занял свое место в кабине крана Володя Красильников. Сейчас он поразмыслит и, конечно же, разложит «по полочкам» многотонные блоки и перекрытия, чтобы не мешать грузовикам разворачиваться с раствором и кирпичами. Ушел на этаж старейший электрик бригады Станислав Тимофеевич Герцев. У него тоже есть свои огорчения и претензии к поставщикам. («Плохо нынче с изоляцией, да и качество материала оставляет желать лучшего»,— сказал он нам.)

Нет в бригаде ни одного человека, которому бы оказалась не по плечу высота, намеченная партией и одобренная всем советским народом.

Бухта Ванино за кормой...

ЛЕТО В ФЕВРАЛЕ

Обеспечить круглогодичную навигацию в западной части Северного морского пути и своевременную доставку необходимых грузов в районы Крайнего Севера и Дальнего Востока.

Из «Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года».

В. КУЗНЕЦОВ
Фото автора

Полярные капитаны В. Л. Волков и Г. С. Матусевич.

Вахта на ходовом мостике дизель-электрохода «Василий Федосеев».

За Полярным кругом на советской земле появилось целое созвездие молодых городов и современных поселков, в их числе и такие известные, как Дудинка, Норильск, Тикси, Певек, Мыс Шмидта и многие другие. К ним пока не ведут железные дороги; там редки и автомобильные. Море и небо, самолеты и суда Севморпути — они связывают советское Заполярье с Большой землей.

Сегодня западная часть Северного морского пути эксплуатируется все двенадцать месяцев в году! Необходимо одолеть зимний ледостав и на востоке арктического прибережья.

Первый шаг сделан. Дальневосточные моряки впервые в истории мореплавания проложили курс к берегам Чукотки через февральские льды. Дизель-электроход «Василий Федосеев» в сопровождении ледокола «Адмирал Макаров» недавно доставил груз в порт Эгвекинот. Груз из трюмов «Василия Федосеева» сегодня самый долгожданный для жителей Чукотки. А за ним пойдут и другие товары, другие грузы, так необходимые полуострову. И отныне пойдут они круглогодичным потоком. Экипаж судна подготовил к первому рейсу капитан В. Л. Волков, а возглавил его известный полярный капитан Г. С. Матусевич. Дальневосточные моряки принесли лето на чукотскую землю в феврале.

СИЛА— В ЕДИНСТВЕ

Юрий ПОПОВ

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

В столице Индии Дели с 7 по 11 марта будет проведена очередная VII конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран. Перед участниками конференции стоят самые животрепещущие проблемы современности, связанные не только с их будущим, но и с путями развития всего человечества, с судьбами мира.

Движение неприсоединения существует уже двадцать два года. Оно представляет собой одно из крупнейших явлений в истории послевоенного развития человеческого сообщества. У его истоков стояли такие выдающиеся государственные деятели, как президент Югославии Иосип Броз Тито, премьер-министр Индии Джавахарлал Неру, президент Египта Гамаль Абдель Насер. Первая конференция состоялась в 1961 году в Белграде, и в ней приняли участие представители 25 стран. С тех пор оно значительно окрепло, в него влились новые силы, представляющие различные государства нашей планеты. Достаточно сказать, что в Дели на торжественном открытии конференции будут развеваться флаги почти 100 стран. Их общее население насчитывает более полутора миллиардов человек — третья часть всех людей, живущих на земле.

Несмотря на попытки империалистической пропаганды запутать сущность движения неприсоединения, подорвать его основу, с самых первых дней его существования было определено главное его направление. Родившись на обломках системы колониализма, оно явилось воплощением стремления освобожденных от иностранного гнета государств противостоять попыткам империалистических государств, старающихся удержать их в сфере своего политического и экономического господства. И именно это обстоятельство привело в его ряды молодые государства Азии, Африки и Латинской Америки, вступившие на путь самостоятельного развития.

Антиимпериалистическая, антивоенная направленность всего движения неприсоединения проявилась еще на Белградской конференции, положившей организационное начало этому движению. В своей декларации ее участники провозгласили, что прочный мир может быть обеспечен лишь в том случае, если с колониализмом и неоколониализмом будет покончено во всех их проявлениях. Принципы мирного сосуществования были провозглашены единственной альтернативой «холодной войне» и ядерной катастрофе. И сейчас в своих ответах на вопросы редактора индийской газеты «Нэшнл геральд» накануне открытия конференции в Дели премьер-министр Индира Ганди подчеркнула, что ослабление международной напряженности, разоружение и уничтожение остающихся оплотов колониализма — это самые безотлагательные вопросы, стоящие перед конференцией глав государств и правительств неприсоединившихся стран, которая начинает работу 7 марта.

Но не только стремление к миру и избавление его от остатков колониального прошлого объединяет неприсоединившиеся страны. До сих пор империалистические державы продолжают грабить их природные богатства, эксплуатировать дешевую рабочую силу, наживать огромные прибыли за счет развивающихся стран, которые составляют основу всего движения неприсоединения. Экономический колониализм — это поистине одна из наиболее серьезных опасностей в сегодняшнем мире. Как писала алжирская газета «Революсьон Африкен», развивающиеся страны попали в долговую яму империализма. Они должны выплатить тем, кто все еще грабит их, более 500 миллиардов долларов. Финансовый долг — это то, чем империализм пытается шантажировать страны «третьего мира». Газета отмечала, что три четверти природных богатств развивающихся стран уходит в развитые страны Запада. Спрашивается, писала газета, можем ли мы быть по-настоящему независимыми, когда наши богатства расхищаются?

Конечно, страны, входящие в движение неприсоединения, различны по своей политической ориентации, по тому, каким путем они намереваются идти дальше. Здесь и республики, вставшие на путь социалистического развития, и монархические государства с отсталым средневековым социальным укладом. Эти различия и пытаются использовать сейчас империалистические страны, и в первую очередь Соединенные Штаты Америки, с тем чтобы внести разлад в движение неприсоединения, подорвать его изнутри. Их цели в общем ясны. Вашингтон хочет, чтобы освободившиеся народы были отброшены назад, чтобы были сведены на нет достигнутые ими успехи, хочет принизить их роль в мировой политике. Мы видим, какими коварными методами империалисты пытаются углубить раскол в рядах арабских государств или же ослабить авторитет и влияние Организации африканского единства, использовать в своих целях Организацию американских государств. Особые усилия они предпринимают для того, чтобы внести раскол между неприсоединившимися странами и государствами социалистического содружества. Ведь страны социалистического содружества и неприсоединившиеся страны имеют широкую платформу для сотрудничества. У них очень близкие позиции по коренным проблемам современности, которые оказывают огромное влияние на судьбы человечества. Нет сомнения, что и на этой конференции будут предприняты попытки провокационного характера, с тем чтобы подорвать доверие неприсоединившихся стран к социалистическим государствам. С этой целью империалистические державы используют свою агентуру в движении неприсоединения. Однако есть все основания полагать, что эти попытки не смогут отвлечь страны Азии, Африки и Латинской Америки от центральных задач, стоящих перед ними на современном этапе.

Интересы развивающихся государств и стран социалистического содружества совпадают по большинству ключевых вопросов. Советский Союз, страны социализма всегда выступали за единство и сплоченность стран Азии, Африки и Латинской Америки. В своем докладе «Шестьдесят лет СССР» Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов отмечал: «Мы решительно и неизменно на стороне тех, кто еще и сегодня вынужден бороться за свободу, независимость, само существование своих народов, кто вынужден отражать натиск агрессора или подвергается угрозе агрессии. И эта наша позиция неотделима от той борьбы за прочный мир на земле, которую последовательно и неустанно ведет Советский Союз».

ПАНОРАМА
МЕЖДУНАРОДНАЯ
ПАНОРАМА

США

ИТАЛИЯ

ДАНИЯ

ПОРТУГАЛИЯ

США

Есть традиция — подводить итоги года. Не отступил от нее и американский еженедельный журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», опубликовав эту карту нашей планеты. Карта, помещенные рядом с нею таблицы, а также сопроводительный текст — это и есть один из итогов минувшего, 1982-го. Один из итогов деятельности администрации Р. Рейгана на международном поприще. Каков же этот итог?

«На конец 1982 года,— сообщает еженедельник,— 543 400 американских солдат, матросов, персонала военно-воздушных сил и морских пехотинцев находились на службе за пределами Соединенных Штатов — это на 28 850 человек больше, чем год назад».

Отметки на карте — места дислокации американских войск в различных странах света. Не все, понятно. Только главные. Для того, чтобы обозначить все, масштаб карты явно маловат.

Американский журнал, правда, вынужден признать, что к районам, которые «традиционно» находятся «под защитой» войск США, таким, например, как Западная Европа и Япония, прибавились в последнее время новые — Центральная Америка и Ближний Восток. Не забыты в этой публикации и пресловутые «силы быстрого развертывания». И на журнальных полосах, равно как и в замыслах Пентагона, роль для них отводится особая. Сообщается, что с 1 января 1983 года они стали «полномасштабным военным командованием», таким, каким является, например, командование корпуса морской пехоты. Таким образом, появился на свет новый вид вооруженных сил, который предназначен специально для действий на чужих территориях. Специально для агрессии.

Публикация в «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» озаглавлена «Где служат американские войска на конец года». Хотя заголовок «Где угрожают миру американские войска» истинному положению вещей соответствовал бы точнее.

ИТАЛИЯ

«За кризис не должны расплачиваться только одни трудящиеся!», «Нет — политике жесткой экономии!» — под такими лозунгами по всей Италии нарастает мощное забастовочное движение. Его участники требуют от правительства отмены решения о резком повышении цен и налогов.

В решительную схватку с полицией вылилась демонстрация протеста, которую провели в центре итальянской столицы рабочие-металлисты. Они заявили о своей решимости вести борьбу за законные права рабочих и служащих страны.

На снимке:
Полицейские разгоняют демонстрацию.

ДАНИЯ

Оглушительный рев сирен мгновенно развеял утреннюю тишину одного из кварталов Копенгагена, где находятся в основном ветхие, зияющие провалами оконных проемов жилые дома. За какие-нибудь полчаса пустынные обычно кварталы заполнили подразделения полицейских, одетых в специальные защитные костюмы и вооруженных прочными пластиковыми щитами. Вслед за ними была подтянута строительная техника — краны и бульдозеры. Однако строить или реставрировать здесь что-либо никто не собирался. Волей властей было решено снести все полуразрушенные дома, а заодно выселить из них сотни бездомных жителей Копенгагена.

Эта картина — лишь небольшой эпизод из жизни так называемых «сквоттеров» — вечных скитальцев и отверженных датского общества. Их объединяет и роднит отсутствие работы и крыши над головой. Это люди, которые не нашли себе места в обществе «равных возможностей» и вынуждены прозябать, перебиваясь случайными заработками и ночуя в холодных, порой совершенно не пригодных для жилья полуразрушенных домах. Или просто на улице.

На снимке: арест «сквоттера».

ПОРТУГАЛИЯ

Ростом массовых выступлений в защиту своих прав ознаменовали первые месяцы нынешнего года трудящиеся Португалии. Они все теснее сплачиваются вокруг программы за коренное социально-экономическое и политическое преобразование страны. Эту программу выдвинул блок левых сил — Союз за единство народа (СЕН), в который входит и Португальская коммунистическая партия. На состоявшихся в конце минувшего года выборах в местные органы власти СЕН нанес крупное поражение правым партиям.

На снимке:
Во время одного из митингов.

К 70-ЛЕТИЮ ТРИЖДЫ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, МАРШАЛА АВИАЦИИ А. И. ПОКРЫШКИНА

ПРОСЛАВЛЕНН

На завершающем этапе Великой Отечественной войны в состав 2-й воздушной армии, которой мне довелось командовать, была передана 9-я гвардейская истребительная авиационная Мариупольская дивизия. Дивизией командовал первый к тому времени в Советских Вооруженных Силах трижды Герой Советского Союза гвардии полковник Александр Иванович Покрышкин.

Покрышкин пришел в авиацию после окончания Качинской авиационной школы летчиков. Перед войной он служил в истребительном авиационном полку, дислоцированном в городе Бельцы, был заместителем командира эскадрильи.

Как известно, в начале войны наша истребительная авиация оказалась в исключительно тяжелом положении не только потому, что врагу удалось нанести ей большой урон в районах базирования, главное — фашистские самолеты-истребители превосходили наши И-16 и МиГ-3 в скорости и вооружении, кроме того, они имели радиосвязь между собой, бронезащиту кабины пилота и бензобаков.

Однако, несмотря на это, советские летчики отважно дрались с воздушным противником и сбили немало вражеских самолетов. Впоследствии подполковник гитлеровских войск ВВС Греффрат писал: «...Потери немецкой авиации не были такими незначительными, как думали некоторые. За первые четырнадцать дней боев было потеряно самолетов даже больше, чем в любом из последующих аналогичных промежутков времени».

Мужественно сражался и А. И. Покрышкин. Уже на второй день войны он открыл свой счет сбитым фашистским самолетам, уничтожив хваленый «мессершмитт». В небе Молдавии и Южной Украины, в боях на Дону и Северном Кавказе, в воздушных схватках с опытными асами гитлеровского «люфтваффе» ковалось его боевое мастерство, множились ратные подвиги. Но громкая слава о Покрышкине как бесстрашном и искусном воздушном бойце разнеслась в период завоевания советской авиацией воздушного господства на Кубани весной 1943 года. Его полк к тому времени получил на вооружение новые истребители Ла-5, превосходившие по летно-техническим качествам немецкий истребитель «фокке-вульф», называемый гитлеровцами «королем воздуха».

Почти из каждого боя Покрышкин возвращался с победой. Стали нередкими случаи, когда он за один вылет уничтожал по два, а то и три фашистских стервятника. В эфире все чаще раздавались панические предупреждения гитлеровцев: «Внимание, внимание! В воздухе Покрышкин!»

Как-то один из фронтовых журналистов спросил Александра Ивановича, в чем секрет его побед.

— А никакого секрета нет, во всяком случае, для летчиков нашего полка,— отвечал Покрышкин.— Высота, скорость, маневр, огонь — вот формула наших боевых успехов.

Конечно, ему не сразу все это далось. В ходе многочисленных боев и упорных тренировок между боями он шлифовал технику пилотирования, в целях наращивания скорости пикирования смело шел на предельные перегрузки, ради внезапности маневра доводил координацию движений рулями управления самолетом до автоматизма, разрабатывал и совершенствовал наиболее эффективные способы прицеливания и ведения огня одновременно из пушки и пулеметов.

Выводы А. И. Покрышкина, осмысленные всеми летчиками, были приняты на вооружение полка. Надо было не «ходить» над районом боя, как случалось раньше, не барражировать, прикрывая небо от «юнкерсов» и подставляя себя под огненные трассы «мессершмиттов», а самим обрушиваться на противника, атаковать вражеские самолеты внезапно, бить наверняка. Этой задаче подчинялись все элементы полета и боевое построение самолетов, так называемой «этажеркой».

Эффективность боевого порядка «этажерка» летчики 9-й гвардейской истребительной дивизии наглядно продемонстрировали в первые же дни Львовско-Сандомирской операции. Неся боевое дежурство, летчики-истребители своевременно заметили до пятидесяти вражеских самолетов. Используя численное превосходство, фашисты рассчитывали прорваться к боевым порядкам наших войск. Однако А. И. Покрышкин решил атаковать противника. Первой, взмыв в небо, ринулась на врага сковывающая группа

НА ОСТРИЕ ПУБЛИЦИСТИКИ

Опыт журналиста, сердцем откликающегося на волнующие миллионы людей события и явления действительности, большая литературно-общественная деятельность, участие в крупнейших международных форумах, углубленный писательский интерес к «болевым точкам» современной истории помогли А. Чаковскому выработать определенный угол зрения на важнейшие социальные и политические проблемы времени, обусловили ясную последовательность его гражданской и нравственной позиции.

Александр Чаковский. Литература, политика, жизнь. М., Политиздат, 1982, 368 стр.

Писатель активного бойцовского темперамента, всегда находящийся на переднем крае борьбы за торжество коммунистических идеалов, А. Чаковский в своей новой книге — публицистическом сборнике «Литература, политика, жизнь» обращается к читателю как бы непосредственно, напрямую, а не через систему образов. И свою неизменную задачу он видит в том, чтобы «у одних еще более укрепить веру в правильность выбранного нами пути к коммунизму, других — колеблющихся — привлечь на нашу сторону, третьих — врагов — разоблачить, с маскирующихся сорвать маски».

Сборник «Литература, политика, жизнь» успешно служит этой нелегкой цели. На страницах книги представлена публицистика А. Чаковского разных лет, весьма разнящаяся по характеру, литературному стилю и избранным жанрам. Мы встречаем здесь газетные и журнальные статьи, книжные предисловия, выступления на партийных и писательских съездах, международных симпозиумах и конференциях, интервью советским и зарубежным органам печати (некоторые из них на русском языке публикуются впервые), полемические заметки. Однако ощущения разнородности собранного в сборнике материала не возникает. Напротив, проникаешься чувством высокого идейного единства книги, целостности содержания всех разделов и глав.

Отточенность аргументации, публицистический накал отличают каждый из разделов — «Голосует сердце», «Слово правды — наше оружие», «Поговорим начистоту», «Встречи с друзьями», «Литератор и общество». Им присущи прямота и законченность суждений, непримиримость советского писателя-коммуниста к любым формам идеологических диверсий против мира и социализма.

Александр Чаковский

Литература, политика, жизнь

Автор книги хорошо знает «в лицо» наших идейных противников и умеет распознавать их под всяческими личинами. Ему не раз доводилось вступать с ними в схватку на «чужом поле», и он с честью выходил из этих трудных поединков. Вот почему столь убедительны страницы книги, посвященные анализу различных прояв-

ЫЙ СОВЕТСКИЙ АС

А. И. Покрышкин перед вылетом на боевое задание. Зима 1942 г.

дважды Героя Советского Союза Г. А. Речкалова. Летчики подожгли два «юнкерса» и сразу же нарушили плотный строй бомбардировщиков. Следующий удар по немецким самолетам нанесла четверка истребителей, которую вел сам А. И. Покрышкин: запылали еще две машины. Звено Героя Советского Союза старшего лейтенанта А. И. Труда прочно сковало боем немецких истребителей. «Мессеры» уже ничем не могли помочь своим бомбардировщикам. Пользуясь этим, группы Речкалова и Покрышкина повторили атаки, сбив в общей сложности девять вражеских машин. Всего в те дни летчики этой дивизии сбили 183 самолета противника.

Отлично действовали воспитанники Александра Ивановича в Висло-Одерской, Берлинской и Пражской операциях, надежно прикрывая штурмовиков, бомбардировщиков и наземные войска, прежде всего их ударные силы — 3-ю и 4-ю гвардейские танковые армии.

А. И. Покрышкин не только умело руководил своей дивизией, но и сам участвовал во многих воздушных боях. Он был летающим, сражающимся комдивом. Чуть больше года командовал Покрышкин дивизией. За это время летчики-истребители произвели 9335 боевых вылетов, провели 272 воздушных боя, уничтожили 410 вражеских самолетов. А на счету самого комдива к концу войны было 59 фашистских стервятников. За боевые успехи дивизия была награждена орденами Ленина, Красного Знамени и Богдана Хмельницкого II степени.

В июне 1945 года мы вместе с Александром Ивановичем участвовали в параде Победы. Ему выпала большая честь пронести по Красной площади знамя сводной колонны войск 1-го Украинского фронта. В ожидании торжественного марша я спросил заметно взволнованного комдива, какие у него планы.

— Учиться, товарищ командующий,— ответил прославленный ас.

И действительно, в этом же месяце он поступает в Военную академию имени М. В. Фрунзе, которую успешно оканчивает, получив диплом с отличием и золотую медаль. В октябре 1957 года генерал Покрышкин так же блестяще завершает учебу в Военной академии Генштаба и становится обладателем второго диплома с отличием и золотой медали.

Получив солидную теоретическую подготовку, Александр Иванович занимает высокие посты в авиации и войсках ПВО страны. В те же годы он защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата военных наук. В 1972 году А. И. Покрышкину присваивается высокое воинское звание Маршала авиации. Избранный председателем ЦК ДОСААФ СССР, он на протяжении девяти лет руководил этим оборонным обществом, активно занимаясь подготовкой молодежи к службе в Советской Армии и Военно-Морском Флоте.

Трижды Герой Советского Союза, кандидат в члены ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР, Маршал авиации А. И. Покрышкин и поныне продолжает службу в Советских Вооруженных Силах, внося свой вклад в укрепление оборонного могущества нашей великой Родины.

С. А. КРАСОВСКИЙ,
Маршал авиации,
Герой Советского Союза

лений антикоммунизма и антисоветизма в жизни западных стран, будь то политика или экономика, наука, культура, мораль. Эти страницы подкреплены опытом личного общения и полемики писателя с апологетами буржуазного мировоззрения.

В главах «Интеллигенция и антикоммунизм», «О свободе мнимой и подлинной», в ответах на вопросы английского радио, в статье «Друзья и недруги реального социализма» вскрываются социальные и философские корни нынешнего антикоммунизма, обнажается ложное истолкование его идеологами неотвратимых перемен в развитии человечества. Прислужники буржуазии — «советологи» всех мастей предстают перед нами на страницах книги в свойственной А. Чаковскому гневно-саркастической окраске.

Мы знакомимся в книге и с теми талантливыми художниками Запада, которые стали жертвами буржуазной пропагандистской машины. Стейнбек и Брэйн, Осборн и Уэйн, некоторые из так называемых «рассерженных молодых людей», некогда гордившиеся своей прогрессивностью и ролью обличителей капиталистических порядков, вольно или невольно сделались проводниками внешней политики империализма. В разделе «Литератор и общество» автор прослеживает их трагический путь от иллюзорной «интеллектуальной независимости» к ренегатству, показывая, что «интеллектуальный антисоветизм» превратился сегодня в одно из главных орудий империализма, когда власть имущие готовы простить художнику даже формальную принадлежность к компартии, если находят в нем сочувствие антисоветским нападкам.

Не менее впечатляющи авторские исследования пресловутой «свободы творчества» — одной «из тех роковых приманок, какими пользуется буржуазия, чтобы толкнуть людей искусства в сторону от путей, на которых обретается подлинная, а не эфемерная свобода духа и творчества».

«Свобода печати» — еще один буржуазный миф, подвергающийся в книге беспощадному развенчанию. А. Чаковский приводит красноречивые примеры того, как западные средства массовой информации сознательно искажают истину, дезориентируя людей. Писатель не проходит мимо изощренных попыток буржуазных идеологов под видом «гуманитарных» вопросов дискредитировать платформу научного коммунизма и провозгласить подлинными художниками лишь тех, кто чурается социальной тематики, кто остается в стороне от общественно-политической жизни эпохи.

При этом А. Чаковский не боится полемических обострений в споре со своими оппонентами. Читателям «Литературной газеты» памятно включенное в книгу «Открытое письмо президенту США Дж. Картеру», проникнутое глубокой озабоченностью враждебными политике разрядки действиями вашингтонской администрации. «Вы обещали людям мир и борьбу за взаимное доверие,— говорится в письме,— а начали с ожесточенных нападок на образ жизни той страны, без мира с которой не может быть мира на земле».

Дальнейшие события и «крестовый поход» против коммунизма, объявленный уже нынешним президентом США Рональдом Рейганом, подтвердили правоту суждений советского писателя. Вот почему он с неутомимой силой продолжает страстные, аргументированные выступления в защиту мира и разрядки международной напряженности, против нависшей над планетой угрозы ядерной катастрофы. Посвященные важнейшей проблеме современности статьи и речи А. Чаковского преисполнены социальным оптимизмом, верой в победу разума и гуманизма. Эти выступления вновь возвращают читателя к положениям Отчетного доклада ЦК КПСС XXVI съезду партии, содержащим развернутую Программу мира, к последующим неустанным мирным инициативам нашего государства.

Особое место в книге занимает речь писателя на XXVI съезде КПСС. Она приводится в разделе, который назван «Голосует сердце». «Советская художественная интеллигенция сильна и духовно непобедима своей сплоченностью вокруг ленинской партии, неразрывной связью с ее великим делом»,— сказал в этом выступлении А. Чаковский.

Эти слова находят подтверждение в конкретном содержании каждого из разделов книги. Ее действенность, живая острая форма, несомненно, привлекут внимание читателя.

О. ЮДИН

Весенний зов

Раиса САРБИ

ДЕРЕВНЯ РУНГА

В каждой капле — солнце
в изобилье,
Росами осыпаны луга.
Всходит утро над рекой
Цивилью —
Просыпайся, тихая Рунга!
Собери в подол все звуки лета:
Петушиный крик и рев коров,
Скрип калиток да слова привета
Выходящих в поле земляков.
Что ни дом здесь —
Кружевной наличник,
Тень над крышей тополь
распростер.
К яблоневой тяжести привычный,
Клонится, но держится забор.
В зелени твоей, Рунга, тону я!
Я в твоей застенчивой красе
Узнаю Чувашию родную —
Край, лежащий в солнечной росе.

**Перевела с чувашского
Татьяна КУЗОВЛЕВА.**

ДРУГУ

Спит деревня над рекою,
Дремлет лес, горит закат.
Что ты сердце беспокоишь?
Почему молчишь, солдат?
Мне бы взвиться легкой птицей,
Чтоб увидеть с высоты,
Как ты служишь на границе?
Почему не пишешь ты?
В темном небе нет дороги,
Только звезды вдаль плывут.
Пусть они мои тревоги
Все тебе передадут.

**Перевела с чувашского
Маргарита КИРИЛЛОВА.**

ДОЛГ

«Ты не слышала гром канонады,
Не рвались над тобою снаряды,
Ты навстречу врагу не вставала,
Ты от раны в снегу не стонала,
Не горела в термитном огне...
Ты не можешь писать о войне!»
Но мне слышится гром канонады,
И летят надо мною снаряды,
Черный дым развевает знамена,
И уходят на смерть батальоны,
И солдат умирает в огне...
Не могу не писать о войне!
Как могу не писать я об этом!
Я была на войне вместе с дедом,
Я была под свистящим свинцом
Вместе с раненным трижды отцом.
Я отцовскими вижу глазами,
Как в дыму развевается знамя.
От Москвы
В побежденный Берлин
Не один он пришел,
Не один.
Эта память
Как рана сквозная.
Ощущаю войну,
Осязаю.
Даже в снах
Через мирную крышу
Я разрывы и вижу и слышу.
Через эти разрывы и гулы
Шепчут мне чьи-то мертвые губы:
«Ты не можешь молчать обо мне,
Ты должна написать о войне!»

**Перевел с чувашского
Владимир КОСТРОВ.**

Лариса ЗАХАРОВА

КАПЕЛИ

Песенку весеннюю запели
Звучные апрельские капели.
Слезы их обильные не значат,
Что они с зимой в разлуке плачут.
Правда, о зиме не забывают,
Только слезы разные бывают:
Так дитя, заплакав, засмеется,
И слезинок солнышко коснется,
И в глазах, как в зорях
беспечальных,—
Радуга на капельках хрустальных.
На душе привольней и теплее...
Пусть звенят апрельские капели!

МУЗЫКА

Она родник всем жаждущим
напиться,
Любви в ней ищут юные сердца.
То красками одарит живописца,
То трепетной мелодией певца.
Какая есть, такой и принимаем.
И все ж подчас я искренне
скорблю:
Что звуков я ее не понимаю
И не пойму, за что ее люблю.
Быть может, родилась
я невезучей.
Но в ней встречаюсь с чем-то
дорогим:
И слышу строки мыслей и
созвучий,
Быть может, недоступные другим.
А где-то там творит художник
страстный,
И звуки льются, в воздухе звеня,
Что так неподражаемо прекрасны
И так непостижимы для меня...

г. Жуковский.
Московская обл.

Зоя ГРАЖДАНСКАЯ

О ТОЙ РЕКЕ

Сегодня что-то я печалюсь
О той реке, о той реке,
Где загорали, и купались,
И кувыркались на песке.
О той реке я заскучала,
Где волны плавила заря,
Где от причала до причала
Стрелой несла меня «Заря»;
Где пароходики когда-то
Неспешно двигались вперед;
Где навещала я солдата
На берегу в нелегкий год.
Я об Оке затосковала —
О той реке, о той реке,
Что прежде песни мне певала
И — усыпляла на песке.

УТРО

Утро встало так рано —
Все в серебряных росах.
Утро встало в туманах,
Как в серебряных косах.
В озерцах-перламутрах,
Тишиной напоённых,
Очень доброе утро,
Что не верует в войны.
Очень доброе утро
Пробудило в болотах
Стаи маленьких уток,
Что не верят в охоту.
Пусть над ними, над нами
Светит день золотистый!
Пусть не грянет в тумане
Оглушительный выстрел!

СОВЕТ

Нить не оборви:
Не забудь о том,
На какой крови
Наш построен дом!
Памятью любви
Оглянись назад,
На какой крови
Мы взрастили сад!
Бейся вновь и вновь
За людей, за нас,
Чтобы эта кровь
Не зазря лилась!

Москва.

Валентина КОРОСТЕЛЕВА

И ЗВЕЗДА ЗАВЕТНАЯ...

Завладели скорости судьбою,
Нет, чтоб передышкой одарить.
Нам бы просто свидеться с тобою,
Нам бы о своем поговорить.
Чтобы — руки в руки, чтобы ясно
Было в душах наших и глазах,
Чтобы снова тихо и прекрасно
Уходило солнце за леса,
Чтоб с души и тела накипь злую
Молодые воды унесли,
И глубоки были поцелуи,
И звезда заветная вдали...

Я ТЕБЕ О ЛЮБВИ НЕ СКАЖУ...

Я тебе о любви не скажу,
Только шарф на дорогу свяжу,
Молчаливо, от боли слепа,
Припаду к загрубевшим губам.
Я тебе о любви не скажу,
До вокзала тебя провожу,
Ограничусь пожатьем руки —
Не хочу целовать при других.
Я тебе о любви не скажу,
О друзьях и делах напишу,
Так, чтоб было совсем не узнать,
Каково мне тебя вспоминать.
Я тебе о любви не скажу,
Лишь одно я себе разрешу:
Проклиная, ревнуя, любя,
И дождаться и встретить тебя!

Калининская обл.,
пос. Изоплит

Татьяна ШЕХАНОВА

* * *

Ленинград,
Твоя память болит по ночам.
И в иссохших ладонях
Блокадные пайки
Бестелесные дети
Подносят врачам —
К их очкам. Окулярам.
Глазам. Без утайки.
В этом твердом, как камень,
В этом черном, как смерть,
В этом горьком, как горе,
Блокадном осколке,
В этих граммах скупых
Крылась мера всех мер:
Сколько жить? Сколько ждать?
Сколько? Слышишь ты, сколько?..
Сколько детских
Измученно-старческих глаз
Истончилось, зашло,
Сникло в рухнувших храмах!
Не хватило до солнца,
До света, до нас
Этих нескольких
Темных, с макухою, граммов.
И Нева, не найдя их,
Не спит по ночам
И глядит в нашу даль
Ледяными глазами...
Если б вдруг удалось
Обезболить врачам,
Успокоить на миг
Ленинградскую память!

* * *

Ах, какие песни
Пела Акулина —
С присказкой-прибавкой —
Складней поищи! —
Ах, какие песни
Тоненько и длинно
Выводила бабка
Голосом души.
И звенели — в отзвук! —
Вымытые кринки,

Е. Аносова. Род. 1956. ЖЕНЩИНЫ ВОСТОКА. 1981.

И. Шевандронова Род. 1928. МОЛОДЫЕ. 1975.

Весенний зов

Сохли на заборе
С гулом чугуны.
Наполнялся воздух,
Молодой и винный,
Грустью и задором
Бабкиной луны.
Пела бабка верно.
Пела бабка просто.
По разучке древней —
Прямо до сердец.
И светло и мерно
Отбивали косы
Вдоль по всей деревне —
Из конца в конец.

Москва.

Инара РОЯ

* * *

Вертись, земля, да не наскучит
Тебе извечное вращенье,
И самолет за ближней тучей,
И спутников перемещенье.
О, сколько звезд на небе темном,
Как ночь мерцает и искрится!
Как чудно в мире жить огромном
И зорко всматриваться в лица!
Проснешься рано, до рассвета,
И вдруг покажется: планета
Свое замедлила вращенье
И ждет поддержки и совета.

Перевел с латышского
Александр КУШНЕР.

* * *

Я б тебе рассказала про ветер —
Как он светел и свеж на рассвете...
Но сломалось у лодки весло,
И ее по теченью снесло.
Я б тебе рассказала о зимах —
О печурках невообразимых:
Разожжешь — потеплеет чуток,
Лед по стеклам, глядишь,
и потек...
И —
весна неуемная —
в двери!
Я тебе расскажу о доверье.

Перевела с латышского
Татьяна БЕК.

* * *

Что им до нас, какая забота?
Выводок вскормят и вновь улетят.
Но остается их крыльев свобода
В гнездах, хранивших тепло
аистят.
И не дает этим гнездам покоя:
— Ствол свой покинуть не
можете, нет?
Крепко, как дети, прижались
щекою.
Рвитесь, покуда есть солнечный
свет!
И потеряйтесь в безвестности
ночи.
Цепи земные нужны не всегда!
Старые истины станут короче.
Новым не надо чужого следа.
Что им до нас, какая забота?
Выводок вскормят и вновь улетят.
Но остается их крыльев свобода,
Наши сердца обжигая, как яд.

Перевела с латышского
Вера ПАНЧЕНКО.

Ольга КУШНИР

* * *

Три женских имени
Живут во мне всегда,
Три женских имени...
Я с верой жду тебя,
Любимый, жду,
Я Вера.
С надеждой я спешу к тебе,
Спешу —
Надежда.
С любовью вечной
Я гляжу в твои глаза —
Любовь я.
Три женских имени
Живут во мне всегда.
Три...

Перевод с украинского автора.

ГОЛУБИ

К окну моему,
Возвещая зарю,
Все летят и летят
Голуби.
Их я крошками хлеба
Снова кормлю,
Обмываю им раны
Из проруби.
То ли сок забродил
Под набухшей корой,
То ли это мне снова
Приснилось.
И любовь, как птенец
Предвесенней порой,
Вновь с дыханьем ветров
Пробудилась.
Сто дождей молодых
Прошумит за окном,
Ну, а радужных солнц
Целых тысяча.
И предвестник тепла,
Меж деревьями гром
Много звезд золотых
В небе высечет.
Значит, это не сон,
Значит, это не сон:
Вы в разлуке
Соскучились, милые,—
Если утром опять
Мчитесь с разных сторон
И спешите ко мне,
Сизокрылые.

Перевел с украинского
Евгений АНТОШКИН.

Ирина НАБИЕВА

БАБУШКА

Научила меня бабушка
В слоги складывать слова.
Научила меня бабушка
Суп варить, пилить дрова.
Научила не завидовать
Изобилию вещей
И беречь, а не раскидывать
По небрежности друзей.
Научила не рассчитывать
На чужие пироги,
А своей судьбы испытывать
Прихотливые круги.
Научила жить улыбчиво,
С обнаженною душой.
Научила быть отзывчивой
К неурядице чужой...
И сама не знала бабушка,
Как во всем была права.
И теперь не знает бабушка,
Что в душе моей жива.

ЛЕТЧИКУ

Мыслями он был еще в полете,
Видел звезд мерцающие диски,
Но уже спешил к земной заботе,
Слышал голоса родных и
близких...
Очень хорошо в уюте дома
Отдохнуть, расслабиться душою,
Но душе затишье незнакомо,
Но душа стремится к непокою.
И влекут небесные стихии,
И тревожат алые закаты,
А моря, просторы луговые
Летчику, как видно, тесноваты...
И недолги радости земные,
Если счастье видится в боренье,
Если просят сердца позывные
В небесах встречать зари
рожденье!

Москва.

Анфиса ИВАНОВА

СОЛДАТАМ ВОЙНЫ

В госпиталях дежурила я часто.
Носила раненым цветы в палаты.
Навстречу слышалось:
«Сестренка, здравствуй!»
Спасибо говорили мне солдаты.
В Воронеже, Одессе и Крайове
Я очерки писала о героях.
Но парни, смерть видавшие не
раз,
Скупыми были на такой рассказ...
Листаю пожелтевшие страницы
Газет военных. Вижу ваши лица...
И не забыты в памяти народной
Ваш ратный труд и подвиг
благородный.

НЕ СЧИТАЙТЕ ГОДА

Не годы нас старят, а горести,
Печали и раны души.
Подумай о женской ты гордости
И прошлое не вороши.
Ничто не прощается женщине,
И возраст простить не хотят...
А судьбы у всех переменчивы,
А годы летят и летят.
Легли паутинкою лучики
У добрых, доверчивых глаз,
Семейное благополучие
Встречает с улыбкою нас.
А если морщинка глубокая
Легла меж бровей на чело,
Знать, выпала жизнь одинокая
И счастье ее обошло.
И радости жизни и горести
Не минули женской души.
Поэтому помни о гордости
И годы считать не спеши.

Москва.

Софья ПОЧАПОВСКАЯ

* * *

Сыпать снег зима устала
И, притихшая, ушла.
Льдин расшитых покрывала
Речка с гулом унесла.
И по розовым рассветам
Пробудившихся полей,
В серебро с утра одетый,
Заливается ручей.

* * *

Зеленый луг в апреле
Опять цветет!
И в птичьих звонких трелях
И в гуле вод.
Зеленый дым в апреле
Плывущих облаков...
И словно звон капели,
Весенний зов!

Москва.

М. ЩУКИН

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

ОТ ШКО

Она и сейчас хорошо помнит тот день, яркий солнечный день в самом начале тихого, ласкового сентября. Шорох опадающих листьев, блестки паутинок и обилие цветов в руках ребятишек. Уже два с половиной года прошло, а так врезалось в память, как будто было вчера. Все впервые. Впервые, еще оглядываясь на мам, несмело вошли в класс и сели за парты тридцать шесть мальчишек и девчонок. А она, Валентина Иннокентьевна Белорукова, выпускница Новосибирского пединститута, начала свой первый в жизни самостоятельный урок, к которому так долго готовилась.

Очень волновалась и дальше первой парты ничего не видела. Говорила, а голос был чужим, пыталась разглядеть лица, а они сливались в одно, хотела успокоить себя, а руки заметно подрагивали.

Девочка уронила на пол карандаш, залезла под парту, чтобы его поднять, но тут вспомнила, что наказывали дома: «Надо сначала спросить разрешения у учительницы». А вспомнив, испугалась и минут десять сидела под партой. Взволнованная молодая учительница этого даже не заметила. (Потом уж ей рассказали об этом родители девочки, и они вместе посмеялись над забавным случаем.)

Но за первым уроком начался второй, пятый... Валентина Иннокентьевна, входя в класс, встречала уже знакомые теперь лица, видела их все сразу. Сейчас те тридцать шесть мальчишек и девчонок учатся в третьем классе. Молодая учительница навсегда с ними сроднилась, потому что вложила в этих мальчишек и девчонок часть своей души.

В третьем «Г» Толмачевской средней школы Новосибирского района мы просидели все четыре урока и еще остались на группу продленного дня — ее ведет Белорукова. Порой мы даже забывали, зачем сюда пришли, и жили вместе с ребятишками и их учительницей одними общими радостями и огорчениями — так здесь все было искренне и открыто. А сколько событий, самых разных, произошло за какие-то семь часов! Вот Дима на уроке родной речи с восторгом, захлебываясь, пересказывает только что прочитанный рассказ из доброй и веселой книги «Витя Малеев в школе и дома». Его сосед по парте, ни разу не сбившись, звонко отчеканил отрывок про шофера из книжки «Кем быть?». Почему про шофера? Да потому, что у него папа шофер и сам он тоже хочет быть шофером.

А тут что за горе случилось? Леня, который всего несколько минут назад весело сверкал глазами и как бы ненароком все прикасался к своей мальчишечьей драгоценности, армейскому значку специалиста третьего класса, прикрученному к курточке, вдруг безутешно расплакался. Оказывается, Юра — вот он приглаживает свою рыжеватую голову и прячет хитрющие глаза — дразнит его за полученную тройку. Юре — строгий выговор, а на плечи Лени легла добрая рука, и мальчик успокаивается.

И так каждую минуту, каждый урок. То строго, то ласково, но всегда с любовью. С той материнской любовью, какая и должна быть у настоящей учительницы. Коллеги Белоруковой рассказывали, что она еще ни разу ни одного своего ученика не приводила ни к

В зимнем лесу.

Можно, я отвечу!..

Перемена... перемена...

ЛЬНОГО ПОРОГА

директору, ни к завучу. Предпочитает все решать сама, в классе, потому что уверена: никто не знает ее малышей так, как она. И никто лучше, чем она, не разберется с провинившимся.

Малыши ее заметно выросли и, как говорит Валентина Иннокентьевна, повзрослели. Многого успела добиться и их учительница. Среди коллег она пользуется любовью и уважением, молодые учителя-комсомольцы избрали ее своим вожаком, ей оказали большое доверие, выдвинув в депутаты районного Совета. А совсем недавно Валентину Иннокентьевну Белорукову единогласно приняли кандидатом в члены партии.

Валентина Иннокентьевна просто не мыслит свою жизнь без общественной работы. И после уроков ее ждет множество неотложных и важных дел. Надо вместе с комсомольцами подготовить концерт к празднику, побывать у избирателей, разобраться с поступившими жалобами. А еще обязательно сходить домой к Жене Щербинину. Мальчик тяжело болен, уже несколько лет как прикован к постели, но ведь это совсем не значит, что он не должен учиться. И Валентина Иннокентьевна приходит к нему в точно назначенное время и раскладывает учебники...

...Заканчиваются занятия в группе продленного дня. Малыши, приготовив домашние задания, складывают в портфели тетради и книжки, торопятся по своим очень серьезным делам. Валентина Иннокентьевна, провожая их, не забывает спросить, кто и куда сегодня идет. В ее мягком, спокойном голосе вдруг прорываются горделивые нотки. И мы невольно убеждаемся, что третьеклассники — народ серьезный, занятой. Одни торопятся на секцию борьбы, другие на урок музыки, а третьи в балетную студию. Что и говорить, остается только завидовать такой широте интересов.

Закрылись двери за последней девочкой. Опустел класс. И пустой, без ребятишек, без их звонких голосов и смеха, он кажется странным. В непривычной тишине хорошо думается, когда стоишь у широкого светлого окна. И думается не о будничных, быстротекущих заботах, а о большем — о прошлом и будущем.

Первый выпуск в Толмачевской средней школе пришелся на страшный июнь сорок первого года. Безусые мальчики прямо со школьного порога шагнули навстречу смертельному пламени.

Пройдет время, и нынешние третьеклассники выйдут за порог школы. Очень хочется, чтоб у них была счастливая судьба, чтобы они любили свою страну и свой народ, как те мальчики. Во имя этого Валентина Иннокентьевна каждый день входит в класс, где ждут ее тридцать шесть малышей...

На занятиях балетной студии.

Во время большой перемены можно пообедать.

Уроки кончились.

Чужое оружие

Владимир КАШИН

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

IV

— Ну вот,— недовольно произнес Литвин, пытаясь открыть дверь ключом, изъятым во время обыска у Ганны Кульбачки.— Сюда он не подходит.

Майор сердился, и, возможно, именно поэтому ключ не входил в большой, с толстой дужкой, аккуратно вставленный висячий замок, которым Лагута закрывал свой дом.

— Это, Юрий Иванович, из области фантастики или детективных романов,— продолжал Литвин, обращаясь к капитану.— Даже если бы им и открыли дверь, это вовсе не означало бы, что он от этого замка.

— Замок с секретом, товарищ майор,— сказал Бреус.— Разрешите?

Он взял из рук Литвина замок и, нажав на боковом срезе едва заметную продолговатую пластинку, помеченную тоненькими черточками, отодвинул какую-то заслонку.

Ключ легко вошел в замок. Капитан свободно вращал его, дважды повернул влево, потом вправо. Мягко щелкая, замок то отпускал толстую дужку, то прихватывал ее.

— Вот так,— сказал Бреус, положив замок и ключи на стол. В голосе начальника уголовного розыска звучали нотки некоторого самодовольства, которые он не сумел скрыть.

— Ну, хорошо. Замок и ключ хотя и кустарные, однако не исключена возможность, что и у других людей есть такие,— настаивал майор.— Какой-то умелец изготовлял их на продажу, и, наверное, не в одном экземпляре.

— Этот замок сугубо индивидуальный, такого замка и ключей в Вербивке больше ни у кого нет,— доложил Бреус.— У Кульбачки замка тоже нет, однако этот ключ оказался у нее в связке. Он и привлек мое внимание тем, что походил на ключ Лагуты, который мы нашли в кармане убитого.

Майор Литвин пододвинул ключ Лагуты к связке продавщицы.

— Как две капли воды,— сказал Бреус. Взяв оба ключа со стола, приложил друг к другу.— Совершенно одинаковые.

— И что, по-вашему, все это значит? — спросил Литвин, надеясь, что Бреус до конца выскажет свои соображения.

Капитан и Литвин разговаривали не торопясь, с небольшими паузами, давая тем самым подполковнику Ковалю возможность принять участие в дискуссии. Однако Дмитрий Иванович не торопился с выводами.

— Это дает то,— сказал Бреус после короткого раздумья,— что свидетельствует о близких отношениях Кульбачки с убитым Лагутой, подтверждает данные опроса свидетелей. Люди говорят, что бегала она к нему тайком, ночью пробиралась лесочком. Я сначала не придал значения подобным россказням. Но ключ от замка Лагуты! Это уже другое дело! Вряд ли ключ у нее оказался случайно. Плотник был человеком осторожным, нелюдимым, блаженного из себя строил, а сам богатство копил. Вон сколько у него денег и драгоценностей изъяли. Как же он мог ключ от своего дома чужому человеку доверить? Она ему и не супруга и не родственница.

— Ну, хорошо, Юрий Иванович. Этот ключ от замка Лагуты. Допустим, бегала она к нему. Допустим даже, что любовницей была. Что это нам добавляет к делу, которое мы завели на Кульбачку за ее спекуляцию, за торговлю самогоном и водкой, приготовленной из ворованного спирта? Более того, это ничего не проясняет в убийстве Чепиковой и Лагуты. Это разные события, разные факты,— твердо сказал майор.

В кабинете воцарилось молчание. Первым его нарушил Коваль:

— А если окажется, что одна цепочка, Сидор Тихонович?

Майор широко открытыми глазами уставился на Коваля. Сказал бы это не подполковник, а кто-нибудь другой, Литвин ответил бы: «В огороде бузина, а в Киеве дядька». Сейчас только проворчал:

— А почему она этим ключом не открыла дверь, а полезла к Лагуте в окно? Не легкое дело, особенно для женщины, да еще ночью.

— Хотела, по-видимому, запутать дело, чтоб подумали: обычная попытка грабежа,— сказал Бреус.

Снова капитан воспрянул духом. Глаза его засверкали, и он, довольный, повторил:

— А может, и в самом деле единая цепочка? — И выжидающе посмотрел на Коваля, как будто у него был заранее готов ответ на все вопросы, что вот уже несколько дней не дают им покоя.— И надо допросить ее не только о нарушениях в торговле, а также об убийстве.

— Что ж вы хотите сказать, Юрий Иванович? — пожал плечами Литвин, считая более удобным возражать не Ковалю, а своему подчиненному.— Хотите отказаться от версии убийства из-за ревности? Возразить, что убийца — Чепиков, который сидит у нас в камере и уже почти сознался, подтверждая этим все наши хотя и второстепенные, но объективные обвинения?

Вопрос был поставлен ребром, и капитан ничего не мог на него ответить.

С уважением посмотрел Коваль на Бреуса. Надо было иметь большое мужество, чтоб противостоять очевидному. Да еще если на стороне очевидного твое начальство.

Выручая капитана, Дмитрий Иванович сказал:

— Допросим еще раз Кульбачку...

— Это ваши ключи? — спросил продавщицу Литвин, доставая из ящика связку ключей и бросая их на стол.

Коваль заметил, как Ганна словно замерла, сникла. А потом решительно заявила:

— Мои.

— Хорошо,— одобрительно произнес майор, перебирая пальцами ключи, как четки.— И вот этот тоже?

Продавщица посмотрела на ключ, который показывал Литвин, и, насколько ей удалось, беззаботно спросила:

— Неужели мой?

— Да, ваш.

— В протоколе, который вы подписали, речь идет о связке ключей в количестве восьми штук,— напомнил капитан Бреус.— Здесь их как раз восемь. Все на месте.

Он взял со стола листы протокола и поднес их к Ганне. Женщина даже не посмотрела в его сторону.

— Ну, если мой, так, значит, мой,— ответила она Литвину.

— А замок где висит?

— Потеряла замок... Давно покупала в Черкассах...— уже более уверенно сказала Ганна.— Видно, где-то пропал. А ключ как висел в связке, так и висит. Только зачем вам все это? Что это, преступление — иметь ключ? — Женщина вызывающе посмотрела на офицера.— У меня в хате подороже вещи есть, а вы к ржавому ключу цепляетесь...

— Иметь ключи, разумеется, не преступление,— улыбнулся одними глазами Коваль. Он кивнул майору, и тот достал из ящика большой замок.— Говорите, потеряли замок? А мы его нашли...

Литвин пододвинул к Ганне через весь стол ключи и замок.

— Ваш? Или мы ошиблись? Возьмите в руки.

Продавщица не знала, что делать: то краснела, то бледнела, то протягивала руку к замку, то отдергивала ее, словно боялась обжечься. А глаза метали стрелы.

— Не мой,— наконец тяжело произнесла она.— Не мой замок. И так вижу.

— А чей?

— Не знаю.

— Что ж получается: ключ подошел, а замок, говорите, не ваш?

— Я замок купила в Черкассах на базаре. Возможно, мастер сделал еще кому такой.

— А если я вам скажу, где мы его нашли?

Ганна подняла глаза — белые, прозрачные пустые.

— На двери хаты покойного Лагуты.

Ничего другого Кульбачка и не ждала, поэтому ни одна черточка на ее лице не дрогнула.

— Значит, и Лагута у того же мастера в Черкассах купил,— выпалила она.

У капитана Бреуса не было фактов, чтобы возразить Кульбачке. Его гипотеза, так же как и легенда продавщицы, пока что на весах истины имела одинаковый вес: нет прямого доказательства! Но поскольку правосудие требует, чтоб не подозреваемый защищал свою невиновность, а обвинитель доказывал преступление, то сейчас поединок выигрывала видавшая виды Ганка.

— Ну, что ж, гражданка Кульбачка,— подвел итог Коваль.— В данном случае у нас нет оснований не верить вам. Больше ничего не хотите добавить?

Продавщица отрицательно покачала головой.

После того как ее увел конвоир, Коваль заметил начальнику уголовного розыска:

— Не следует, Юрий Иванович, увлекаться непроверенными предположениями. Только обоснованная гипотеза становится нашим оружием. Иначе оружие, как видите, оказывается в руках противника...

Майор Литвин с удовольствием слушал Коваля...

V

— Рассказывайте, как к вам попал пистолет. Где прятали его?

— Никакого пистолета не знаю,— Чепиков даже развел руками, словно показывал, что у него и сейчас ничего нет.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 6—9.

Коваль обратил внимание на большие руки Чепикова, с которых и в камере не сошли желтые твердые мозоли, не прошли следы от царапин и земли, въевшейся в кожу.

Дмитрия Ивановича всегда поражали руки человека. У преступника они рассказывали не только о том, как он совершил преступление, но и то, как человек жил раньше. Наблюдая за руками, подполковник мог прочитать картину душевного состояния, биографию подозреваемого. И определял он все это не по линиям ладони, как хиромант, не по узорчатым рисункам на пучках, как криминалист-дактилоскопист, а как человек, наделенный огромным жизненным опытом...

— Ну так что, Иван Тимофеевич? Пистолет у вас был системы «парабеллум». Есть свидетели. Приблизительно за месяц до убийства вы уронили его на «дубках», возле ларька. Но сразу спохватились, подняли и положили в карман. Наверное, еще оглянулись, не увидел ли кто? И недавно им развлекались в лесу.

— Байки все это,— поднял голову Чепиков.— Никакого пистолета у меня сроду не было. Ни в каком лесу я не стрелял. И на «дубках» ничего не ронял, да и никто не мог видеть, чего сказки рассказывать. Приходил на «дубки», когда не было людей. Зачем мне со своим горем с кем-то делиться. Сходок всегда избегал.

Сегодня Чепиков был не таким агрессивным, как в прошлый раз: начинали сказываться дни, проведенные в камере, и все сильнее давили на него доказательства, собранные уголовным розыском. И, конечно, не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что нервное потрясение, особенно ощутимое в первые дни, притупилось. Чепиков словно отчаялся, оцепенел, пал духом.

Коваль выдвинул ящик из стола и достал папку с материалами дела.

— Вот,— сказал он, найдя нужный документ.— Показания гражданки Кульбачки, она и видела все это через окно ларька...

— Кульбачка? Ганка, значит. Подлая она тварь, товарищ подполковник...

— Теперь верите мне? — спросил подполковник и, не ожидая ответа, заметил: — Нам все или почти все известно, и отказываться нет смысла. В прошлый раз вы считали возможным отмалчиваться, даже грубили. А теперь должны сказать правду.

Чепиков остался глухим к словам Коваля и сдаваться на милость победителя не собирался.

— Обстоятельства против меня,— глухо произнес он.— Не могу объяснить эти факты и доказать свою невиновность. Мне только и остается, что молчать.

Подполковник почувствовал, что создалась такая ситуация, когда подозреваемый не хочет говорить, а следователь не может вызвать его на откровенность. Что-то похожее на психологический пат, когда у шахматиста нет следующего хода.

Подполковник не торопил.

Он распечатал пачку «Беломора», ударом пальца вытолкнул одну папиросу и предложил:

— Курите?

Чепиков отрицательно покачал головой.

Коваль чиркнул спичкой, затянулся, вышел из-за стола. Прошелся вдоль окна, затем остановился возле обвиняемого, который продолжал рассматривать свои старые незашнурованные ботинки.

— Я вырос на Ворскле, на Полтавщине,— негромко произнес Коваль, словно рассказывал самому себе.

В глазах Чепикова, поднявшего голову, промелькнуло нескрываемое удивление: «Зачем это все?»

— Когда знакомился с вашими документами,— продолжал подполковник,— узнал, что дивизия, в которой вы воевали, одной из первых вышла к Ворскле и освободила мой родной городок.

Коваль снова подошел к открытому окну и, выпуская клубы сизо-голубого табачного дыма, задумчиво добавил:

— Я воевал на другом фронте... Знаете, Чепиков, мне тогда хотелось встретиться с человеком, который...— Он умолк. Потом после небольшой паузы сказал: — Может, мои воспоминания не к месту... Вы не удивляйтесь... Не надеялся я, что придется вот так встретить...— Коваль отвернулся и, казалось, рассматривал реку, старую мельницу с неподвижным деревянным колесом. Одновременно уголком глаза он видел и край стола и насупленного Чепикова, сидящего на стуле. Невольно представил, как этот самый Чепиков лежал на берегу Ворсклы, прижимаясь к мокрому осеннему песку, как прятался перед атакой за посеченными осколками вербами.

Эти кручи над Ворсклой, крутые тропинки к воде были его детством, его землей, по которой он ходил босиком. И под смертельным огнем немцев именно он, Коваль, должен был ползти по этим обрывистым и скользким глинистым склонам, освобождая край своего детства. Но вместо него нелегкой дорогой шел солдат Иван Чепиков.

— По-видимому, ранены вы были на Ворскле? — спросил подполковник, отойдя от окна.

Чепиков кивнул.

— Ранение легкое, в ногу,— уточнил он.

— Перехсдили реку возле разрушенного Днепропетровского моста?

— Да,— на мгновение оживившись, сказал Чепиков, и хмурые его глаза засверкали; морщинки на лице разгладились.— Мы вышли на крутой правый берег, к Ярмарковому майдану. Брали с боя.

— Такое название запомнили?

— Да разве забудешь...

Внимательно всматривался Коваль в лицо Чепикова, оживившееся от воспоминаний, и, немного подождав, сказал:

— Вы не умели отступать, Иван Тимофеевич. А теперь у вас смелости не хватает.

Глаза Чепикова сразу помрачнели, словно от порыва ветра вдруг погасла свеча.

— Чтобы сказать правду,— уточнил подполковник. И тут же заметил, как обвиняемый сразу весь напрягся, руки его, большие и неуклюжие, как бы немного приподнялись над коленями, словно хотели защититься.

— Взять на себя чужую вину? — и на мгновение Чепиков замер.— Можно, конечно... Теперь мне все равно. Но тогда вы не найдете настоящего убийцу.

— Неправду говорите. Вам не все равно,— возразил Коваль.— И нам тоже.

Чепиков не придал значения словам подполковника.

— Я ожидал от вас услышать другое,— разочарованно произнес подполковник.

— Вам такие слова нужны, чтоб уличить меня в убийстве? Судить хотите? Поздно. Я уже сам осудил себя. И вашего суда не боюсь.— Чепиков прямо посмотрел в лицо Коваля, и его взгляд был уже не таким упрямым и напряженным, как прежде.— Вы о пистолете спрашивали. Так вот,— голос у Чепикова стал твердым.— Был у меня «парабеллум». Еще с фронта привез. Но я никого не убивал. И вы меня не мучайте, а найдите убийцу...

— Вы носили пистолет с собой?

— Да. И утерял недели две.

— До восьмого июля?

— Да.

— А зачем носили его с собой?

Чепиков пожал плечами, не зная, что ответить.

— Вы угрожали Лагуте?

Чепиков вздохнул и отвел взгляд от Коваля:

— Я хотел его убить. Но не сделал этого.

У Коваля передернулась бровь.

— Вы ревновали супругу?

— Нет.

— Зачем же хотели убить?

— Он отравил ее душу.

— Как это понимать?

Чепиков только махнул рукой.

Подполковник снова закурил и, выпуская клубы сизого дыма, молча стоял у окна, как бы собираясь с мыслями. Потом неожиданно спросил:

— Так как же он отравил душу Марии?

Чепиков, покачав головой, нехотя ответил:

— Ничего это следствию не даст.

— Как знать! — заметил Коваль.— Должны все взвесить. Вот и сегодняшняя наша беседа уже кое-что прояснила,— подытожил Коваль.— Один факт мы уже уточнили: у вас был пистолет, тот самый, который на «дубках» видела Кульбачка. Надеюсь, вы не будете отрицать и другой факт — что в лесу стреляли из него.

Большие руки Чепикова покорно распростерлись на коленях.

— Да,— согласился он.— Признаю. Стрелял.

— Сколько раз?

— Один.

— Когда это было? В какой день? Число?

— Не припоминаю. Недавно, в конце прошлого месяца.

— В котором часу?

— Ночью.

— Сколько раз выстрелили?

— Кажется, три.

— Да, да,— согласился Коваль, думая о том, что надо срочно выехать с Чепиковым в село и закрепить показания следственным экспериментом.

— Итак, Иван Тимофеевич...— довольный беседой, продолжал подполковник. Ковалю казалось, что он попал на правильный путь, что, сообщая подозреваемому один за другим неопровержимые факты, собранные следственными органами, он в конце концов вынудит его сознаться во всем. Но в то же время азарт Коваля подавлялся глубоко скрытым желанием, чтоб человек, который сидит перед ним и уже вызвал у него что-то похожее на симпатию, не оказался убийцей.— Правду говорите,— продолжал Коваль,— а теперь выясним самое главное. Мы нашли две пули, застрявшие в дереве. И пустые гильзы. Экспертиза установила, что это пули из того же пистолета, из которого убиты ваша супруга и Лагута. Как вы это объясните?

Чепиков удивленно вскинул глаза на Коваля.

— Тут уж молчать не приходится, Иван Тимофеевич,— заметил подполковник.— Заключение экспертизы надо объяснить. И первое слово за вами.

— А мне объяснять нечего,— проворчал Чепиков, чувствуя, как железное кольцо сжимается вокруг него.— Это ваше дело — разбираться в убийстве...

— Если мы с вами не сумеем объяснить совпадение этих обстоятельств,— заметил Коваль,— останется один вывод, и он не в вашу пользу... Надеюсь, вы меня понимаете. Вместе с другими этот факт становится одним из главных доказательств вашей причастности к преступлению...

— По-вашему выходит, что я убил Марусю? — вспыхнул Чепиков. Он весь напружинился, но потом как-то сник, руки его задрожали.— Я вам ничего больше не скажу,— пробормотал он.— Делайте, что хотите.

— Ладно,— согласился подполковник.— Сейчас разговор закончим, я вам дам возможность еще подумать... Вы никогда не были трусом, прошли войну. Не повезло с семьей... И теперь вдруг... Вы производите впечатление честного человека, растерявшегося в жизни. Не бойтесь, Иван Тимофеевич, правосудия, не бойтесь власти, которую защищали. При допросах вам, наверное, называют сороковую статью уголовного кодекса. Но вы ее не знаете. Я вам прочитаю отдельные выдержки.

Подполковник взял со стола «Уголовный кодекс», развернул его и стал вслух читать. Впрочем, слово «читать» в данном случае не подходит: Дмитрий Иванович знал кодекс наизусть и, не спуская глаз с Чепикова, время от времени для порядка заглядывал в книжку.

— Статья сороковая,— произнес он.— Обстоятельствами, смягчающими ответственность, считаются... Первый пункт... Не для нашего случая... Второй... Совершение преступления в результате стечения тяжелых личных или семейных обстоятельств; третий... Пропустим... Четвертый... Совершение преступления под влиянием большого душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего... Пятый... Шестой... Седьмой... вас не касается... А вот восьмой пункт самый важный — чистосердечное признание или явка с повинной, а также содействие в раскрытии преступления...

За все время, пока Коваль читал, Чепиков не пошевельнулся. Словно окаменевший, неподвижно смотрел на стену.

— Ну, как, Иван Тимофеевич? Сейчас все расскажете или опять будем голову ломать?

Чепиков только пожал плечами. Говорить он больше не хотел.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

Движением руки Коваль разрешил конвоиру идти и после небольшой паузы, обращаясь к Кульбачке, предложил:

— Садитесь.

Женщина присела на стул; весь ее вид — опущенные плечи, безжизненные руки, отсутствующий взгляд — все говорило сейчас о том, что она смирилась с судьбой и готова покорно нести свой крест.

Какое-то время царило молчание.

Обыкновенно Дмитрий Иванович любил начинать допрос не сразу. Что бы там ни было, но отнюдь не праздный разговор должен произойти между двумя людьми, а сложное единоборство, в котором Ковалю предстояло отыскать зерна непреложной истины.

Но Коваль знал: особенно долго затягивать начало допроса не следовало, и, уловив момент, когда растерянность и тревога в душе женщины достигли наивысшего напряжения, спросил:

— Ну так что, Ганна Митрофановна, поговорим начистоту?

Кульбачка кивнула и даже попыталась улыбнуться.

— Ну что тут говорить, голубчик. Все уже мы переговорили. Я вам сущую правду рассказала и признала свою вину. Виновата, каюсь и другим закажу не иметь дела с самогоном. Истинно сказано: змий зеленый.— И она вдруг перекрестилась, уставившись на подполковника.

— А я не про самогон,— невозмутимо возразил ей Коваль.

— А про что? — удивленно спросила Ганна.

Подполковник не сразу ответил, он еще раз воспользовался паузой, чтобы ослабить броню неприступности, за которой надежно укрывалась подозреваемая.

Он не торопясь вышел из-за стола, пошире раскрыл окно и, глядя в упор на Ганну, на лице которой, несмотря на все ее усилия, обозначилась тревога, ответил:

— Я спрашиваю об убийстве.

Веки Ганки предательски дрогнули.

— Какое я имею к этому отношение? — как можно спокойнее ответила она.

— А к семье Чепиковых и Петра Лагуты?

— Чепиковых? — Женщина немного помолчала.— Царство небесное Марии. Не дал ей господь бабьего счастья. Позвал к себе.— Ганка вскинула вверх глаза.— Они с Петром слугами божьими были на земле. А про убийцу, про Ивана нечего допрашивать меня. Допился до беды, сатана ему в руки и оружие дал.

— Ну, а про Лагуту что вы скажете? — спросил Коваль, когда Ганна замолчала.— Какие у вас с ним были отношения?

— Отношения?! — вскрикнула женщина.— Какие отношения?! Я ж говорила, божий он человек. Иногда молиться к нему приходила, ведь и я в господа нашего Иисуса Христа верую.— Ганна опять перекрестилась.— А чего ж еще? Ничего плохого не могло быть. Еще и года не прошло, как мужа похоронила... царство ему небесное!..

— А зачем в хату к нему лазили ночью? — тихо спросил Коваль, как о чем-то случайном.

Ганна Кульбачка даже бровью не повела, только взгляд ее неподвижно застыл, она, казалось, сразу окаменела.

«Придется разматывать большой клубок»,— неожиданно понял Коваль.

— Слышите меня, Ганна Митрофановна? — настойчиво произнес подполковник.— Еще раз повторяю: зачем забирались ночью в дом убитого гражданина Лагуты и как вам это удалось?

Не скоро Ганна пришла в себя.

— Никак в толк не возьму, гражданин подполковник, о чем это вы? Никуда я не забиралась.

— Ганна Митрофановна,— возмутился Коваль.— То, что вы туда забирались, это уже доказано. Следы ваши установлены. И туфли, в которых вы на леса взбирались и по хате ходили, уже приложены к делу. Да вот и протокол экспертизы...

Кульбачка никак не могла овладеть собой. Обыкновенно бледное лицо побледнело еще больше, покрылось красными пятнами. От волнения она словно помолодела.

— Туфли все в глине, в той глине, которая лежала у стены Лагуты,— напомнил результаты экспертизы Коваль.

— Почему вы думаете, что именно там я могла их загрязнить? — пыталась защищаться Кульбачка.— Глина разбросана во многих дворах. Вот только жатва кончится, и станут люди мазать хаты.

— Но вместе с глиной на туфлях обнаружен мел с лесов. А потом ваши следы по всему дому. Ночью вы в этих туфлях ходили по комнатам Лагуты. Руками брались за подоконник и раму окошка, через которое пробрались в дом. Это уже установлено, и в вашем признании мы не нуждаемся. Скажите только, зачем понадобилось туда забираться, что искали, что нашли?

Что могла на это ответить Ганна Кульбачка? Женщина молчала. Начинала понимать безвыходность своего положения и расплакалась.

Коваль снял трубку телефона, набрал номер и, услышав густой голос начальника милиции, сказал:

— Сидор Тихонович, зайдите ко мне. И Бреуса захватите.

Ганна продолжала плакать. Коваль не мешал ей. Она плакала и тогда, когда вошел Литвин с капитаном,— откуда только брались слезы! Но Коваль видел, что они действительно искренние: женщине и в самом деле было трудно.

Наконец она перестала плакать и только всхлипывала.

— Все? — резко спросил Коваль.— Выплакались? Теперь рассказывайте.— И он повторил свой вопрос: — Что вы делали ночью в хате Лагуты после убийства?

— Я там не была...— упорствовала Ганна, вытирая носовым платком влажное лицо.

И без того не очень большие глаза капитана Бреуса еще сильнее сузились.

— Разрешите, товарищ подполковник,— обратился он к Ковалю,— задать гражданке Кульбачке вопрос?

Дмитрий Иванович кивнул.

— Где вы были восьмого июля от двадцати двух до двадцати трех часов, то есть в тот вечер, когда произошло убийство?

Женщина растерянно замигала.

— В это время дома вас не было. И возвратились вы после того, как Лагуту и Чепикову убили,— сухо заметил капитан.— Где вы были в это время? Можете сказать?

Тон, каким говорил Бреус, словно помог продавщице освободиться от оцепенения.

— Дома была,— едва слышно произнесла побелевшими губами Ганна, отлично сознавая, что ей хотят предъявить такое обвинение, перед которым ничего не значат ни торговля самогоном, ни спекуляции овчинами, ни все прочие дела.

— Не было вас дома,— твердо повторил капитан.— Вот показания, товарищ подполковник,— продолжал он, обращаясь к Ковалю, расстегивая планшет и доставая оттуда исписанные листы бумаги. Один за другим он положил их на стол перед подполковником.

— Добро́,— ответил Коваль, окинув взглядом протокол.— Давайте все по порядку. Пока что вернемся к нашим баранам,— повторил он свою излюбленную поговорку.— Итак,— сурово обратился к женщине,— гражданка Кульбачка, зачем вы забирались в дом Лагуты после его гибели?

— Я искала там свои письма,— вдруг произнесла Кульбачка.— Это было во вторник, двенадцатого июля, а в восемь часов вечера я была дома. Честное слово! Вы меня свидетелями не пугайте,— повернувшись к Бреусу, неожиданно нагло заговорила она.— Ясное дело, нужных свидетелей всегда можно найти. А у меня свои свидетели есть, которым в это время я водку отпускала.

— Ночью? — спросил Литвин.

— Почему ночью? Вечером. Приблизительно около одиннадцати. Как раз в то время, когда тех убили... Вот и судите меня за нарушение правил торговли, что я после семи часов вечера продавала водку. А чужого дела мне не пришивайте! Скажите, пожалуйста! — И, к удивлению присутствующих, она истерично рассмеялась.— Может, вы меня и в убийстве подозреваете? Странный вы человек, Юрий Иванович,— окинула взглядом Бреуса,— как я посмотрю. Как в том анекдоте, в котором у свекрови всегда невестка виновата. Пусть даже меня в хате и не было, лишь бы мое платье висело. И этого вам вполне достаточно, чтоб обвинить меня. Знаю, знаю, давно на меня зуб точите.

Глаза у капитана Бреуса засверкали. Наверное, ему не понравились последние слова продавщицы.

— Итак, вернемся к нашим баранам,— еще раз напомнил Коваль.— Какие письма вы искали ночью двенадцатого июля в доме погибшего гражданина Петра Лагуты?

— Личные, к Петру.

— Зачем хотели их забрать?

— Это были такие письма, понимаете, гражданин подполковник, что милиции к ним нет дела.

— Любовные? — снова вмешался в разговор капитан.

— А что, если и любовные? — вызывающе ответила Ганна.— Это уже мое личное дело, голубчик. И ни перед кем не собираюсь отчитываться.

Она с ног до головы окинула злобным взглядом капитана Бреуса, чувствуя в нем своего главного врага.

— И вы нашли их? — спросил Коваль.

— Нет,— ответила Ганка,— после вашего обыска разве что найдешь? — И она махнула рукой.

— Никаких писем мы не изымали,— сказал капитан.

— А может, там никаких писем и не было? — заметил Литвин.— И вы, гражданка Кульбачка, искали что-то другое?

Женщина не сразу ответила и после небольшой паузы проворчала:

— Что же мне было там искать?..

— Есть свидетели, гражданка Кульбачка, которые видели вас около двадцати трех часов восьмого июля, когда вы торопились домой. Нам остается только уточнить: было это до выстрелов или после. Проведем, значит, одну очную ставку с этими свидетелями... Или, может, сами расскажете? Так будет для вас лучше.

— Я рассказала все, как было, всю правду. Мне скрывать нечего,— решительно заявила продавщица и сжала губы, как бы подчеркивая, что больше от нее ничего не добьются...

Авторизованный перевод с украинского Веры БЕЛОВОЙ.

Продолжение следует.

Конечно, нет у мужчин более беспокойного дня в году, чем 8 Марта... Как же: надо всех родных и знакомых поздравить, обо всех, кто рядом, позаботиться...

Мужья, братья, сыновья, друзья и товарищи по работе задолго готовятся к празднику: кто выпекает, а кто заказывает торты; напористо осаждают прилавки с сувенирами и подарками; охотятся за веточкой мимозы и тюльпанами; обдумывают и даже коллективно, заговорщицки обговаривают содержание и слова добрых пожеланий...

Такие приятные хлопоты носят самый разный характер. В этом можно убедиться, прочитав несколько интервью, взятых корреспондентами «Огонька» у мужчин.

БУДЬТЕ ЕДИНСТВЕННОЙ

Виталий ПЛЮСНИН, главный инженер комбината «Алые паруса»

Интервью надо было взять у мужчины. Но на комбинате «Алые паруса» в Николаеве все руководящие должности занимают женщины. Директор — Неля Васильевна Короткая, секретарь парткома — Валентина Владимировна Цыпляк... Не помогло и обращение к ведущим специалистам: главный косметолог — Любовь Васильевна Гдовская, главный парфюмер — Виктория Тимофеевна Рудянская... Но вот удача — главным инженером оказался Виталий Зосимович Плюснин. Первый вопрос: «Какое место в вашей жизни занимает праздник 8 Марта?» Он тут же попросил уточнить:

— Это вы меня как мужчину спрашиваете или как главного инженера?

— Для начала как главного инженера.

— О чем разговор?.. В коллективе триста мужчин и тысяча пятьсот женщин! Все наши нелегкие заботы — о них, чтобы им работалось легче, интересней. Атмосфера у нас в цехах?.. Круглый год пахнет розами и лавандой, фиалками и сиренью. Но для работы еще нужен свет, простор, четко действующие механизмы. Недавно перевели в новое помещение участок дорогих духов, в косметическом цехе освоили комплект автоматов, что позволило устранить ручной труд. Теперь автомат изготавливает карандаши губной помады и сам вставляет их в пеналы. Это и гигиеничней: человеческие руки практически не прикасаются к продукции... Модернизировали автомат на расфасовке жидких кремов.

— Об исключительной важности вашей продукции лучше всех знают женщины. Скажите, что вы для них приготовили?

— Сто семьдесят видов парфюмерно-косметической продукции. Причем наряду с такими прочно завоевавшими признание, как духи «Ассоль», «Алые паруса», появятся и двадцать две новинки (при годовом плане восемь). Многие из них разработаны нашей исследовательской лабораторией в содружестве с учеными. Я назову такие, как кремы «Молочный», «Орхидея», одеколон «Славутич», твердые духи «С тобой». Непременно понравятся женщинам духи «Цветы Украины» — в них сложный аромат сирени, жасмина, флердоранжа, переходящий к тонкому запаху розы... Много надежд возлагаем на новые духи «Единственная», которые привлекают травянисто-древесным запахом — гармоничным и стойким. Но главный наш подарок советским женщинам — успешное выполнение плана прошлого года и первых месяцев нынешнего. Ведь почти вся продукция комбината для них.

— В заключение, Виталий Зосимович, ваши пожелания читательницам «Огонька»...

— Они складываются из названий нашей продукции. Пусть каждая из вас будет «Любимой», «Ассолью», «Единственной»! Да придут «Алые паруса» ваших надежд!

Интервью взял С. КАЛИНИЧЕВ.

НЕКРАСИВЫХ НЕТ

Сергей ЧАПИЧАДЗЕ, конструктор-модельер Дома моделей Министерства бытового обслуживания населения Грузии

Не всем конструировать станки или летательные аппараты. Существует и такая профессия — конструктор одежды. Она, как говорится, ближе к телу. И основательно влияет на самочувствие и настроение человека. Особенно если этот человек — женщина.

Женщина говорит: «Хорошо сшитое пальто». Нет, оно не сшито, а сконструировано. Да не обидятся на меня художники или швейники. В конце концов мы все зависим друг от друга.

Хочется, чтобы наши женщины были красивыми. Ведь некрасивых женщин нет вообще. Есть женщины, уверенные в том, что чем богаче оденешься, тем, следовательно, красивее. Или женщины, начисто пренебрегающие своей внешностью. Мы в Доме моделей стараемся им помочь. Создаем модели для индивидуального пошива, потому что считаем так: каждая женщина — индивидуальность.

Когда я пришел в этот дом из профтехучилища (дом еще только становился на ноги), нас было мало, я работал и мастером, и художником, и конструктором женской одежды. Тем не менее моя коллекция на традиционном конкурсе в Москве «Быт-72» завоевала бронзовую медаль. Думаю, не во мне дело. Просто требования были не такие высокие, как сейчас. Теперь в дом пришли художники с вузовским образованием: Нана Цквитая, Манана Купрашвили. У нас прекрасный худрук Галина Ивановна Павленишвили и высоко профессиональные конструкторы-модельеры. Мы создаем в среднем по сто новых моделей в год, треть из них внедряется в швейные объединения республики. И вот выставка «Быт-81» в Москве принесла нашему Дому высокую оценку — золотую медаль ВДНХ.

Недавний декабрь тоже оказался радостным: благодарность всесоюзной выставки: «За великолепный показ коллекции моделей, построенных на национальных мотивах и отражающих высокий профессиональный уровень исполнения».

Художественный руководитель Дома моделей Галина Павленишвили и модельер-конструктор Сергей Чапичадзе.

Фото Г. Киквадзе

Юрий КОЗЛОВ

НА БЫВШЕЙ «ЛАМПОЧКЕ»

От метро «Электрозаводская», отвергнув восемьдесят шестой автобус, пошел пешком — до объединения «Московский электроламповый завод», или, как его называют по старинке, «Лампочка», здесь рукой подать... Места вокруг рабочие: куда ни глянь — или завод, или мастерская, или еще что-то явно индустриальное. Над городом неистовствовала метель. Ей было тесно в узких электрозаводских переулках, она свивалась жгутом, упрятывала невысокие строения в белый вертящийся кокон. Но вот с красно-кирпичными корпусами МЭЛЗа ей справиться было не под силу. В метельном мельтешении корпуса эти казались величественными, потому что верхние этажи их терялись из виду, и истинную высоту можно было только угадывать.

...Помещение, где работает бригада Ирины Афанасьевой, чистое и светлое. За длинными столами, разделенными перегородками, женщины в белых халатах, они из мельчайших деталей собирали то, что потом становилось лампами-индикаторами для электронных табло и других сложнейших современных приборов. Внешность у Ирины оказалась не очень-то солидная для бригадира. Светленькая, быстрая. И смешливая. Смех ее я услышал еще издали, и он, признаться, порадовал меня. Нечасто смеются так люди на работе, а если смеются, значит, она им в радость, такой человек невольно делится хорошим настроением с окружающими. Ирина усадила меня по левую от себя руку — на незанятое рабочее место. Под стеклом какие-то газетные вырезки, фотография Светланы Савицкой. Впрочем, Савицкую я отметил машинально, сам же с изумлением следил за руками Ирины: из проволочек, тончайших керамических и слюдяных лепестков (потом она объяснит мне: это подкатодное плато, это стойка), из крохотных каких-то стерженечков с непостижимой быстротой собирала она единую конструкцию. Экономными, четкими, не побоюсь этого слова — красивыми движениями нельзя было не залюбоваться. Как тут было удержаться от вопроса: «Сложная работа... Что же необходимо в первую очередь, чтобы вот так, шутя, с ней справляться?» Ответ показался поначалу каким-то слишком простым, что ли: «Усидчивость необходима. И терпение. А всему остальному можно научиться очень быстро».

В ответе этом, однако, заключен ключ к пониманию многого. Действительно, работа монтажниц радиоламп выдумки особой не требует. Как я выяснил у Ирины, с перевыполнением нормы получается у работниц примерно по сто восемьдесят...

Приходят сюда девушки сразу после школы: кто в институт не попал, кому просто надо куда-нибудь устроиться. Специальность как главную и на всю жизнь многие монтажницы и не рассматривали. Кто снова думает в институт, кто начинает искать себе специальность поинтересней, да и чтобы зарабатывать побольше. Выдумку следовало проявить в другом: как сегодня сделать жизнь и работу интересней, как неформально объединить девушек в коллектив, чтобы они почувствовали — все в их руках, всему найдется место, и творчеству тоже!

Три года назад шестнадцать девушек объединились в комсомольско-молодежную бригаду, ее-то и возглавляет сейчас Ирина Афанасьева...

...Смотрю на Ирину, руки ее по-прежнему ловко нанизывают деталь на деталь, а кроме этого, она еще и в общий разговор остроумное словцо вставит, и конфликт, было начинающийся, умело приостановит, и рассмеется все тем же особенным своим смехом. Ирина — человек откровенный, открытый, это сразу чувствуется. К таким всегда тянутся. И задачи свои бригадирские понимает, очевидно, правильно.

— Конечно же, не могут шестнадцать человек дружить и в рабочее и в нерабочее время... Есть у нас девушки помоложе — у них своя компания, а у тех, кто постарше,— своя. Нас другое объединяет. Стараемся, во-первых, работать лучше, помогать друг другу. Во-вторых, чтобы жилось веселее. Такое стараемся придумать, чтобы никто равнодушным не остался, не чувствовал себя одиноким, чтобы всем было интересно. Есть возможность достать билеты — идем в театр. Или в гостях у кого-нибудь собираемся. Но только не через силу. По-моему, силой людей заставлять дружить — не любить их значит. Ничего из этого хорошего не получится...

Сама Ирина, коренная москвичка, пришла на МЭЛЗ в 1971 году. Побыла полгода ученицей, сдала на разряд, начала работать самостоятельно. Сейчас имеет пятый, высший для своей специальности. Спрашиваю Ирину, почему именно ее выбрали бригадиром. Она снова смеется:

— Работала, наверное, хорошо... Но скорее всего не из-за этого, у нас почти все хорошо работают. Я вот о чем думала: ведь половина нашей жизни здесь проходит. Вот я, например... Подруга лучшая здесь работает, с мужем я тоже на заводе познакомилась, правда, осенью, когда на картошку ездили... Дочь родилась: сначала ясли, потом детсад — опять же от завода. Я ведь тоже когда-то в институт не поступила... Не думала, что надолго иду на завод, а сейчас не мыслю себя без МЭЛЗа. И таких, как я, много. Ну, а раз половина нашего времени здесь, значит, к работе надо так же серьезно относиться, как к жизни! И такую же радость от нее, как и от жизни, получать. Я всегда девчонкам об этом говорила...

В прошлом году Ирина была делегатом XIX съезда ВЛКСМ. На всю жизнь запомнила атмосферу истинного товарищества и доверия, которая сразу установилась между делегатами. «Как в нашей бригаде»,— улыбается Ирина. Ездили в Звездный городок, там Ирина узнала, что в скором будущем предполагается полет еще одной женщины-космонавта. Вернувшись, рассказала об этом в бригаде, и вот тогда-то и родилась у них мысль сделать будущую героиню космоса — а ею оказалась Светлана Савицкая — почетным членом своей бригады. Так и поступили. Недавно, когда отмечали очередной юбилей МЭЛЗа, космонавт Савицкая приезжала на завод. Она обещала побывать в бригаде этой весной. А место, где под стеклом вырезки из газет и ее фотографии, естественно, пустует. Пустует, конечно, лишь условно: бригада выполняет из месяца в месяц норму почетного своего члена.

О многом мы говорили с Ириной. В том числе и о дисциплине, ответственности. Она сказала, что, сколько себя помнит на МЭЛЗе, в их цехе и раньше редко кто опаздывал на работу или устраивал затяжные перекуры. Коллектив-то в основном женский. «Дисциплина,— сказала Ирина,— это чтобы всегда мы были обеспечены работой, то есть деталями, чтобы задел был, чтобы монтажницам радиоламп не приходилось сидеть сложа руки». Дисциплина — это еще и этика производства! Она требует подхода комплексного. Нарушение производственного графика, простои — а уже в первые месяцы года они простояли четыре дня! — внезапные переброски на другие участки не только подрывают дисциплину, но портят настроение рабочему человеку. Если без дела оказываются целые участки, то уж какой спрос с отдельного рабочего! Такие мысли возникают...

Ну, а о чем Ирина говорила с удовольствием и с истинным вдохновением, так это о своей бригаде. Для каждой девушки находила хорошие, ласковые слова, высвечивала наиболее привлекательную грань характера, и получалось, что все в бригаде необыкновенные.

— Я недавно ездила в Венгрию, там вдруг спросили, что связывает меня с заводом. Ответ с ходу надо было, я ответила: мои подруги. Наверное, если бы было время подумать, еще многое бы назвала. Ну, а подруги — действительно самое главное...

Она сказала, что по бригаде можно вообще судить о женской половине сегодняшнего рабочего класса, о том, какие огромные произошли сдвиги. Две девушки учатся в институте, три — в техникуме, почти все имеют среднее образование, из них половина — среднетехническое. Сказала, что две монтажницы получили недавно новые квартиры, а в восемьдесят пятом году завод построит еще один дом, так что и те, которые еще не имеют отдельных квартир, получат. Рассказала о Марине Мазуровой — комсорге бригады. Марина все успевает, во всем принимает самое живое участие. Особенно радеет комсорг за спорт. Художественную самодеятельность тоже умеет организовать. В год шестидесятилетия СССР на заводе готовили праздничные представления, посвященные братским республикам. В их бригаде пели туркменские национальные песни, готовили туркменские национальные блюда. Очень было интересно. Одно из представлений даже снимали для телевидения. Рассказала о Наташе Докучаевой — она награждена значком ударника пятилетки, на заводском конкурсе мастерства заняла второе место; о Наташе Шкуричевой — она монтировала новую лампу и в числе тех, кто ее проектировал, была награждена бронзовой медалью ВДНХ; о Марии Васильевне Шевадроновой — ветеране труда, бригадном наставнике. Мария Васильевна на МЭЛЗе уже четверть века, опыт огромный, и она охотно передает его молодежи. Рассказала о клубе на Электрозаводской, раньше там находился телевизионный театр — помещение отличное, теперь там и вечера, и танцы, и дискотека... А на встрече Нового года обязательно бывают лотерея, карнавал, смешные поздравления...

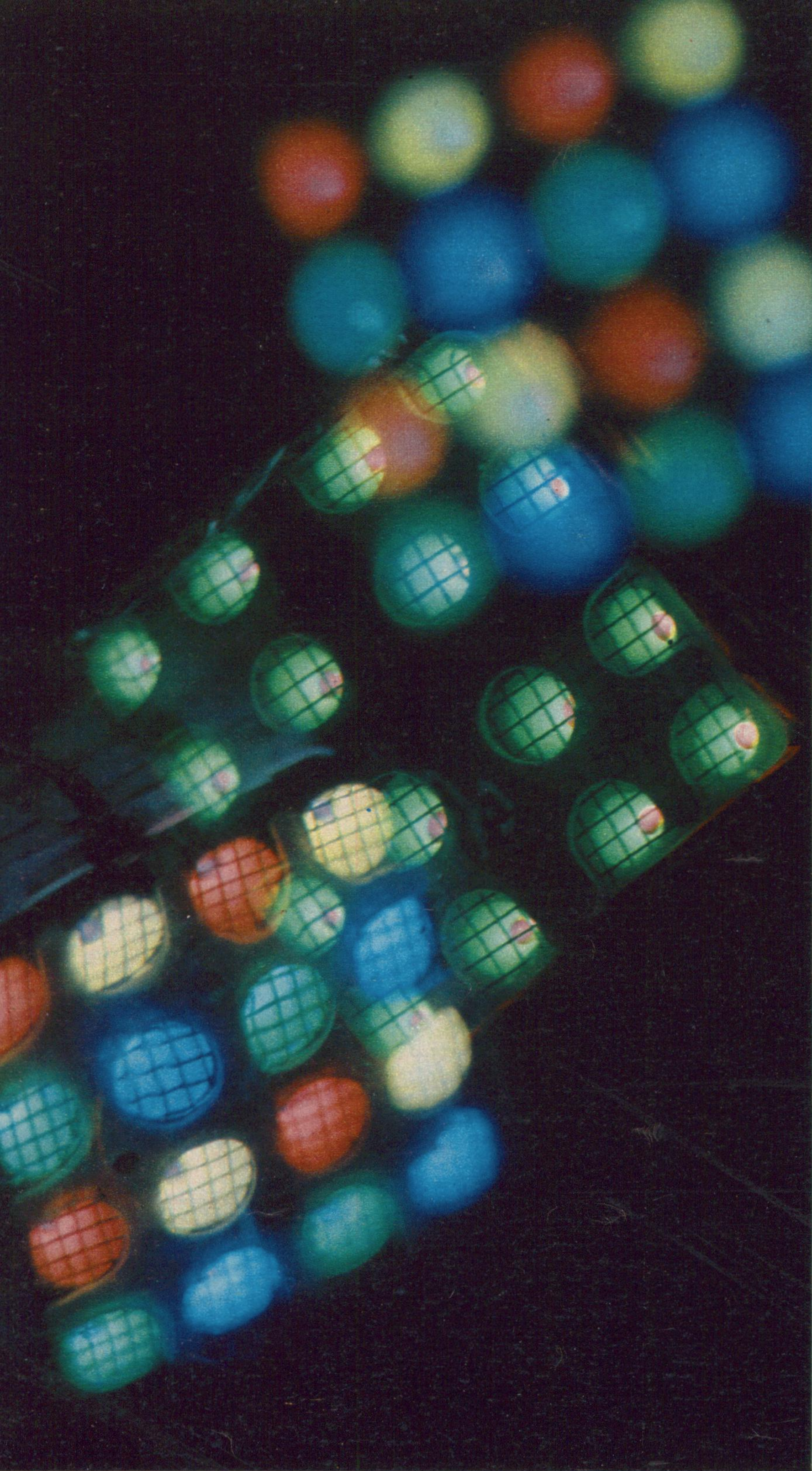
— В такие минуты особенно ясно понимаешь, что мы один коллектив, что не можем друг без друга. Смотрю на девчонок и думаю, как же я их всех люблю! И уверена, каждая из нас то же самое думает,— сказала бригадир Ирина Афанасьева. И добавила: — Вот так и живем...

Ирина Афанасьева, бригадир комсомольско-молодежной бригады цеха радиоламп объединения «Московский электроламповый завод».

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Эти крохотные индикаторы, показанные здесь с большим увеличением, собирают чуткие руки девушек * Пятиминутка * В субботний день в Третьяковке * Мамы и дети * Чаепитие у Лены Ивановой, недавно справившей новоселье в трехкомнатной заводской квартире.

Фото А. НАГРАЛЬЯНА и Л. ШЕРСТЕННИКОВА

МАСТЕРСТВО

• КОМУ МНОГОЕ ДАНО

Н. АЛЕКСЕЕВА

Потом многие журналисты напишут, что песню «В горнице моей светло» композитор Александр Морозов сочинил специально для Гинтаре Яутакайте, получившей за нее первую премию на Всесоюзном конкурсе молодых исполнителей советской песни. Но это утверждение не соответствовало истине: до литовской певицы «Горницу» исполняли разные солисты. Однако полюбилась она миллионам слушателей именно в трактовке Гинтаре, самостоятельной, оригинальной. Давшей возможность в полной мере почувствовать всю мелодичность мелодии, широкую ее распевность, подивиться необычайной песенности, тонкой музыкальности стихов Николая Рубцова. Каждое слово действительно **звучало**, лилось в зал прозрачной, звонкой, весенней капелью: «Дремлет на стене моей ивы кружевная тень...» Героиня песни делилась с нами печалями и радостями своего тихого, почти отшельнического бытия, обнаруживая тем не менее при всей внешней хрупкости, незащищенности и душевную стойкость и готовность к решительным жизненным переменам.

Редкий для нашей эстрады голос певицы, колоратурное сопрано, в те минуты казался неподвластным земному притяжению; верилось: не существует самой высокой ноты, которую он не в силах взять.

...Ее знаменитый земляк Микалоюс Чюрлёнис представлял себе мир не только прекрасным сочетанием красок, но и как звучание дивного аккорда. Он давал своим живописным работам музыкальные названия. «Соната звезд. Аллегро»... И для потрясенной Гинтаре, которая часами простаивала в музее его имени (порой в ущерб своим занятиям в Высшем музыкальном училище), картины Чюрлёниса всегда звучали мощными аккордами торжественной, немного таинственной музыки, пронизанной любовью к миру, к человеку и человечности. Созвучные душе начинающего музыканта творческие устремления Чюрлёниса учили Гинтаре жить, «широко раскрыв глаза на все, что прекрасно...». Учили воспринимать мир в гармонии звуков и красок, их причудливом и благородном переплетении. Хотя можно сказать, что природа с самого начала наградила Гинтаре внутренней зоркостью и чуткостью к красоте, способностью самой творить ее и воссоздавать.

Она запела еще до того, как научилась говорить, и ее родители, преподаватели музыкальной школы (тогда они, до переезда в Каунас, жили в небольшом городе Таураге), посмеивались, видя недоуменную реакцию прохожих на мелодичное попискивание, доносившееся из детской коляски: полуторагодовалое дитя выплевывало соску и пело. Гинтаре стала сочинять музыку еще до того, как узнала ноты. Первые сонатины были написаны явно под влиянием Бетховена и Моцарта, которых она уже слушала и любила. И еще она любила Робертино Лоретти, пела все его песни.

Как певица Гинтаре Яутакайте впервые вышла на большую сцену — это был Дом культуры — шести лет от роду с песней «Солнечный круг». А через три года с хором пела соло Шуберта, Сибелиуса. Оканчивая музыкальную школу, уже как пианистка играла любимых ею тогда Баха и Мендельсона, а дома подбирала на фортепиано всю рок-музыку, все джазовые мелодии, которые слышала по радио или на пластинках. Особенно нравился Дюк Эллингтон. Вела «бурную» пропагандистскую деятельность: в одной школе ругалась и ссорилась с теми ребятами, кто не признавал в музыке ничего, кроме классики, в другой — с теми, кто отрицал все, кроме поп-музыки...

Девочка росла впечатлительной, с очень живым характером. Могла, как Маугли, буквально бегать по деревьям и заборам, основной проблемой ее жизни было не рассмеяться на сцене во время выступления. А смеяться всегда хотелось... Не случайно мама решила, что дочка прежде всего должна профессионально освоить фортепиано. «Для дисциплины»,— уточняет в разговоре со мной Неаля Антановна, преподающая хор и сольфеджио в младших классах. Судя по всему, это было верное решение. Каждодневные занятия на инструменте выработали в непоседе Гинтаре упорство, терпение, трудолюбие, способность забывать об усталости, всю ночь напролет работая над тем, что любишь, что хочешь сделать хорошо.

Гинтаре всегда будет помнить те несколько ночей в вильнюсской студии звукозаписи, куда она, пятнадцатилетняя, была приглашена для участия в записи большой пластинки — первой молодежной рок-оперы Г. Купрявичюса «Охота за огнем». Около двух лет искал композитор свежие, неординарные голоса для главных партий своего произведения, до сих пор популярного в республике. Известно, что вечером голос звучит особенно хорошо, в пять утра кончалась запись, и девушка бродила по улицам окрыленная, взволнованная, довольная собой, своим голосом, всем-всем на свете...

Певице памятны эти ночи и рассветы, наверное, еще и тем беззаботным чувством полного довольства собой... Ведь оно не посещало ее больше. У девушки начал меняться характер. Гинтаре стала много читать, увлеклась не в шутку — и надолго — философией, полюбила японскую поэзию, индийскую музыку. Восхищалась Рахманиновым и много его играла, открывая для себя необычайную философскую глубину, богатство и современность музыки русского композитора... А меж тем Гинтаре была уже известна как певица. После «Охоты за огнем» ее записывали на радио, выпускали ее пластинки, приглашали на телевидение (и не только местное). Еще не окончив училище, Гинтаре успела поработать солисткой филармонии, но быстро разочаровалась. Ждала вдумчивой творческой работы, а от нее ждали лишь гастролей и концертов.

Взрослея, Гинтаре поняла, что ее не устраивает большинство песен, которые предлагались для исполнения. Стала сама писать. И музыку и стихи. Собрала группу друзей-музыкантов, сделала им партитуры... Ей было семнадцать лет, когда на литовском телевидении состоялся большой концерт Гинтаре Яутакайте, где она пела свои песни. Многие из них приобрели популярность в Прибалтике. Так же, как и она сама.

Все ее песни лиричны, в стихах говорится о природе, весне, обновлении мира, красоте родной земли, а мелодии отличаются мягкостью, раздумчивостью, даже какой-то нарочитой замедленностью. «Мне было, конечно, жаль,— говорит Гинтаре,— что я не пишу модной тогда музыки, острой, ритмичной, нервной... Но не могла иначе. В голове было много поэзии. На том шумном, пестром музыкальном фоне захотелось тишины, спокойствия». Тишины хотелось уже не только ей: слушатели хорошо принимали музыку Гинтаре. Вместе с руководимым ею Камерным квинтетом она стала лауреатом всесоюзного фестиваля популярной музыки в Паланге.

Невозможно подробно описать здесь все изгибы ее творческой судьбы, четко проследить, чем именно и в какое время занималась Гинтаре Яутакайте. Иногда кажется, что всем сразу! Кстати, и рисованием тоже. Хотела поступать в художественное училище: специалисты говорили, что у нее особенная линия, что ей необходимо заниматься живописью всерьез. Графические, акварельные работы певицы нередко показывали телезрителям разных республик — в ее же концертах. Рисунки Гинтаре столь же музыкальны, тонки и филигранны, сколь и ее песни — как бы зримое их выражение, перевод песен на язык легких золотисто-голубоватых полутонов или четких ажурных уверенных линий. Птицы, травы, цветы, задумчивые, одухотворенные женские головки... Гинтаре даже оформила книгу одного знакомого поэта... А еще снималась на разных студиях (например, в прошедшем году Кабардино-Балкарской студией телевидения закончены съемки видеофильма «Янтарное имя — Гинтаре»). Она выступала в кинолентах и как драматическая актриса, и как певица, и как автор музыки к фильмам. Одновременно училась в консерватории на джазовом отделении и работала в Каунасском музыкальном театре, где, между прочим, в современных мюзиклах пела и классику — арию Нормы из оперы Беллини, «Аве Мария» Гуно...

Да, поистине избранница муз... Но сейчас двадцатичетырехлетняя «избранница» старается не забывать одну старую истину: кому много дано, с того много и спросится. И прежде всего сама не щадит себя, не допуская мысли, будто что-то можно делать вполсилы.

— Меня упрекали,— вспоминает Гинтаре,— что я берусь за все сразу. В частности, я меняла ансамбли, меняла свой исполнительский стиль. То пела классику, а то джаз, индийскую музыку или литовские народные песни... «Объясни, чего ты хочешь?» — спрашивали меня. «А если я все хочу!»

Думаю, что теперь певице не задают подобных вопросов. И конкурс молодых исполнителей в Днепропетровске и международный фестиваль песни «Красная гвоздика» объяснили, для чего пробовала себя Гинтаре в разных жанрах. Она пыталась выявить возможности своего голоса, а определив их, вложить в песню все свое умение,— обретенную в поиске виртуозную технику, способность к импровизационно-неожиданным решениям того или иного вокального произведения, точное проникновение в его смысл и эмоциональный строй...

Народный артист СССР Юрий Силантьев называл Яутакайте одной из самых ярких певиц, появившихся на советской эстраде за последнее десятилетие.

Но что петь этой яркой певице?

Мы подошли к проблеме, набившей всем оскомину, но с мертвой точки так пока и не сдвинувшейся. Имею в виду изобилие стандартных, написанных по одной мерке, на скорую руку, песенок, уже не один год наводняющих эфир. Гинтаре Яутакайте — из тех исполнителей, кто пытается стойко противостоять этому малорадостному явлению.

Гинтаре считает себя давно выросшей из развлекательных, танцевальных песенок, как из детского платьица. Ее не волнует, сколь часто будет она появляться на голубых экранах. Дружба с московским композитором Эдуардом Артемьевым убедила ее, что на современной эстраде можно выступать с серьезной, глубокой музыкой, дающей стимул думать, размышлять, затрагивающей важнейшие нравственные стороны сегодняшней жизни. И, кроме того, сочинения Артемьева позволяют певице соединить любовь к симфонической музыке с увлечением эстрадой, а также продемонстрировать всю, так сказать, «техническую оснащенность» голоса, его широкий диапазон.

Недавно я была на концерте в Доме композиторов, слышала два новых романса — «Белый голубь» и «Видение», написанных композитором специально для Яутакайте на стихи литовских поэтов. Непривычными для нашей эстрады могут показаться эти плавные и стройные, но сложные композиции, так как мы привыкли к облегченному, однообразному темпоритму многих песен.

Музыка Артемьева наводит на мысль, что кольцо так называемой рок-музыки, охватившее мир в последние годы, вот-вот разомкнется и мы, «закаленные» ударными ритмами, вновь вернемся к симфонизму (он ярко выражен в этих двух романсах), только с применением новейшей электромузыкальной техники — синтезатора и т. п. Исполнение Гинтаре Яутакайте запомнилось светлым романтизмом. Ее слушаешь, и воображение рисует ослепительно прекрасный мираж, сопровождаемый и как бы «провоцируемый» именно этим завораживающим голосом сирены. Голос достигает пронзительных, до боли в сердце, головокружительных высот, рассказывая о счастье бытия, безграничности Вселенной и человеческого «я».

После концерта к Гинтаре прошел за кулисы известный композитор Витаутас Баркаускас, чьи сочинения исполняются лучшими музыкантами и оперными солистами страны. Романсы вдохновили и его: задумал написать серьезную музыку для эстрады. И чтобы исполняла ее Гинтаре. Хотя композитор не обещает, что совместная работа будет легкой.

Кому многое дано...

Лауреат Всесоюзного конкурса молодых исполнителей Гинтаре Яутакайте.

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Владимир
НИКОЛАЕВ

ПАДЧЕРИЦ

Место действия—город Спрингфилд, столица американского штата Иллинойс.

К зданию местного Капитолия подъезжает автобус. Из него с трудом выбираются женщины. Их буквально на руках проносят в ротонду, находящуюся под куполом здания, в котором обычно заседают законодатели штата. Женщин усаживают в раздвижные стулья, тут же появляется плакат: «Голодная забастовка женщин за справедливость». Потом пришлось стулья заменить специальными медицинскими креслами, так как бастующие очень ослабли (они голодали 37 дней, держались на одной воде). Одна из них, Соня Джонсон, ослабела больше всех и не могла сидеть даже в специальном кресле. Она попросила, чтобы ее положили на одеяло, которое расстелили на мраморном полу. Потом ее пришлось увезти в больницу.

В двух шагах от группы голодающих женщин, в той же ротонде, накрыт обильный стол. За ним весело и сытно обедают несколько джентльменов. Здесь, в этом месте, никто никогда не ел и не бражничал. Эти явно довольные собой мужчины устроили, по их выражению, «показательный обед», чтобы досадить бастующим женщинам, назло им.

У этой сцены долгая предыстория.

Как известно, в американской конституции не записано ничего о равноправии мужчин и женщин. Страна вот уже с более чем двухвековой историей живет по домостроевскому принципу: «Бог создал по своему подобию мужчину, а не женщину». Итак, в обществе, громко претендующем на наличие в нем демократии, гражданских прав и т. п., его прекрасная половина (кстати, составляющая даже чуть больше половины населения) поставлена в такое положение, при котором женщина по сравнению с мужчиной является человеком второго сорта.

Естественно, что американки ведут упорную борьбу против такой дискриминации. И вот, наконец, в 1972 году дело, казалось, сдвинулось с мертвой точки: конгресс США принял соответствующую поправку к конституции. Но вся загвоздка заключалась в том, что эта поправка обретала силу лишь в случае ратификации ее 38 штатами из 50. К лету 1982 года поправку ратифицировали 35 штатов. Вся страна ожидала результатов голосования в конгрессах оставшихся трех штатов: Северной Каролины, Флориды и Иллинойса. Вот почему именно на 1982 год и пришелся такой подъем движения за женское равноправие в США.

Описанная выше голодовка не случайно произошла в Иллинойсе. Дело в том, что все другие северные промышленные штаты страны уже поддержали поправку, и участницы женского движения надеялись на успех в этом штате. Они даже приковали себя цепями к ограде Капитолия в Спрингфилде. Ничего не помогло. Их надежды, увы, не оправдались. В итоге американки остались столь же бесправными, как и два века назад.

В чем же конкретно заключается это бесправие? Прежде всего американки за равный с мужчинами труд получают значительно меньше. Подсчитано, что при равном труде и одинаковой квалификации заработок женщин в Соединенных Штатах составляет в среднем 59 процентов зарплаты мужчин. Такое положение касается официанток и адвокатов, журналистов и медицинских сестер, работников торговли и служителей культа, инженеров и учителей и т. п. В каждой профессии только несколько варьируется этот процент несправедливости, но в среднем он, повторяем, равен 59.

Есть профессии, которые женщинам в США практически недоступны. Речь идет не о физически тяжелых работах, а о таких сферах, как, например, политика, финансы, бизнес. Так, среди 435 членов палаты представителей в конгрессе США только 19 женщин, а из ста сенаторов их всего двое. Женщины составляют лишь 5 процентов среди руководящих сотрудников 50 крупнейших американских фирм.

Ко всему этому необходимо добавить, что по давней американской традиции женщин в США последними нанимают на работу и первыми увольняют. Согласно официальным данным комиссии по гражданским правам, в США действует около 800 федеральных законоположений, дискриминирующих женщин. И просто не сосчитать, сколько таких же дискриминационных рогаток существует в штатах и в частном секторе. Все это, разумеется, чрезвычайно осложняет жизнь американки и в быту.

Сегодня при трудной, все более осложняющейся экономической ситуации в стране американки, как никогда, вынуждены зарабатывать свой кусок хлеба, не полагаясь только на мужчин — кормильцев семьи. Статистика говорит, что в США с 1960 года по настоящее время количество семей, где был один кормилец, уменьшилось с 49,6 процента до 22,4 процента. В то же время количество работающих замужних женщин возросло с 32 до 51 процента.

Новый подъем борьбы американок за свои права произошел в 1982 году не только потому, что на него пришлась решающая фаза голосования по поводу поправки к конституции, но и потому, что в последнее время положение женщин ухудшилось. Главная причина — политика администрации Рейгана. Наступая на права трудящихся, делая богатых богаче, а бедных беднее, эта администрация все больше и больше ущемляет и права женщин. Известно, например, что взят курс на сокращение социальных программ. Женщины при этом во многих случаях страдают больше мужчин. Так, все сильнее ущемляются интересы пожилых граждан, а среди них женщины составляют большинство. В США даже родился специальный термин — «феминизация нищеты». По данным американских исследований, число нищенствующих семей, в которых основной кормилец — женщина, выросло с 1969 года по настоящее время с 1,8 до 2,7 миллиона.

Как сообщает журнал деловых кругов «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», женщины составляют 43 процента всех американских трудящихся. Несмотря на это, администрация Рейгана последовательно и упорно наступает на их права. Существовало, например, такое положение: наниматели должны были при приеме на работу учитывать обязательный для них процент женщин и представителей национальных меньшинств. При Рейгане это упразднено, дабы уменьшить «бюрократическую опеку» администрации над бизнесом. Так «позаботились» о спокойствии и благополучии предпринимателей за счет американок.

Неудивительно, что, по данным института Гэллапа, политику Рейгана в 1982 году одобряло только 38 процентов женщин (при 49 процентах одобрявших ее мужчин). Это не только вследствие ухудшения экономического положения при нынешней администрации, но также из-за ее агрессивной внешней политики. В программе американок, выступающих за свои права, борьба за мир, против засилья милитаризма и гонки вооружений в США занимает ведущее место.

Американки, борющиеся за свои права, справедливо отмечают, что даже в конгрессе США существует дискриминация работающих там женщин. Как известно, их немало среди почти 20 тысяч служащих конгресса. И все они — повара и секретарши, консультанты и машинистки и т. п. — получают намного меньше мужчин, тоже обслуживающих вашингтонских законодателей. Если к этому добавить, что среди их обслуги процветает и расовая дискриминация, то будет понятно, почему Капитолий часто называют «плантацией». Так, член палаты представителей Патриция Шредер говорит: «Пора покончить с этой «плантацией» и нам самим тоже жить по правилам, которые мы предписываем другим».

Единственная сфера деятельности в США, где женщины официально уравнены в правах с мужчинами,— это... армия. Американок берут на службу во все рода войск, принимают в военные училища и академии. Присваивают сержантские, офицерские и даже генеральские звания (последние, правда, в очень редких случаях). Сегодня женщины составляют 10 процентов американских вооруженных сил.

Это официально. А вот в повседневной жизни армии, так сказать, неофициально, женщины все же страдают в силу давно устоявшейся американской традиции считать их второсортными гражданами. Главная беда в том, что их грубо преследуют мужчины-сослуживцы, убежденные, что женщина в военной форме принадлежит не только армии, но и лично им тоже. Такое отношение к женщинам в вооруженных силах переросло в столь большую проблему, что армейскому управлению по пропаганде пришлось выпустить специальный фильм на эту тему и разослать его для демонстрации всему личному составу. Его автор, полковник Боб Хотцклоу, выразил надежду, что назидательная кинолента поможет перевоспитать армейских донжуанов. А корреспондент агентства Ассошиэйтед пресс сообщил, что во время съемок этого фильма женщины-военнослужащие, принимавшие участие в них, подверглись хулиганским оскорблениям со стороны своих сослуживцев. Корреспондент писал: «Этот случай явился наглядным, не кинематографическим примером того, против чего направлен этот армейский фильм».

От весьма традиционного, можно сказать, хамского отношения к женщине в США не спасает не только военный мундир, но, случается, и богатство. Об этом рассказала газета «Нью-Йорк таймс» в репортаже «Богатые женщины против своих финансовых советников». Дело в том, что в США обычно принято вкладывать деньги в какое-либо дело, чтобы получить прибыль. Купишь, скажем, одни акции, потом получишь известный прирост к своему капиталу. Это при условии, что удачно вложил свои деньги. А можешь их и потерять. Другой случай: одни акции принесут тебе столько-то процентов дохода, а другие — больше. Стало быть, надо знать рынок, уметь ориентироваться в сложных биржевых операциях. В этом и помогают вкладчикам специалисты, которых «Нью-Йорк таймс» в своем репортаже называет «финансовыми советниками». Газета пишет: «Многие богатые женщины считают, что в финансовом мире к ним относятся как к второсортным гражданам, и некоторые из них начинают давать отпор через суды и с помощью других средств. Они обвиняют

финансистов в том, что те относятся к ним без должного внимания, небрежно, спустя рукава ведут их дела». В репортаже приводятся в подтверждение этого мнения конкретные истории, в которых богатые вкладчицы потеряли свои деньги, положившись на советы специалистов-мужчин.

Итак, куда ни кинь, всюду клин: в самых разных сферах жизни американкам приходится сталкиваться с дискриминацией, как вполне законной, официальной, так и, можно сказать, бытовой, традиционной. Их, разумеется, эта ситуация не устраивает, они борются за свои права, но на их пути стоят не только несправедливые писаные и неписаные законы. На их пути стоят и те отнюдь не малые реакционные силы, которых такое положение женщин в США вполне устраивает. Эти силы демагогически обвиняют движение за женское равноправие в подрыве «моральных устоев». На самом же деле их выводит из себя прогрессивная и антивоенная направленность женского движения, а также справедливые экономические требования, в которых бизнес видит угрозу своим прибылям. Весьма показателен такой пример: у выступающих за свои права женщин много друзей и союзников, много самых разных объединений, но среди них нет ни одной деловой или торговой организации. Бизнесменам с ними не по пути!

Да, главная причина все еще продолжающейся дискриминации женщин — страх большого бизнеса потерять свои дополнительные прибыли, получаемые за счет грабежа американских тружениц. Вот как комментирует демократ Д. Эдвардс из Калифорнии эту проблему: «В борьбу вступили очень могущественные коммерческие силы. Ведь справедливый подход к женщинам стоил бы им немалых денег. Они явно не заинтересованы в том, чтобы платить женщинам равную с мужчинами плату за равный труд». Активистка Национальной организации женщин М. Гриффитс так дополняет эту мысль: «Реальной оппозицией (в борьбе женщин за поправку к конституции.— В. Н.) был деловой мир, развивший такую изощренную лоббистскую деятельность, какой еще, пожалуй, не видели».

О подлинном политическом лице врагов женского равноправия говорит такой случай. После того, как поправка к конституции была окончательно провалена, лидеры антиженского движения устроили банкет на 1400 персон, где среди прочих выступил издатель журнала «Консерватив дайджест» Джон Лофтон. Он поздравил собравшихся с поражением, нанесенным освободительному движению американок, и сказал: «Я восхищен вами, вы сделали с движением за права женщин то же, что сделал Менахем Бегин с Организацией освобождения Палестины». Чего стоит это лестное, с точки зрения Лофтона, сравнение американских мракобесов с оголтелым сионистом!

Среди врагов женского равноправия мы видим представителей реакции всех мастей и оттенков — от одного из лидеров так называемого «морального большинства», проповедника Джерри Фэлуелла, до конгрессмена и бывшего «бэрчиста» («Общество Джона Бэрча» — реакционнейшая организация фашистского толка) Лэрри Макдональда. Есть среди них не только мужчины, встречаются и женщины. Одна из них, Филис Склафли, заявила по поводу провала поправки к конституции: «Теперь движение за женское равноправие в США умерло, в этом столетии ему уже не воскреснуть».

Иначе думают американки, выступающие за свои права. Именно теперь, считают они, необходимо усилить борьбу за справедливость. Одна из участниц описанной выше голодовки, Соня Джонсон, говорит: «Время жалких и заискивающих улыбок давно минуло. Настала пора борьбы. Мы не требуем от конгресса США невозможного. Мы требуем лишь того, чтобы в женщине признали человека, равного и свободного!» Другая участница голодной забастовки, монахиня Морин Фидлер, сказала: «Мы продемонстрировали, что обыкновенные женщины способны на необыкновенные поступки». По свидетельству института Харриса, изучающего общественное мнение, движение американок за равноправие будет в 80-е годы оказывать большое влияние на политическую жизнь страны. Исследования института говорят о том, что сейчас происходит ускоренный процесс политического созревания американских женщин, они все активнее выступают за свои права, за мир, против угрозы ядерной войны.

Полиция расправляется с участницей демонстрации за равноправие женщин в США (фото из журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт).

Есть в этой борьбе женщин еще один, типично американский аспект: они решительно выступают против неистового разгула порнографии в стране, против огромной по своим масштабам индустрии разврата, процветающей в США. И здесь женщины тоже сталкиваются с немалыми трудностями, потому что против их справедливых требований стоит большой бизнес, зарабатывающий на пороке и разврате миллиарды долларов. Десять ведущих американских порнографических журналов (а всего таких изданий многие сотни), выходящих вполне легально, издаются общим тиражом в 16 миллионов экземпляров и ежегодно приносят своим владельцам 500 миллионов долларов чистой прибыли. Еще больше доходов дают порнографические фильмы, которые открыто идут по всей стране и для которых практически нет никаких ограничений, в них показывается буквально все, что может придумать больная фантазия полового психопата. Американская пресса пишет, что ежегодно порнодельцы получают 4 миллиарда долларов прибыли. Но эта цифра далеко не полная, поскольку львиная доля этого грязного бизнеса находится в руках организованной преступности, а ее доходы, как известно, являются секретом.

В Лос-Анджелесе предложили такой способ борьбы с засильем разврата и порнографии: запретить все публичные дома (в США они называются саунами и массажными салонами) в радиусе 150 метров от церквей и разрешить таким заведениям располагаться не ближе чем на 300 метров друг от друга. Вот до чего дошло дело! Журнал «Тайм» пишет об окружающем знаменитый Голливуд районе: «Здесь 250 тысяч обитателей живут в атмосфере преступности и порока, здесь все пропитано наркотиками и проституцией». И мало этого! В США в последние годы небывалый размах получили детская порнография и детская проституция. Американская пресса сообщает, что в стране выходит около 300 таких порнографических журналов, в которых на мерзких фотографиях изображаются не взрослые мужчины и женщины, а мальчики и девочки. Корреспондент французского журнала «Пари матч» пишет: «Я был просто потрясен явлением, которое буквально травмирует Соединенные Штаты: детской порнографией, делаемой детьми, и ее неизбежным следствием — детской проституцией». Ему вторит американский журнал «Тайм»: «Новая тревожная волна проституции среди подростков и детей обрушилась на Соединенные Штаты, причем не только в больших, но и в маленьких городах...» Приведенных свидетельств достаточно для того, чтобы понять справедливость требований покончить с этим позором Америки.

И, наконец, несколько слов о том, как относится к женскому движению официальная Америка. В 1982 году президент Рейган торжественно объявил 26 августа днем равенства женщин в США. В прокламации, выпущенной по этому поводу Белым домом, говорилось: «Американцы могут гордиться прогрессом, которого мы достигли на пути к обеспечению всех равными возможностями». Можно сказать, еще один рекорд лицемерия!

Ы АМЕРИКИ

ГОВОРЯТ МУЖЧИНЫ...

ТАЛАНТЛИВЫ ВСЕ!

Энну ПЕДАСК,
заместитель министра легкой промышленности Эстонской ССР

Вы спрашиваете, заботимся ли мы о женщинах? Еще как! Если, конечно, считать заботой... работу, которую мы возим им на дом. Да, да, именно работу. Вы улыбаетесь: своей, мол, домашней, что ли, не хватает? Я же имею в виду тех женщин, которые по семейным обстоятельствам не могут трудиться на фабрике или в учреждении. Вот им-то мы и идем навстречу.

Женщины, как известно, все до одной талантливы, и в этом мы каждодневно убеждаемся дома, на работе, в магазинах: какие пирожки, какие кофточки, вышивки, какие носочки!.. Так вот, в творческих объединениях Министерства местной промышленности «Коду» и «Уку» больше двух с половиной тысяч талантов. У нас, под крылышком министерства легкой промышленности, поменьше — около 900 трудолюбивых представительниц прекрасного пола. И в том, что это лучшая половина человечества, вы можете убедиться сразу, узнав, сколько они дают продукции: почти на 14 миллионов рублей в год!

Женщины, о которых печется наше министерство, в основном швеи. Они приходят к нам в отдел кадров, мы готовим их в специальном классе, везем домой наши швейные машины, в особых, пронумерованных мешках доставляем им крой, уже обработанный оверлоком, а в других мешках тут же забираем готовую продукцию. Так что они не покидают своих детей и мужей и, украшая своим постоянным присутствием домашний очаг, попутно вносят вклад в общегосударственный котел. В этом году они сошьют сотни тысяч домашних халатиков, купальных костюмов, фартуков, тысячи простыней.

Вот так они о нас заботятся, так они нас любят. Мы к ним тоже неравнодушны. Надомницы имеют возможность заработать около 120—130 рублей ежемесячно. Мы выплачиваем им пособие, если они заболеют, начисляем пенсии, предлагаем путевки в санаторий, приглашаем на фабричные вечера, посылаем на дом Дедов Морозов. Они, знаете, что любят больше всего? Автобусные экскурсии по разным городам. Это и понятно: не все же время дома сидеть, надо и мир поглядеть. Пусть попутешествуют!

Так что, как видите, с надомницами у нас любовь взаимная!

С ТРЕБОВАТЕЛЬНОСТЬЮ «ПРИНЦЕССЫ»

Батыр ИРГАШЕВ,
Генеральный директор ташкентского производственного трикотажного объединения «Малика»

Знаете ли вы, что значит узбекское слово «Малика»? «Принцесса»! Конечно, имеется в виду отнюдь не княжеское происхождение шести тысяч наших работниц, а чисто женская требовательность к одежде, к тому, что именно надеть, идя, скажем, утром трудиться в цех, вечером в кино или на занятия в техникум, в театр или на репетицию самодеятельного кружка, или вместе с мужем в гости. О, тут может быть много всяких соображений. Учесть их — идеал «Малики».

Скажу прямо, до идеала нам еще далеко, но стремление к нему огромно, да и практических шагов сделано немало: реконструированы технологические линии, расширен ассортимент изделий. И при всем этом — улучшились условия труда, быта, отдыха работниц.

В прошлом году был введен в строй новый производственный корпус, что позволяет ежегодно добавлять к прежним еще шестьсот тысяч трикотажных костюмов, платьев, головных уборов... Работают здесь наши женщины в просторных и светлых цехах, к их услугам современное оборудование, значительно облегчающее труд. Позаботились мы и о том, чтобы работницы были спокойны за своих малышей, могли легче и быстрее справляться со своими каждодневными заботами. В объединении «Малика» действуют три детских сада, стол заказов на продовольственные товары, медицинский пункт, парикмахерская. К услугам желающих продолжать учиться — сменные школы рабочей молодежи, филиал Ташкентского политехникума легкой промышленности.

И вот еще о чем хочется сказать — о большой дружбе узбекских работниц и украинских. Приезжали к нам коллеги с Украины, помогали узбекским девушкам осваивать новое оборудование. Уроки пошли впрок. Требовательность рядовых работниц к товарному виду изделий превзошла традиционную «маликовскую». Особенно запомнились нам украинские трикотажницы Нинэль Ивановна Ион и Нина Михайловна Держило. Они приехали к нам в одежде собственного производства — Львовского объединения «Луч». А ведь женщина, отправляясь в гости, уж постарается выбрать наряд, демонстрирующий тонкость ее вкуса! Тем более, отправляясь в гости к мастерам красивой одежды.

Давнему автору нашего журнала Марии Леонтьевне Халфиной исполняется 75 лет. В «Огоньке» публиковались ее повести, рассказы, вызвавшие большой интерес читателей. Редакция сердечно поздравляет талантливую писательницу, желает ей доброго здоровья и творческого долголетия.

Мария ХАЛФИНА

3

В понедельник утром Анна Афанасьевна не смогла встать с постели. Просто не было сил. А главное — не было желания вставать. Хотелось одного — лежать без движения, не открывая глаз... Ни о чем не думать, не заботиться о том, что обед не сварен и зятю Ивану Савельевичу придется в буфете жевать пирожки.

Еще месяц назад по утрам, когда поднимались Лидия и Иван Савельевич, а немного позднее внуки — Юрий и Людашка,— всех ждал горячий завтрак.

Потом начались эти нелепые головокружения. И ощущение постоянной непроходящей усталости. Все время тянуло прилечь. Без книги. Просто прикрыться чем-нибудь тепленьким и затихнуть, медленно погружаясь в какую-то мутную обессиливающую дремоту.

Прилечь в свободную минуту с книжкой или свежим журналом в руках всегда было радостью, чудесным отдыхом. Теперь ни лежание, ни сон отдыха не приносили.

В поликлинику ее потащила Лидия. Обследовали тщательно, по всем правилам. И ничего особенного не нашли. Профессор, женщина уже немолодых лет, поглаживая сухонькую руку Анны Афанасьевны, уговаривала ее:

— Устали вы, голубушка моя, все у вас для ваших лет хорошо, но жизнь-то вам досталась нелегкая. Отдохнуть нужно, милая, капитально отдохнуть.

Что она говорила Лидии, неизвестно, но Лидия категорически запретила матери вставать ни свет ни заря, сама стала подыматься на час раньше и успевала все сделать нисколько не хуже Анны Афанасьевны.

Если мать не выходила к общему завтраку, Лидия заглядывала к ней, и мама немного виновато, но довольно бодро говорила:

— Иди, Лидуся, иди себе. Я немножко еще поваляюсь, и встану, и обед приготовлю. Скажи Ивану Савельевичу, чтобы не вздумал опять в буфете желудок портить...

А в этот несчастный понедельник Анна Афанасьевна поняла, что не может и не хочет насильно поднимать себя с постели. У противоположной стены сладко посапывала на раскладушке Люда.

Плотно сомкнув веки, осторожно, чтобы не вызвать головокружения, Анна Афанасьевна повернулась лицом к стене. Сквозь дремоту слышала, как одевалась, не зажигая огня, Людашка. Захватив приготовленную с вечера школьную сумку, она ушла, тихонько прикрыв за собой дверь. И, видимо, шепнула матери, что баба Аня спит.

Анна Афанасьевна дремала, негромко постанывая. Что-то очень мешало, тревожило, но не было сил стряхнуть эту мутную вязкую дремоту. Нужно было вспомнить что-то очень важное, что́ так тревожит и не дает по-настоящему крепко уснуть.

Когда она окончательно очнулась и, забыв о головокружении, села, опустив ноги с постели, ее сильно зазнобило, затрясло мелкой неудержимой дрожью. Это был страх. Что пропал нормальный сон и отбило от еды — было понятно и естественно. Что поделаешь? Старость... Но не хотеть читать?! Чтение всегда было радостью жизни, а удавалось читать только урывками, в основном во время ночных дежурств, если не было тяжелобольных.

Работать приходилось «на полторы ставки» и еще прихватывать дежурства у других сестричек, не очень заинтересованных в заработке. Ведь, кроме Лиды, был еще Игорь. Первенец. Надежда. Свет в окне. Когда пришла похоронная на Виктора, Игорю было пять лет, Лидочке шел второй годик. Сначала, после похоронной, казалось — жить невозможно, но были дети, и умирать было нельзя. Жилось трудно, ребята подрастали, и появилась мечта — да нет, какая мечта? Цель жизни — ради которой ничего не страшно и все по силам: работа без конца и края, вечные недосыпания, изнуряющая усталость. Цель жизни — дать обоим высшее образование.

Какой ценой досталось воплощение этой мечты и ей и самим ребятам, в двух словах не расскажешь.

Игорь заканчивал строительный институт, а Лидия перешла на третий курс пединститута. Она была уже замужем за Иваном Савельевичем, и Юрка у них как раз народился, когда пришла беда — нелепая, немыслимая. Соседка, Яхонтова Мария Павловна, сказала тогда: «Словно черная молния ударила». Игоря на практике убило током.

Наверное, из всего живого самое выносливое создание — человек. Как человеческое сердце может вынести такое? Как может не помутиться, не померкнуть разум? Может, потому, что умереть нельзя. Нужно выхаживать сраженную

Я Т Ь

бедой, не окрепшую после родов Лидию — она долго лежала в больнице, молоко у нее пропало,— нужно было спасать трехнедельного Юрку.

Лидия школу окончила с медалью и в пединституте получала повышенную стипендию. Красивая была девчонка, веселая, голосистая.

Когда она привела Ивана Савельевича к матери знакомиться, привела уже как жениха,— Анна Афанасьевна чуть не заболела от расстройства. Во-первых, какое вообще может быть замужество на первом курсе? И второе — Иван Савельевич неровня ее Лидии. Ей девятнадцать лет, ему двадцать семь. Она девчонка, а у него за плечами неудачный брак, хорошо еще, что ребенка не было. У Лидии будущее, с ее способностями она и в аспирантуру может попасть, в большую науку пойти, а он механик-наладчик по каким-то там новым станкам. Правда, Игорь говорил, что учиться ему не пришлось, потому что после смерти отца в семье он остался за старшего, дал образование младшему брату, два с лишним года, как за ребенком, ходил за тяжелобольной матерью. И что теперь учится на вечернем, а два курса института уже окончил. Все это прекрасно, но ничто не могло сломить уверенности Анны Афанасьевны, что раннее это и ненужное замужество погубит Лидию. Если бы не Игорь — неизвестно, чем бы это все сватовство закончилось. Анна Афанасьевна пригрозила, что уедет жить в Казань к двоюродной сестре. А ребята знали, что зря болтать мама не любит.

Покойный Игорь был моложе Ивана Савельевича всего на несколько лет, но относился к нему с какой-то мальчишеской привязанностью. Как-то он сказал матери: «Ты говоришь — неровня? Правильно, только не Иван, а Лидка ему неровня, она ногтя его не стоит. Это же — человек, понимаешь? С самой большой буквы Че-ло-век! Иван в Лидкиной жизни, может быть, самый дорогой выигрыш». С мнением Игоря Анна Афанасьевна всегда считалась, но все же, прежде чем сдать позиции, решила с немилым женихом «объясниться по душам»:

— Лидия — девчонка и не понимает, что ее ждет, у вас же, Иван Савельевич, жизненный опыт более чем достаточный...— В эти слова, намекающие на его первый брак, Анна Афанасьевна вложила весь яд, на какой только была способна.— Я хочу, Иван Савельевич, предупредить вас, что на пенсию уходить не собираюсь и рассчитывать на меня как домработницу и няню не следует.

Иван Савельевич выслушал ее очень внимательно и, немного подумав, спокойно ответил, без обиды:

— Мы с Лидой, Анна Афанасьевна, рассчитываем только на себя. Теперь ваша забота — Игорь, помочь ему институт закончить. А моя забота — Лида, чтобы могла она спокойно учиться, сколько потребуется.

Вот какой деловой и разумный договор предложил Иван Савельевич. А через полгода Лидия уже носила Юрку. Беременность была тяжелая, Лидия часто болела. Гибель Игоря надолго уложила ее в больницу. Она заявила, что бросает институт.

— Учиться должен Ваня. Он третий курс кончает с отличием, перейдет на дневное, а я буду работать. Он закончит, тогда и я смогу доучиться...

Но тут решающее слово сказал Иван Савельевич. Ни возражать ему, ни спорить с ним было нельзя. Он — глава семьи. Он один отвечал за ее благополучие. За жену и сына. И за тещу.

Лидия продолжала учиться. Иван Савельевич перевелся с вечернего на заочный. Анна Афанасьевна вышла на пенсию: о яслях для Юрика не могло быть и речи. Две квартиры были обменены на одну общую, трехкомнатную.

Иван Савельевич был по характеру молчуном. Казался замкнутым, порой даже суровым, но Анна Афанасьевна давно поняла, насколько прав был покойный Игорь, когда сказал ей, что в Лидкиной жизни именно он, Иван Савельевич, «самый дорогой выигрыш».

И зятем оказался неплохим. Внимательный, заботливый, в нужный день подарком не обойдет, но и ласкового слова она от него никогда не слышала. После двадцати лет совместной жизни оставался он для нее Иваном Савельевичем, а она для него... «Вы... Анна Афанасьевна».

Когда-то, в дальнем далеке, Игорь называл мать — мама Аня. Говорил он в растяжечку, получалось у него мама-а-аня. Позднее и Лидия, ласковая, как котенок, стала называть ее не мамочкой, не мамуленькой, а маманей, маманюшкой.

Родился Юрий, вскоре за ним Людашка, и Анна Афанасьевна стала бабанюшкой. И только для зятя она по-прежнему оставалась: «Вы... Анна Афанасьевна».

Добрый он и справедливый человек, но, видимо, никогда не сможет забыть, как яростно боролась она против его брака с Лидией. Не сможет простить ей слова — «неровня». И откуда оно взялось у нее — это постыдное слово? Прав был Игорь... Иван Савельевич давно инженер, начальник главного цеха на заводе, и авторитет у него — дай бог любому, самому большому руководителю. Разница в годах? А никто и не поверит, что он чуть не на девять лет старше жены.

Лидонька с тридцати лет расплываться начала, от ее тоненькой талии и следа не осталось, а он все такой же поджарый, ладный, на ногу легкий.

...Анна Афанасьевна сидела, спустив босые ноги на коврик. Все еще познабливало, но звон в ушах притих, и мысли стали ясными и точными. Обдумать все, решить и действовать. Без промедления. Чтобы не опоздать. Как Яхонтова Мария Павловна — соседка милая, почти подруга — не успела тогда, так же вот говорила: «Ничего, просто устала я, отдохну и встану». И не встала. Лежала без движения больше полугода. А квартира-то двухкомнатная, малогабаритная. В спаленке сын со снохой и Маринка, озорница, непоседа трехлетняя. А в проходной, кроме бабушки, на раскладушке Виктор — десятиклассник... Такой больной особого ухода требует, один из семьи должен оставить работу, а семья пять человек, на одну зарплату прожить нелегко. Сын с женой урывками, среди дня с работы забегают домой и Виктор из школы тоже, покормить бабушку, водички дать попить, убрать мокрое, подложить сухое, чистое. И все же часами, длинными бесконечными часами лежит бабушка одна, в пустой квартире...

Горько вспомнить, как дети и все близкие втайне молили судьбу о наступлении конца, и, когда пришла избавительница-смерть, со всех словно тяжкий камень свалился.

На похоронах родные плакали горько и искренне, но то и дело слышались тихие, такие точные и жестокие слова: «Слава богу, отмучилась...»

А сколько протянет она — Анна Афанасьевна? Сколько убавит сил и здоровья у Лидии? Иван Савельевич два года за больной матерью ухаживал, теперь за тещей ходить? А Людашка?! Как она-то, девочка молоденькая, в одной комнате... Нет, нельзя такое допустить, нужно самой все успеть устроить, все быстренько организовать, чтобы дети и опомниться не успели. Большакова Софья, старая сослуживица, работает в облсобесе, как раз заведует сектором по этим самым домам престарелых. Она умница, она все правильно поймет и Лидочку уговорить сумеет, чтобы не протестовала. А они будут ездить, навещать будут часто и письма писать каждую неделю. Все устроится наилучшим образом, и ничего в этом нет особенного.

Анна Афанасьевна сунула ноги в тапочки и, придерживая сердце рукой, пошла в прихожую. К телефону.

...В школе-интернате, где уже двенадцатый год благополучно директорствовала Лидия, Иван Савельевич бывал не часто, поэтому, когда он неожиданно возник на пороге кабинета, у Лидии от испуга округлились глаза:

— Что случилось? Мама?!

— Тихо, тихо... Пока ничего не случилось.— Иван Савельевич, присев на диван, похлопал ладонью рядом с собой:— Сядь, я тебе кое-что расскажу.

Опасливо косясь на мужа, Лидия присела рядом:

— Только не тяни за душу, говори сразу.

— Звонила мне на работу Софья Андреевна. Мать просит путевку в интернат...

— Какой интернат?! — шепотом ужаснулась Лидия.

— Ну, конечно, не в твой. Интернат для стариков и инвалидов. Его довольно звучно именуют — дом ветеранов труда.

— Какие ветераны труда? Господи, ничего не понимаю... При чем здесь мама?

— Мама звонила в собес Софье Андреевне, просит оформить для нее путевку в этот интернат, и как можно быстрее.

— Да что она?! С ума сошла? Ты представляешь, что эти... из собеса о нас подумают?

— Да какое нам дело, что о нас кто-то подумает! — досадливо сморщился Иван Савельевич.— Разве нам сейчас об этом беспокоиться нужно? Ты лучше подумай, что́ ее от нас, от ребят из дома гонит?

— А может быть, она на ребят рассердилась? Может, они ее чем-то обидели?

— Не могут ее ребята обидеть, они любят ее. А она тебя и детей любит больше жизни.

— А тебя?

— Ну... меня... Мне она, видимо, за двадцать лет так и не простила...

— Что?! В чем ты перед ней виноват? — запальчиво перебила Лидия.— Что она не может тебе простить?

— Ну... то, что я против ее воли на тебе женился...

— Неправда! Тебя она...— Лидия на мгновение запнулась.—Она тебя очень уважает, ты даже не представляешь, как она тебя уважает! Она тобой гордится, я сама слышала...

— Ну, не уважать ей меня не за что...— усмехнулся Иван Савельевич.— Но мы-то с тобой сейчас о другом чувстве говорили...

— Хорошо, пусть не любит... Не очень ты в ее любви нуждаешься, но это же не значит, что ей нельзя больше с нами жить.

— Подожди. Не горячись. Сядь. Ты сейчас сгоряча можешь еще больше беды натворить. Ты понимаешь, Лида, похоже, мы с тобой что-то не то или не так делаем.

— А вот я ее и спрошу! Спрошу, чтобы она прямо мне ответила...

— Опомнись, Лидия! Что ты кричишь? Она тебе ответит... Я даже знаю, что она тебе ответит.

— Откуда ты можешь знать? Ты с ней уже разговаривал?

— Нет. А ответит она тебе примерно вот что: «Не могу я быть для вас обузой... Ты, Лидусенька, сама больная, работа у тебя с этими архаровцами такая нервная, трудная..» Ну и так далее. И еще она тебе обязательно о Яхонтовых напомнит, как их всех «мать истерзала», как все смерти ее ждали...

— Ваня, ну что ты говоришь?! Да неужели наша мама...

— Нашей маме очень сейчас плохо, Лида. И виноват в этом больше всего я. Мне давно нужно было вмешаться. Ты понимаешь, она думает, что все ее немочи —

слабость, потеря сил — от старости, что всему свое время, что это — старческая дряхлость, необратимая, неотвратимая. А это неправда! Мама больна, и ее нужно лечить, а мы сидим сложа руки и смотрим, как она угасает.

— Я же ее водила...— потерянно всхлипнула Лидия.

— А что это дало? Таблетки «от головы», капельки «от сердца». Клиника нужна, понимаешь? Полноценное восстанавливающее лечение... А то ведь иные как рассуждают: устал старик, вымотался, обессилел — ну и иди в дом престарелых, не путайся у молодых под ногами, не отравляй детям своим жизнь... Ты понимаешь, что во всем этом самое страшное? Вот мне скоро пятьдесят, а я ни разу об эти мысли не споткнулся, не спросил себя: как же это так получается? Пока мать, словно обухом по темечку...

— Не надо, Ваня, не терзай себя, не казни. Это все я, дура слепая... Ничего, Ваня, и клиники для мамы добьемся и в санаторий наша маманюшка поедет.

— Ну ладно,— хмуро перебил Иван Савельевич,— похныкали, попричитали, и то хорошо. Вот что я хочу тебе предложить: давай, сначала я, первый с матерью поговорю, а потом уже ты. И еще: никаких упреков, никаких слез. Деловой семейный форум — в какую больницу и когда, в какой санаторий хлопотать путевку, ну и все такое прочее.

...Проснувшись в сумерках, Анна Афанасьевна услышала где-то совсем рядом чужое негромкое дыхание. Рядом с постелью сидел Иван Савельевич. Опершись о колени локтями, сгорбившись, он, не мигая, смотрел в пол.

— Господи! Случилось что? Не заболела ли Лидочка? Или с ребятишками что? — Анна Афанасьевна легонько тронула его рукой.

— Проснулась? — Иван Савельевич перехватил ее руку и осторожно сжал в своих большущих теплых ладонях. —А что это руки-то такие холодные? Давай я грелку налью...

От его сухих жестких ладоней шло такое непривычно-родное тепло. И еще — не ослышалась ли, он сказал — «давай...»

Анна Афанасьевна хотела что-то ответить, но только пошевелила губами и сморгнула слезы, залившие вдруг глазницы.

— Что же это ты, мама Анюшка? Как ты такое придумать могла?

— Ваня, залежаться боюсь... Замучаю вас, Ваня... И имя-то какое милое: Ваня... Ребятишек жалко, Ваня. Лидочка сама больная, а тебе-то, Ваня...

— Тихо, маманюшка, тихо. Хватит об этом, почудила, и довольно. Сейчас в больнице полечишься, потом в санаторий съездишь. Может, удастся путевки добыть — вместе с Лидкой и поедете.

— Ваня, а где она, Лида-то?

— В магазин побежала. Изревелась вся, ругается.

— А ребятишки? Ваня, знаешь что, сынка, давай не будем ребятишкам-то про это говорить...

●

ОТВЕЧАЮ ТЕБЕ, НИКА...

Встреча артековцев в 1982 году

Открываю «Огонек» № 47 за прошлый год, и вот удивление, вот радость: твое письмо, Ника, да еще наши фотографии. Сразу же вспомнилось, как мы подружились в Артеке в сорок первом и как быстро пришлось расстаться.

Из Артека мы эвакуировались в Сталинград. Оттуда я и послала тебе свое первое письмо на русском языке. В 1942 году мы оказались на Алтае. Жили дружной артековской семьей, у каждого были свои обязанности. Я шила. Еще в Сталинграде, когда каждый из нас старался помочь фронту, я научилась чинить и шить белье для раненых; посылали свои изделия на фронт. Когда после переезда наш Артек окончательно устроился, встал на ноги, мы приступили к своей прямой обязанности — принимать на отдых пионеров Урала и Сибири.

Не помню, писала ли тебе, что в 1943 году я собиралась на фронт, в Эстонский стрелковый корпус, окончила курсы медсестер. Но руководство лагеря не отпустило меня. Тогда я обижалась, сейчас же понимаю, какой опорой для фронта был тыл. Мы, артековцы, тоже много работали и перечислили в фонд помощи фронту 116 тысяч рублей. Ведь нашим ребятам в начале войны было одиннадцать-двенадцать лет. Я чуть постарше была...

В 1943 году наша переписка оборвалась: из письма в «Огоньке» я узнала, что это связано с переездом твоей семьи. Немного расскажу, как сложилась моя жизнь дальше.

Летом 1944-го я уехала по вызову ЦК Комсомола Эстонии в город Пушкин, под Ленинградом, на курсы комсомольских работников. После освобождения Эстонии была на пионерской и комсомольской работе, потом трудилась в сфере культуры, а последние годы — заместителем главного врача по хозяйственной части в диспансере.

Живу я в Тарту, у меня двое детей и трое внуков. И еще около восьмидесяти очень близких родственников — это артековцы военных лет, с которыми мы не перестаем дружить, встречаемся, обмениваемся письмами. Сегодняшним пионерам я рассказываю об Артеке и о нашей дружбе. Мои взрослые дети говорят: «Мама наша все в красном галстуке».

Сейчас готовимся к новой встрече. Идея грандиозная: увидеться в нынешнем Артеке или на Алтае! Надеюсь, что на наши с тобой письма в «Огоньке» откликнутся многие из старых артековских друзей. Например, Юрий Кулешов и Иван Заводчиков. Ведь артековская дружба — это особое чувство, это черточка нашей советской жизни.

Посылаю снимок, сделанный на последней встрече. Вот такие мы теперь. Я — в первом ряду, в центре. Узнаешь ли?

Иоланда РАММИ

Тарту.

●

ИЗВИНИТЕ, ПОМЕШАЛИ

И надо же, такое совпадение. Выходя из магазина, купила очередной, четвертый номер «Огонька», а придя домой, прочитала «почти фантастический рассказ» Виталия Бабенко «Поражение», в котором описывалась картина, близкая к тому, что я только что наблюдала. Магазин наш, № 40 Красногвардейского райпищеторга, что по улице Домодедовская, 42, не винно-водочный, пошла я туда за хлебом и молоком. Но ежедневно там устраивают продажу пива прямо в вестибюле, и пройти мимо, не сталкиваясь с любителями пива, невозможно. И вот как-то получается, что не они нам мешают, а мы им. Бутылки ставят прямо на полу в дверях магазина или на ступенях, если тепло на улице. Естественно, эти «интеллектуалы» не хуже чем в Надькином гадюшнике из рассказа В. Бабенко, разговаривают на своем «полуиностранном» языке. Пол усеян окурками, объедками от закуски. А ведь сюда приходят мамы с детьми. Сегодня на мое замечание не загораживать хотя бы вход в магазин услышала такое, что и сейчас не могу отойти от обиды. Я уже не молодая женщина — кажется, пора привыкнуть ко всему в жизни, но такое еще не встречала.

Так сколько же мы будем писать, читать, слушать и улыбаться на фельетоны, анекдоты, рассказы и «фитили»?! И где же эти «исчезаторы», когда же они материализуются? Вот и испорчен выходной день с утра, а завтра на работу. Уверена, с испорченным настроением я не одна. Извините, наверное, не вам все это надо адресовать, но написать письмо меня натолкнул именно рассказ «Поражение». Я участница Отечественной войны, и само слово «Поражение» дико слышать. Как же так, с такими большими делами справляемся, а с пьянством и хулиганством еще не можем.

А. РЕШЕТОВА

Москва.

Один из лучших снайперов школы, Н. Лобковская.

«Карандашики» и «королевы» снова вместе!

БЫЛА ВОЙНА

А. РАЗДОЛЬСКИЙ

Фото И. ГАВРИЛОВА

Сорок лет назад в Кусковском парке столицы была создана Центральная женская снайперская школа. К концу войны школа стала легендарной, а ее выпускницы на всех фронтах были нарасхват, но кто бы мог это предположить морозным февральским утром 1943 года...

Начальник школы Нора Чегодаева принимала один из первых наборов. «Господи, до чего же молоденькие, домашние и беззащитные!» — вздыхала она. Но служба есть служба, и Нора скомандовала: «В одну шеренгу становись!» Какая началась беготня, суетня, сутолока... Кое-как построились, но оказалось, что не по росту. Пришлось начинать сначала. Когда распределили по ротам, выяснилось, что в первой — самые высокие и ладные, одно слово «королевы», а в четвертой — ну, прямо малышки. «Карандашики»,— едва сдерживала улыбку Нора. С тех пор так и пошло: одни — «королевы», другие — «карандашики». Спуску друг другу не давали ни те, ни другие — соревнование шло и по строевой подготовке, и по материальной части, и, конечно же, по стрельбе.

— Иду я как-то утром недалеко от казармы,— вспоминает бывший преподаватель школы Б. Пащенко,— и вижу, как курсантка-«карандашик» забирается на высокое дерево. Влезла, отдышалась, спустилась и опять наверх. Тут уж я не выдержал: что, думаю, за детские игры?! «Курсантка Молдагулова, доложите, чем занимаетесь!» «Учусь лазать по деревьям, товарищ капитан. Думаю, пригодится. Родом я из Казахстана, а там деревьев почти нет». Ну что ей скажешь?! То ли хвалить, то ли ругать... А ведь это была та самая Алия Молдагулова, которой впоследствии будет присвоено звание Героя Советского Союза. К сожалению, посмертно. Вот тебе и девчонки, вот тебе и «карандашики»! Смеялись, пели, плясали, любили, плакали украдкой в подушки, а дрались и погибали как настоящие герои.

Два с половиной года действовала школа, успев подготовить около двух тысяч снайперов. А на их боевом счету более двенадцати тысяч солдат и офицеров противника!

До сих пор вспоминают бывшие выпускницы школы сибирячку Музу Булатову. Ее считали взрослой, замужней женщиной. Хотя замужем побывала меньше месяца: ее муж, летчик-истребитель, погиб в первых же воздушных боях над Белоруссией. Муза пошла мстить, стала курсанткой снайперской школы. А как она пела! По мнению подруг, это было настоящее дарование. Однажды в школу пригласили даже профессора Московской консерватории: послушайте, мол, обратите внимание. Профессор приехал, послушал. Да, редкий голос. Предложил поступать в консерваторию. Она отказалась наотрез! Погибла Муза под Ленинградом.

А ее подруга Надежда Кирьян была не только снайпером, но и разведчицей. Однажды их отряд попал в засаду. Надя отстреливалась до последнего патрона. Когда патроны кончились, бросилась на фашистов с гранатой. Свой последний бой Надежда Кирьян приняла в неполные двадцать лет.

Таня Лукичева погибла в Польше, под Сувалками. Она пыталась вынести из-под огня тяжело раненного командира взвода. Вынесла, но и сама была смертельно ранена.

И вот позади сорок лет... Поседевшие, но с удивительно ясными и молодыми глазами, собрались выпускницы Центральной женской снайперской школы в Москве. Конечно же, были слезы, улыбки, объятия и воспоминания, воспоминания, воспоминания...

— Девчата в нашей роте были веселые, смешливые, как на подбор, рослые, словом, «королевы». Больше всего мы огорчались тем, что уж больно нелепо сидела на нас форма: шинели длинные, широкие, на плечах болтаются, будто на вешалке. Засели мы в казарме и давай кроить, ушивать, подрезать... Как только времени хватало о красивом внешнем виде думать, занимались ведь по пятнадцать часов в сутки,— рассказывает З. Ахмерова.— В сорок третьем окончила школу и попала на Карельский фронт.

— А я на войну не сразу попала,— не скрывает огорчения Н. Сыртланова.— Оставили меня в школе. Будешь, говорят, старшиной, так что принимай новое пополнение! Умом я все понимала: кто-то должен учить девчат. А сердцем... Все думалось, как я стану после войны в глаза смотреть своим подругам? И все-таки своего добилась: с одним из выпусков уехала на фронт.

— А я из роты «карандашиков»,— улыбается М. Скакун.— Что греха таить, ростом мы сильно не дотягивали до нормы. Но для чего снайперу рост? Ему глаз хороший нужен да твердая рука! Ничего, «карандашики» тоже свалили немало здоровенных фрицев.

Об одном из таких случаев рассказала Н. Лобковская.

— Боевое крещение я приняла в составе 21-й гвардейской дивизии под Оршей. Свой первый выстрел никогда не забуду. Со мной в снайперской паре была Вера Артамонова. У опытных солдат мы долго расспрашивали о боевой обстановке, о том, как удобнее устроиться на местности, много ли деревьев на линии огня, какое расстояние до окопов противника... На следующий день ранним утром мы с Верой вышли на рубеж. Залегли. Ждем... Честно говоря, страшновато было: до своих-то дальше, чем до немцев. И вот первый немец — офицер. Дело прошлое, но выстрелила не сразу. Если первая пуля — и мимо цели, для снайпера примета не из лучших. Наконец, выстрелила! Мимо? Или попала? Уж так узнать хочется, что хоть подымайся. Еле сдержалась. А Вера мне рукой махнула: «Есть!» Вот так я и открыла свой боевой счет.

Боевые подруги... Разбросанные по фронтам, они сумели только после войны, да и то не сразу, разыскать друг друга. Первая такая встреча была организована на домашних началах. Одна из выпускниц школы, И. Мудрецова, созвала к себе в Москву всех, чьи адреса и фамилии помнила. Собралось их тогда пятьдесят человек. А гостеприимная хозяйка чуть не целую неделю пироги пекла, чтобы все было по-домашнему. Тогда же решили организовать совет ветеранов. С тех пор стали встречаться то в Ярославле, Фрунзе, Алма-Ате, то в Ленинграде... А на этот раз в Москве, в клубе имени Горбунова. Звучит команда:

— К выносу боевого знамени школы прошу встать!

И вот они стоят, девчонки тех огненных лет — «королевы» и «карандашики», лицом к лицу со своей опаленной судьбой, со своей суровой, далекой юностью. Вспоминают имена подруг, друзей, тех, кто не вернулся...

ЛЮБОВЬ И БОЛЬ НГУЕН ТХИ ДИНЬ

Владимир КОВАЛЕВ

...Чернота ее волос тронута сединой. Той, которой наделяют матерей горе и тяжкие испытания. На ней строгое, черное платье в национальном стиле, белая шаль с затейливым рисунком. Тонкие черты лица, добрые глаза, излучающие свет... На груди — золотая медаль лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», звезда Героя Вооруженных сил Вьетнама.

Нгуен Тхи Динь, член ЦК Коммунистической партии Вьетнама, член Государственного Совета СРВ, председатель Союза женщин Вьетнама, вице-президент Международной демократической федерации женщин, рассказывает о своей жизни. Какое-то время спустя мне начинает казаться, словно сидим мы на берегу широкого Меконга, а шум автомобилей на улице Горького за окном — словно шум бурных вод реки. Разговор уходит почти на полвека вглубь.

...Вся деревня — десяток крытых рисовой соломой хижин — приютилась в устье Меконга, окруженная банановыми зарослями и разлапистыми веерными пальмами. С рассветом уходили крестьяне общины Льонгхоа в поле и целый день, стоя по колено в воде, возделывали рис, чтобы иметь его дома хотя бы чашку. По вечерам, когда жаркое солнце устраивалось на ночь за горы, собирались вместе, пели песни, слушали рассказы седобородых старцев о полководцах, сражавшихся в этих местах за свободу. Слушала рассказы старших и девочка Динь, а ночью снились ей сны, в которых храбрые воины-вьеты побеждали злых драконов, говорили: «Вы теперь свободны, и земля теперь ваша!»

Больше всего Динь боялась, когда в деревню приходили люди с оружием; они разговаривали на незнакомом ей языке. И однажды дверь хижины распахнулась от сильного удара — на пороге стояли двое с винтовками.

— Колониальная полиция! Всем не двигаться с места, руки вверх! — заорал один на ломаном вьетнамском.

Полицейские обшарили весь дом от пола до потолка, сломали мебель, разбили кувшины с рисом, вспороли одежду. Что они искали, Динь так и не поняла. Затем вывели на улицу старшего брата, связали ему руки за спиной и, ничего не объясняя, увели.

— Они искали книги и листовки, — сказал отец. — Теперь его посадят в тюрьму...

Динь знала, где находится тюрьма. Она пришла туда вечером и долго-долго ходила вокруг, думая, как бы вызволить брата. Но что могла сделать десятилетняя девчушка? Она могла только возненавидеть чужеземцев с оружием.

Нгуен Тхи Динь вспоминает, как она делала первые шаги к профессии революционера — помогала товарищам брата расклеивать в деревне листовки. А в 1938 году, будучи восемнадцатилетней девушкой, стала членом коммунистической партии...

— Расскажите о том дне, когда вы получили из рук товарищей партийный билет.

— Такое не забывается. Тайное собрание в джунглях, свет факелов в ночи, клятва на верность родине... В партию коммунистов вместе со мной приняли еще нескольких женщин из провинции Бенче. Мы понимали, что должны теперь и жить по-другому, и мыслить, и, главное, действовать.

Долгие годы я хранила тоненькие листки папиросной бумаги, которые дали мне вместе с партбилетом. На них от руки были переписаны статьи товарища Хо Ши Мина, в то время находившегося за тысячи километров от родины.

— Начало вашей деятельности в партии совпало с периодом, когда в Европе поднял голову фашизм, а японские империалисты готовились к вторжению в Индокитай...

— Мы не могли оставаться пассивными в то время, когда над миром нависла коричневая угроза. Коммунисты Вьетнама бросили клич: «Свободу родине!» Призыв партии подхватили тысячи, десятки тысяч людей. Началась подготовка к вооруженному восстанию против японо-французских оккупантов.

Враг тем временем ужесточал репрессии. Был схвачен охранкой и замучен в концлагере Пуло-Кондор на острове Кондао мой муж — товарищ по революционной борьбе. Всего только три дня из своей жизни он успел прозести с сыном, который тогда родился. Вскоре и меня с ним разлучили — арестовали и бросили в тюрьму за то, что я была коммунисткой.

Фото А. Кочетова

«...Золото проверяют огнем, силу человека — трудностями» — гласит вьетнамская пословица. Стойко вынесла Нгуен Тхи Динь тяжесть выпавших на ее долю испытаний. Страдания народа слились в сердце женщины с болью личных утрат. Непоколебимая вера в победу — вот что стало источником ее сил для дальнейшей борьбы. С этой верой Нгуен Тхи Динь, выйдя из застенков, руководит во время Августовской революции народным восстанием в своей родной провинции.

Вечерами садилась она к радиоприемнику и, поймав радиостанцию «Голос Вьетнама», ждала, когда будет выступать президент Хо Ши Мин. Как-то на одном из собраний народного комитета Бенче, в который входила Нгуен Тхи Динь, председатель сказал:

— Собирается делегация на Север, в Ханой. Будет встреча с президентом Хо Ши Мином. Нужен представитель от Бенче. Какие предложения?

— Пусть едет Нгуен Тхи Динь! У нее есть что сказать нашему президенту, — предложил старый крестьянин.

Встреча с Хо Ши Мином... Она помнит каждое его слово, каждый жест. Президенту было интересно расспрашивать южан об обстановке на местах, но вместе с тем он давал дельные практические советы.

У Нгуен Тхи Динь вождь спросил, учится ли она. Посоветовал не забывать слова великого Ленина: «Задача состоит в том, чтобы учиться». И напомнил ей о том, что Ильич высоко ценил роль женщин в революции.

...А между тем положение на Юге становилось все более тревожным. Оккупация продолжалась. Ко всему в Сайгоне высадились англичане и потребовали разоружения частей Армии освобождения молодой республики. По провинции Бенче на машинах разъезжали головорезы с автоматами в руках и требовали «казни людей Хо Ши Мина». Пришлось уходить в подполье — слишком хорошо знали Нгуен Тхи Динь ее враги. Снова опасность и риск, снова конспирация и тайники... В конце сентября на тайной партизанской базе в джунглях собрались коммунисты. Словами присяги партизан на верность родине стало обращение президента ДРВ Хо Ши Мина к народу: «Лучше умереть свободными, чем жить рабами...»

— Кто был для вас образцом?

— Соратница Хо Ши Мина, одна из первых коммунисток Вьетнама — Нгуен Тхи Минь Кхай. В далеком 1935 году она приезжала в Москву и выступала на VII конгрессе Коминтерна. Она говорила о раскрепощении женщин колониальных стран. В 1940 году, в период подготовки вооруженного восстания, колонизаторы арестовали Минь Кхай, зверски пытали и затем расстреляли...

— Резервом партии всегда была молодежь. Но требуется определенная работа, чтобы из резерва превратить ее в боевой отряд. Еще в сложный период подготовки вооруженного восстания, мы знаем, огромную роль в воспитании молодежи сыграли женские организации. Особая роль принадлежала Союзу женщин за спасение родины, активным членом которого были вы...

— Кроме того, что женщины должны были обеспечить связь между партизанскими базами и лагерями, на них лежала не менее ответственная задача: не дать юношам и девушкам стать политическим и военным резервом колонизаторов.

В то время на Юге плодились бесчисленные публичные дома, притоны наркоманов, бары, игорные дома... В Сайгоне возникло даже издательство «Хан Тхуэн», которое выпускало на вьетнамском языке книги для молодежи, искажавшие суть марксизма и подменявшие ее псевдореволюционными, троцкистскими лозунгами. Большинство мужчин воевали, поэтому нелегкая пропагандистская работа в массах легла на плечи женщин. В этой своеобразной битве за умы и сердца молодых мы не только выстояли, но и победили. Союзу женщин за спасение родины есть чем гордиться — тысячи девушек взяли в руки оружие и направили его против поработителей.

— Знаете, приходилось слышать из уст самих женщин, что война — не женское дело, это, дескать, удел мужчин. Что бы вы, генерал-майор вооруженных сил, сказали по этому поводу?

— Верно, стрелять и убивать людей действительно не женское дело. Но если на твою землю ступила нога агрессора, стоит вспомнить старую пословицу: «Когда пришел враг, женщина должна взять оружие»...

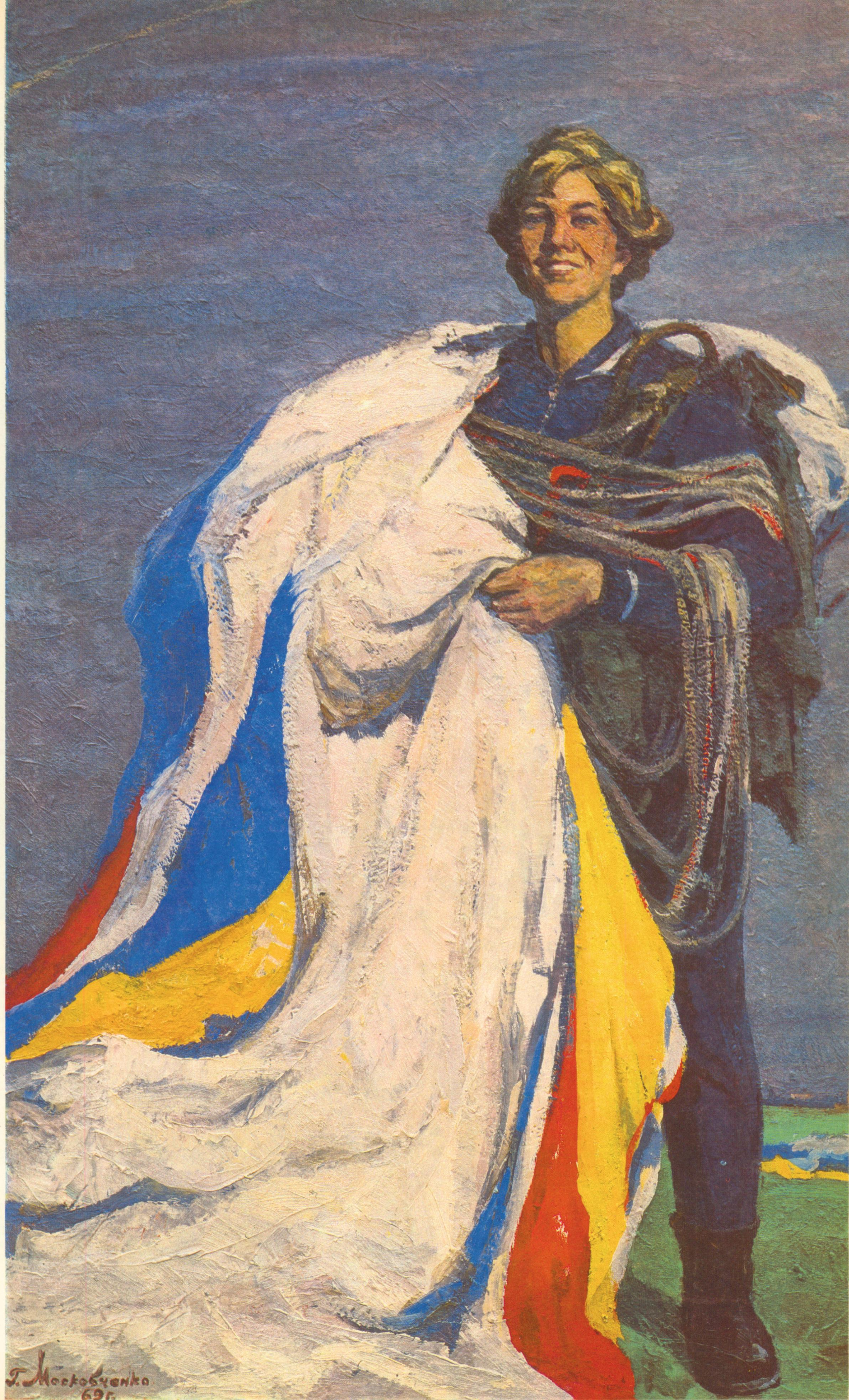
...Кажется, кто-то из журналистов заметил и потом написал в своей книге, будто в джунглях Юга почти нет цветов. Нгуен Тхи Динь не могла с этим согласиться. Да, их стало меньше после химических атак новых поработителей Вьетнама — янки — с воздуха. Но там, куда не долетали воздушные стервятники, открывались среди буйных зарослей лиан острова орхидей или ярких «цветов-бабочек». Она часто приезжала на партизанские базы в джунгли. И всегда ей девушки-медсестры дарили букетик любимых орхидей...

Весь мир обошла в 1968 году фотография Нгуен Тхи Динь — заместителя главнокомандующего Вооруженными силами освобождения Южного Вьетнама. В канун нового лунного года она руководила боевыми операциями во время генерального наступления сил Национального фронта освобождения на города Юга с целью выбить из них ненавистных янки. Бесстрашно сражались рядом с мужьями и сыновьями бойцы «армии длинных волос» — так называли женщин с оружием американцы.

В том самом году Нгуен Тхи Динь узнала, что ей присуждена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами», премия, получить которую удалось только спустя шесть лет в Москве.

— Есть у наших фронтовиков такая песня: «Где же вы теперь, друзья-однополчане?» А ваши фронтовые друзья — где они сейчас? Часты ли встречи?

— Да, я знаю эту чудесную песню и не могу без волнения смотреть передачи из Советского Союза, когда в День Победы 9 мая показывают встречи боевых друзей. Мечтаю приехать когда-ни-

Г. Московченко. Род. 1916. ПАРАШЮТИСТКА. 1969.

Н. Соколов. Род. 1903. У ТЕЛЕВИЗОРА. 1980.

будь в СССР в эти дни, прийти в сквер к Большому театру или в парк имени Горького, ощутить ту волнующую атмосферу, когда люди находят фронтовых друзей, со слезами на глазах обнимают и целуют друг друга...

Судьба ныне разбросала в разные уголки Вьетнама моих боевых друзей и подруг. Но каждый год мы собираемся в конце апреля вместе в Бенче. Я живу теперь в Ханое — столице объединенной родины. В органах народной власти Бенче трудятся мои фронтовые друзья — Ба Дао и Хай Тхиен, с которыми мы бок о бок прошли дорогами сражений. В Хошимине моя соратница по патриотическому движению и подруга Нгуен Тхи Тхань возглавляет городское отделение нашего Союза женщин. Мы вспоминаем недавнее прошлое и вместе мечтаем о счастливом будущем.

— Женщины в сегодняшнем Вьетнаме пользуются огромным авторитетом и уважением. За последние годы более 120 из них присвоено звание Героя труда и Героя вооруженных сил. Что бы вы сказали об основных задачах, стоящих сейчас перед женским движением во Вьетнаме?

— Огромны задачи практически во всех областях общественной жизни. Женщина Вьетнама сегодня — это ученый и педагог, рабочий и, наконец, мать своих детей. Не могу не сказать о Хоанг Суан Шинь — профессоре, докторе математических наук, ученом с мировым именем. К ее мнению по проблемам педагогики, социальным вопросам с огромным вниманием прислушиваются в Национальном собрании, депутатом которого она является. Фам Тхи Тхань Ван — адвокат, внесла немалый вклад в разработку конституции Социалистической Республики Вьетнам. С трибуны Национального собрания она часто выступала в защиту подлинных прав человека, против попыток органов печати западных стран извратить суть этой важной проблемы.

— В «крестовом походе против коммунизма», который объявил президент Рейган, особое место занимает антивьетнамская пропагандистская кампания. Чем, на ваш взгляд, она вызвана?

— Неспособностью справиться с собственными трудностями. Позор военного поражения в Южном Вьетнаме — несмываемое пятно Америки. И как бы ни призывали ее руководители «забыть прошлое», так просто это сделать не удается. Обвиняя коммунистов в том, что они разрушили якобы «рай на Юге», пентагоновские генералы тем самым пытаются скрыть свои чудовищные злодеяния, вызванные широким применением в войне химического оружия. У наших матерей до сих пор рождаются дети-калеки — как можно смириться с этим? Лично у меня война отобрала мужа и сына. До тех пор, пока бьется мое сердце, я готова бороться за мир, за то, чтобы нигде в мире не повторилась трагедия Вьетнама!

— Слушая вас, Нгуен Тхи Динь, не могу удержаться от вопроса: никогда не хотелось вам самой написать книгу? Ведь такая биография достойна того, чтобы о ней узнали многие...

— Книгу я начала писать. Это прежде всего рассказ о моем поколении, на долю которого выпали нелегкие испытания. Думаю, через какое-то время с ней познакомятся и советские читатели.

ОБЫКНОВЕННОЕ ВОЛШЕБСТВО

Для вас, дорогие женщины!

ГОВОРЯТ МУЖЧИНЫ...

Юрий **КИСЛИЦЫН**, бригадир цветоводческого совхоза «Таугуль»

Я знаю: есть в Алма-Ате местечко, где живут волшебники. В середине зимы они могут заставить цвести гвоздики и тюльпаны, земля, к которой прикасаются их руки, покрывается ковром цветов. Местечко это носит название «Таугуль», что в переводе с казахского означает «Горный цветок». Скептики могут мне возразить, что это всего-навсего цветоводческий совхоз. «Скучные люди,— отвечу я,— что вы понимаете в магии? И пытался ли кто-нибудь из вас сам вырастить посреди зимы хотя бы один цветок?»

— Трудно ли это? — поинтересовался я у цветовода-бригадира «Таугуля» Юрия Кислицына.

— Еще бы,— ответил он,— все свои знания, полученные в сельскохозяйственном институте, приходится применять.

— Что вы делаете для того, чтобы скрасить быт женщин?

— Выращиваю и дарю цветы. Своей жене Наде, например, подарю Восьмого марта не просто цветы, а композицию из алых тюльпанов. Идея — любовь и верность. Если говорить о женщинах из моей бригады (а их большинство), то стараюсь, чтобы мы перевыполнили план, и тогда они получат хорошую премию. А если говорить обо всех алмаатинках, то в Международный женский день мы им подарим 700 тысяч тюльпанов, а всего за год шесть с половиной миллионов цветов — гвоздик, роз, астр, пионов, хризантем.

Интервью взял Ю. ЛУШИН.
Фото автора

...И СТОЛ ПРЕСТОЛ

Фото Л. Шерстенникова

Ю. К. АЗАРСКИЙ, мастер-пекарь 18-го московского хлебозавода

Исстари говорят: хлеб на стол — и стол престол... Какой же праздник без хлеба? Всякий хлеб хорош и желанен. Но, думается, продукция нашего цеха особенно нравится покупателям. Мы печем ватрушки, сдобные булочки, батончики с изюмом и цукатами... Восемьдесят три московских булочных и магазина торгуют нашими изделиями. И если они свежи, если не потеряли в дороге или на магазинной полке своей первозданности, спросом пользуются неизменным.

И этот праздничный каравай пек я из того же теста, которое идет на многие другие наши изделия. Им-то и поздравляю от имени московских пекарей всех женщин — читательниц «Огонька».

Отношение к хлебу должно быть заботливым и внимательным. Других рецептов сохранения хлеба у меня нет. Но, если все же почерствел остаток батона или булки, не спешите отправить его в отходы. Испытайте как-нибудь такой метод: заверните черствый батон во влажную льняную или полотняную тряпицу и положите в стоящую на маленьком огне кастрюлю. Через несколько минут выньте, дайте хлебу чуток поостыть — объедение.

Мне приходилось печь хлеб и в море-океане, и в Антарктиде, и в жарких странах, и строителей БАМа доводилось угощать хлебом. Говорю с уверенностью: нет хлеба вкуснее, чем наш!

Но ведь пекут-то его женские руки. Пекарь-мужчина — исключение, вот какая история. Это у Горького двадцать шесть и одна. А в нашем цехе другая пропорция.

Поэтому-то я в первую очередь поздравляю своих коллег — женщин-пекарей. Спасибо за добрый хлеб!

ЗАПАДНЯ НА ПОТОМАКЕ

С. ЛОСЕВ,
В. ПЕТРУСЕНКО

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

●

Американская разведка рассчитывала добиться «окончательных результатов в борьбе с кубинской революцией». Если бы ей удалось «продемонстрировать», что Куба виновна в смерти президента Кеннеди, тогда бы любая акция, в том числе и прямая агрессия против страны, сказал И. де Гевара Кинтана, была бы полностью оправдана. Но провал с обеспечением фальшивых доказательств, с помощью которых ЦРУ пыталось инкриминировать Кубе участие в этом преступлении, существовавшее обязательство США не вторгаться на Кубу, известная всем решимость кубинского народа любой ценой защитить революцию и новое соотношение сил на мировой арене явились факторами, которые сорвали агрессивные планы против кубинского народа.

Американские исследователи указывают, что операция Кубеласа готовилась во взаимосвязи с упоминавшимся выше планом под кодовым названием «Второй морской пехотинец», предусматривавшим новое вторжение наемников ЦРУ на Кубу, если бы Кубеласу удалось осуществить зловещее задание Лэнгли. Операцию «Второй морской пехотинец» разрабатывали Хант, Маккорд и Баркер под эгидой Хелмса. Одновременно с убийством Джона Кеннеди, как выяснили независимые американские расследователи, в состояние боевой готовности были приведены ударные части, расположенные поблизости от Кубы. Все это, мягко выражаясь, выглядит подозрительно. Похоже, что действительно планировалась «большая месть» Кубе за убийство «любимого президента».

Одним из главных популяризаторов вышедшей из недр ЦРУ при непосредственном участии Хелмса версии о том, что убийство Джона Кеннеди явилось актом возмездия со стороны Кубы, был президент Линдон Джонсон. Он дирижировал небольшой, но влиятельной группой вашингтонских обозревателей, писавших на эту тему. Уйдя в отставку, Джонсон развивал ложь о прокубинских симпатиях Освальда в своих мемуарах. Он писал, что последние годы жизни Освальд «маршировал под знаменем Фиделя Кастро». Далее Джонсон пересказывал версию, созданную пропагандистами из ЦРУ: «...Мы знали рассказы о том, что Кастро, у которого все еще была жива обида за наше нападение в Заливе свиней и который лишь незадолго до этого обвинял нас в засылке агентов ЦРУ с целью убить его, был инициатором преступного заговора Освальда». Эти «рассказы», уверяет он, были одной из важных причин его решения создать Комиссию Уоррена. Только такая комиссия «могла успокоить нацию». Однако в докладе Комиссии Уоррена Освальд был охарактеризован как ни с кем не связанный убийца-одиночка. Тем не менее, воспроизводя в своих мемуарах насквозь лживые «рассказы», Джонсон продолжал лить воду на мельницу ЦРУ.

Последнее интервью перед смертью Линдон Джонсон дал своему бывшему помощнику, корреспонденту журнала «Атлантик» Яносу Джаношу. За кофе разговор у них зашел о президенте Кеннеди, и Джонсон выразил убеждение, что убийство в Далласе было составной частью заговора. «Я никогда не верил,—заявил экс-президент,—что Освальд действовал в одиночку, хотя я могу принять, что он нажимал на спусковой крючок». Джонсон сказал, что, когда он взял власть, он узнал, что «мы управляли проклятой корпорацией «Убийство» в Карибах». За год до смерти Кеннеди команда убийц ЦРУ была арестована в Гаване. Джонсон размышлял, что в Далласе отплатили за эту сорванную попытку, хотя он признавал, что не мог доказать этого.

В этом весь Джонсон — Макиавелли. Итак, «мы», то бишь правительство, а еще точнее, братья Кеннеди, орудовали в Карибах руками некоей проклятой корпорации «Убийство», а он, Джонсон, ничего не знал и не подозревал до самой смерти своего предшественника. Но тут решил разобраться во всем.

И кому же он дал соответствующее поручение? Ричарду Хелмсу. Тот уже после смерти Линдона Джонсона сообщил, что по заданию президента он составил 150-страничный портрет корпорации «Убийство». Джонсон прочитал одностраничное резюме доклада и приказал все засекретить. Попытки дотошных вашингтонских журналистов разнюхать, что было в том докладе (если он действительно был и есть), успеха не приносят. Но ясно, кого имел в виду президент, говоря о корпорации «Убийство»: мафию, кубинских контрреволюционеров, убийц из стран Центральной Америки и Карибского бассейна и, наконец, ЦРУ, управляющее ими. Секрета большого Джонсон не открыл, ему мы только обязаны метким определением. Ну, а что касается надежд Джонсона и Хелмса как-то привязать братьев Кеннеди к корпорации «Убийство», то, видимо, по здравому размышлению они сочли, что им вряд ли кто поверит, и убрали досье подальше.

В конце 70-х годов в ходе работы специальной комиссии по расследованию убийств всплыло немало фактов, интерпретируя которые английский журналист Этони Саммерс в книге «Заговор» приходит к выводу, что внутри ЦРУ существовала «фракция», которая стремилась любыми средствами сорвать предпринимавшиеся Джоном Кеннеди шаги по ослаблению международной напряженности. Одним из лидеров этой «фракции» (или «клики», как называл ее окружной прокурор Нового Орлеана Джим Гаррисон) был, по словам Э. Саммерса, Ричард Хелмс. В который раз Хелмс доказал на слушаниях в специальной комиссии по расследованию убийств, что он может держать язык за зубами. В одних случаях он увертывался от вопросов, в других шел на заведомую ложь и при каждом удобном случае все грехи своего бывшего ведомства старался свалить на покойных братьев Кеннеди. Хелмс отмахивался от показаний других бывших сотрудников ЦРУ, прямо говоривших, что именно он подогревал антикеннедиевские настроения.

Специальная комиссия по расследованию убийств не проявила интереса к выяснению роли Ханта, Стэржиса и других сотрудников ЦРУ в преступлении века. Да и вряд ли ей это было по зубам, если учесть могущество сил, которые горой стоят за сокрытие правды о причастности ЦРУ к убийству президента.

Возвращаясь к фотографиям «бродяг», отметим, что один из них напоминает по описанию портрет человека, которого свидетель Уоррел видел бегущим из склада учебников к железной дороге. Единственный снимок этого человека, носившего в 1963 году имя и фамилию «Дэниэла Л. Карсуэлла», был найден Уэберманом. Нетрудно уловить сходство его с портретом «бродяги». «Карсуэлл» числился «специалистом по электронике» в отделе технического обслуживания ЦРУ. «На самом деле,— говорит Уэберман,—он был самым опытным профессиональным убийцей». Незадолго до убийства Джона Кеннеди Карсуэлл подвизался в Майами в компании со своим близким другом Говардом Хантом. На «Карсуэлла» падает подозрение как на двойника Освальда и как на истинного снайпера, находившегося в засаде на шестом этаже склада учебников и стрелявшего не из освальдовской «манлихер-каркано», а из винтовки типа «маузер», которая была найдена полицией в той комнате, а затем бесследно исчезла. В двойнике Освальда — «Карсуэлле» — опознал своего таинственного работодателя «Рауля» подозреваемый в причастности к убийству негритянского лидера США, лауреата Нобелевской премии Мира Мартина Лютера Кинга уголовник Джеймс Рэй. Когда ему в камере тюрьмы показали снимок трех «бродяг», он заявил своему адвокату, что первым в ряду шел «Рауль».

Вторым местом засады в Далласе был травянистый бугор справа по ходу президентского кортежа. Оттуда стреляли фактически в упор. Туда в первые же секунды после покушения ринулись блюстители порядка. Полицейский Сеймур Вейтцман первым взбежал на травянистый бугор. Одновременно со следовавшим за ним сзади полицейским Дж. М. Смитом он увидел стоявшего там человека. Смит выхватил револьвер, но человек быстро достал удостоверение агента секретной службы по охране президента и сказал полицейским: «Здесь все в порядке». Полицейский Д. В. Харкнесс натолкнулся на нескольких агентов секретной службы у задней стороны склада учебников. В показаниях Комиссии Уоррена руководители секретной службы категорически отрицали то, что кто-либо из их агентов находился в районе бугра и склада. Как таинственно они там появились, так таинственно же и исчезли из поля зрения тех, кому было положено вести официальное расследование и выяснить до конца личность мнимых агентов.

По совпадению (какому уже в этой истории!) летом 1972 года, когда во всех газетах замелькали фотографии «ремонтников», с полицейским Сеймуром Вейтцманом стряслось нервное расстройство. После этого он побывал в трех федеральных домах отдыха. В апреле 1975 года его разыскал в доме для престарелых ветеранов войны Майк Кэнфилд. Он выложил перед ним несколько фотопортретов и спросил, не узнает ли он в одном из них того

Окончание. См. «Огонек» №№ 5—9.

«агента» секретной службы, на которого он наткнулся на травянистом бугре у Дили-плаза 22 ноября 1963 года. Вейтцман, не колеблясь, выбрал одну — «ремонтника» Бернарда Баркера. «Да, это он показал удостоверение секретной службы»,— сказал бывший полицейский. При этом присутствовал врач, который подтверждает разговор. Вейтцман даже соглашался записать свои слова на магнитофонную пленку, но в тот момент у Кэнфилда не было при себе аппарата. Когда он пришел во второй раз, то Вейтцман отказался записываться, объяснив это так: «Убито уже так много свидетелей. Два кубинца врывались ко мне в дом и поджидали меня у дома. Мне пришлось отгонять их пистолетом. Я боюсь за свою жизнь».

Вейтцман прав. Убито было более ста человек, соприкоснувшихся с тайнами преступления века. И одной из тайн продолжает оставаться роль в далласской трагедии Говарда Ханта и его подручных — кубинских контрреволюционеров. Читатель помнит, что Ханту поручалось политическое и оперативное руководство отрядами кубинских эмигрантов-контрреволюционеров, сформированных ЦРУ для вторжения на Кубу в 1961 году. Красноречивые признания содержатся в книге Ханта «Пошли нам сей день». Разгром бригады наемников ЦРУ народной армией Кубы поверг Ханта, как свидетельствует его сочинение, в бессильную ярость. В болезненном воображении Ханта провал вторжения — результат «политического компромисса», виновником которого он считает президента Джона Кеннеди.

Еще более слепая ярость охватывает Ханта при воспоминании, что через несколько месяцев после провала вторжения братья Джон и Роберт Кеннеди отправили в отставку директора ЦРУ Аллена Даллеса, начальника Директората тайных операций ЦРУ Ричарда Биссела и ряд других ответственных сотрудников разведки, привыкших действовать бесконтрольно. Эта ярость понятна, ибо Р. Биссел был учителем и другом Ханта, а А. Даллес незадолго до отставки сделал Ханта своим личным помощником. «Продолжительная карьера этого замечательного человека (А. Даллеса.— Прим. авт.) была неоправданно разрушена людьми, которые жаждали сохранить свою собственную репутацию в глазах общественности».

В этом пассаже у Ханта сквозит прозрачный намек на Джона и Роберта Кеннеди (тогда министра юстиции), которому, кстати говоря, президент поручил неофициальный контроль над ЦРУ, что пришлось особенно не по вкусу высшему эшелону разведки. Назначение куратора ЦРУ представляло собой уникальное явление в истории разведывательного ведомства. Ни до, ни после этого Центральное разведывательное управление не подвергалось подобной, с точки зрения его столпов, унизительной опеке.

У ЦРУ, согласно приказу братьев Кеннеди, изъяли тайные полувоенные операции. Это было неприятным психологическим ударом по самодовольной разведке. Самоуверенное «невидимое правительство» было уязвлено, когда сотрудники ЦРУ услышали от министра юстиции, что они не отрабатывают свои зарплаты, что их результаты не соответствуют их расходам. И хотя их призывали к борьбе с коммунизмом, с социалистическими странами и национально-освободительными движениями, чего, собственно, и не нужно было делать, так как эти цели всегда стояли у них на первом месте, поставив под сомнение их профессиональную компетентность, их способности джеймсов бондов им нанесли нестерпимое оскорбление.

Но не только это взбесило Ханта и его друзей. «Мы,— пишет он в книге «Пошли нам сей день»,— были изумлены тем, что в Вашингтоне начал обозначаться позитивный подход к ослаблению международной напряженности».

Бывший сотрудник ЦРУ Джеймс Уилкотт подтверждает тот факт, что внутри разведывательного ведомства среди твердолобых консерваторов, численно намного превосходивших «либералов Кеннеди», назревало сильное недовольство различными аспектами политики Белого дома. Ультраконсерваторы даллесовской школы вслух возмущались тем, что Джон Кеннеди пошел в 1963 году на заключение Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Они клеймили этот договор, получивший название московского, поскольку он был подписан в советской столице, как «предательство» интересов США и «уступку СССР».

Наиболее реакционные элементы в ЦРУ всегда были тесно связаны с нефтяными корпорациями. Поэтому, отмечает Уилкотт, они восприняли попытки Кеннеди ввести налоги на нефтяные корпорации как «атаку на свободное предпринимательство».

Твердолобым внушала подозрение и политика президента во Вьетнаме, где он, положив начало вооруженной интервенции США, дал затем обратный ход и начал обдумывать отзыв оттуда всех американских военных советников. «В вопросе Вьетнама,— пишет английский журналист Саммерс,— президент Кеннеди знал, что он находился в прямом конфликте с мощной группировкой в ЦРУ, которое тогда фактически держало войну в своих руках. ЦРУ было вообще против вывода войск из Южного Вьетнама и кисло наблюдало за президентской политикой глобального отказа от конфронтации. Публично президент пытался скрыть эти и другие фундаментальные разногласия. Приватно он был серьезно обеспокоен».

Но в особенности бесило твердолобых то, что Белый дом, хотя и не мешал им осуществлять тактику военно-террористических операций против Кубы, законсервировал планы нового массированного вторжения наемников ЦРУ. «Министр юстиции,— вспоминает Говард Хант,— считал, что и так слишком много динамитного дыма поднималось с Кубы, чтобы еще организовывать и вторжение». Последнее обстоятельство играло немаловажную роль в возникновении «кубинской клики» ЦРУ. Она, в свою очередь, опиралась на пресловутую карибскую корпорацию «Убийство», используя ее в борьбе против острова Свободы и национально-освободительных движений в Латинской Америке.

Один из членов «клики», Хант, и его подручные среди кубинских эмигрантов затаили плохо скрываемую злобу на Джона Кеннеди, считая, что он препятствует их планам «освобождения» острова. С ними заодно была американская мафия, которую потеря Кубы лишила ежегодных доходов в 100 миллионов долларов, поступавших от принадлежавших ей там игорных домов, казино, отелей и торговли наркотиками.

Английский журналист Энтони Саммерс в течение двух лет исследовал в США преступление века, беседовал со многими знающими людьми, в том числе конгрессменами. Суммируя их суждения, он пишет в своей книге «Заговор», что американские разведывательные службы сыграли прямую роль в убийстве президента, что его убийство было не чем иным, как государственным переворотом. «Конечно,— размышляет он,— возможно, что отступнические элементы в разведке США манипулировали Освальдом, какой бы ни была роль последнего 22 ноября 1963 года. Эти же самые элементы, возможно, привели в действие пешки в эмигрантском кубинском движении и в мафии с целью убить президента и казнить Освальда».

Пешкой был и Освальд, из которого было решено сделать «козла отпущения». Но «козел» он был опасный, ибо что-то знал. Далласскому журналисту Джерри Геральду удалось вскочить в лифт, в котором Освальда везли в далласском полицейском участке. Освальд сказал Геральду, что правда о заговоре против Кеннеди вскроется на его суде.

Наконец, пешкой в сложной преступной игре мог быть и сам Хант. Особенно если учесть мнение тех, кто считал его бездарным шпионом. Но присутствие Ханта и его головорезов на месте убийства могло быть самым веским доводом против какого-либо серьезного расследования далласского убийства, ибо это сразу же бросило бы тень подозрения на ЦРУ. Возможно, на один «чернейший ум» было десять еще более «чернейших умов» в Лэнгли.

И все же кажется маловероятной версия о бездарности Ханта и его пешечной роли. Возможно, что-то здесь и прояснится, когда «глубокое горло» вместе с Бернстайном и Вудвордом напишет свою книгу и мы узнаем коечто новое из уст «героя-крысы».

Пока же хотелось бы высказать мнение о том, как объяснить появление в 1975 году письма Освальда Ханту. Вероятно, противники бывшей антикеннедиевской «фракции» внутри ЦРУ решили подать сигнал независимым расследователям, что те стоят на правильном пути, подозревая Говарда Ханта в присутствии на месте преступления века. Проводившиеся в 1975 году расследования деятельности ЦРУ двумя комиссиями конгресса явились во многом результатом того, что так называемые «младотурки» в ЦРУ, несогласные с наиболее одиозными и преступными методами террористической деятельности американской разведки за рубежом и внутри страны, тайно снабжали журналистов разоблачительными материалами. К самым преступным акциям относились и «грязные трюки» Ханта и его друзей.

Окружной прокурор Нового Орлеана Джек Гаррисон высказал соображения и в связи со смертью сенатора Роберта Кеннеди. Из беседы Гаррисона с журналистом Пэрисом Фламмондом:

ФЛАММОНД: Существует возможная связь между гибелью Джона Кеннеди и его брата Роберта?

ГАРРИСОН: Нет, существует вероятная связь с Робертом. Я должен сказать — вероятная. Они же не забывают про изоляционный материал в форме подставных организаций. Часто люди работают на ЦРУ и не знают этого. Например, человек может думать, что он работает, скажем, на движение «Арабы за мир во всем мире» (намек на Сирхан Сирхана, обвиненного в убийстве Роберта Кеннеди.— Прим. авт.), а на самом деле он финансируется ЦРУ и контролируется ЦРУ и ему могут внушить какой-нибудь мотив для убийства... Если бы Роберт Кеннеди не потерпел поражение на первичных выборах в Калифорнии, он был бы жив сегодня; своей победой он становился на порог превращения в самого крупного политического деятеля Америки с отличным шансом выйти в президенты.

ФЛАММОНД: У вас нет сомнений, что он бы заново открыл все дело об убийстве (Джона Кеннеди)?

ГАРРИСОН: У меня нет никаких сомнений на этот счет. И тот факт, что его убрали так стремительно, свидетельствует о крайней жестокости какой-то клики внутри ЦРУ. В том, что касается Роберта Кеннеди, у нее не было альтернативы. Я уверен, что они неохотно, но вынужденно пошли еще на одно убийство. Однако они не могли рисковать, допуская, чтобы он стал президентом.

Наконец известный американский писатель Гор Видал, проведя литературный сопоставительный анализ «Дневника Освальда», который тот якобы вел в Советском Союзе, «Дневника Сирхана», обвиненного в убийстве Роберта Кеннеди, и детективных романов Ханта, пришел к убеждению, что дневники Освальда и Сирхана — творение Ханта.

Но не только Освальда и Сирхана, а еще Артура Бремера, который за месяц до проникновения «ремонтников» в «Уотергейт» совершил покушение на губернатора Алабамы Джорджа Уоллеса. Гор Видал не сомневался, что дневник, начатый Бремером незадолго до покушения, был написан заранее Хантом и затем переписан террористом. Причем самое примечательное в дневнике это то, что Бремер поначалу хотел убить... Ричарда Никсона. Понять ход мыслей «чернейшего ума» просто невозможно. Еще одна «шутка»? Или серьезный замысел?

В 1972 году, как и четырьмя годами ранее, Уоллес вел кампанию за избрание его президентом от «Американской независимой партии», придерживавшейся расистских идей. Однако его прежний расистский задор немного пообмяк, появились настораживающие ультрареакционеров нотки «популизма», которыми Уоллес пытался пронять «маленького человека». В городке Лоурел под Вашингтоном губернатора ранил и сделал пожизненным инвалидом Артур Бремер, молодой человек без определенных занятий, промышлявший в последнее время случайными работами: был дворником, уборщиком автобусов и т. п. Через три дня ФБР заявило, что Бремер действовал в одиночку. Лишь 19 процентов американцев поверило в это.

Несколько недель перед покушением Бремер работал добровольцем в предвыборной кампании Уоллеса в штате Висконсин на севере Америки. У него появились откуда-то деньги. После покушения был найден дневник Бремера, в котором и прочли о его планах убийства президента Никсона и Уоллеса. Между прочим, выяснилась любопытная деталь.

Еще не утихло эхо выстрелов в Лоуреле, как Говард Хант получил приказ вылететь в висконсинский город Милуоки и обыскать там комнату Бремера. Почему-то это было очень нужно советнику президента Чарльзу Колсону. Докопаться до подоплеки приказа никому не удалось: Колсон и Хант словно набрали в рот воды.

В одной из передач Си-би-эс, посвященной «Американским убийцам», камера перенесла телезрителей в губернаторский особняк в Монтгомери. В конце 1975 года осунувшийся, поблекший Уоллес совсем не походил на задиристого политика, каким он был несколько лет назад, одержав победу на президентских выборах в пяти штатах.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Губернатор, верите ли вы в то, что Артур Бремер действовал в одиночку, стреляя в вас?

УОЛЛЕС: Нет, я не верю, что он действовал в одиночку. У меня нет доказательств, но я считаю, что это был заговор с целью совершить политическое убийство. Я не верю, что человек, который едва зарабатывал себе на жизнь, мог собрать такую сумму денег, которой, как сообщают, хватило на покупку автомобилей, ружей, путешествия, проживание в мотелях и отелях. Он ездил за мной по пятам и останавливался даже в «Уолдорф-Астории». Я просто не верю, что он действовал в одиночку. Возьмите так называемый дневник. Когда читаешь его, не чувствуешь, что все это писал

он. Я считаю, что кто-то написал для него, а он списал.

Предполагали ли Уоллеса убить или крепко напугать, но кто-то хотел в тот момент дать сильную встряску американским политикам, напомнить им, что всем им положена узда. Встряска начинала приобретать какой-то циклический характер. Ноябрь 1963 года — убийство президента Кеннеди, июнь 1968 года — убийство сенатора Роберта Кеннеди, май 1972 года — ранение губернатора Уоллеса и возможность убийства Никсона. Примерно равный по времени и в высшей степени мрачный цикл. Разные объекты политического террора: президент, сенатор, губернатор. Но они образуют жутковатый по своей замкнутости круг.

...На следующий день после убийства Кеннеди в Далласе Никсон направляет соболезнование вдове Жаклин Кеннеди: «Дорогая Джеки... Хотя рука судьбы сделала Джона и меня политическими соперниками, я всегда ценил нашу личную дружбу с ним с той поры, как в 1947 году мы с ним стали конгрессменами. Эта дружба проявлялась во многом, включая и приглашение нас с женой на вашу свадьбу... Если в будущем вам потребуется от нас любая помощь, мы почтем за честь быть в вашем распоряжении». Через несколько недель Жаклин отвечает: «...Кто бы мог подумать, что такая ужасная история может произойти в этой стране... Я бы не хотела, чтобы Джон прожил свою жизнь как-то иначе, хотя я знаю — его гибель можно было предотвратить, и я никогда не перестану мучить себя за это...»

Никсон тоже считает, что Джон Кеннеди мог бы здравствовать по сей день, но если бы его жизнь складывалась как-то иначе. Досталась, например, победа на выборах 1960 года не ему, а Никсону. Ну что же, возможно, Никсон и прав, как права, наверное, и Жаклин — убийства можно было не допустить, хотя, как теперь совершенно очевидно, это была сложная задача со многими неизвестными. Между прочим, Жаклин в своем письме к Никсону призывала его вновь посвятить себя целиком борьбе за Белый дом, но даже если из этого ничего не выйдет, она советовала ему не сожалеть, присовокупив мысль: «Мы никогда не ценим достаточно жизнь, пока она у нас есть». Горький подтекст: должность президента и верховного главнокомандующего, к которой стремятся многие в Америке, может обернуться «такой ужасной историей».

Даллас, а вслед за ним и Лос-Анджелес, где убили Роберта Кеннеди, и Лоурел приобретают в уотергейтском зеркале зловещую окраску. Профессор Питер Дейл Скотт пишет: «Я считаю, что полное разоблачение уотергейтского заговора поможет понять, что произошло в Далласе, а также понять тайные силы, которые позднее втянули Америку в трясину преступной войны в Юго-Восточной Азии. И обратно: анализ операций по тщательному сокрытию фактов, касающихся Далласа, в значительной степени прояснит уотергейтское дело».

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Говарду Ханту дали восемь лет. Состав преступления был определен как содействие в сговоре с целью проникновения в «Уотергейт». В тюрьме Эглин (штат Флорида) Хант времени даром не терял. Он написал две книги, рисовал. За «хорошее поведение» спустя два года и девять месяцев его выпустили на свободу. По выходе Ханта из заключения друзья сразу же устроили выставку его картин в Майами.

Творческие успехи Ханта в заключении служат прекрасной иллюстрацией к сердобольным словам крестного отца его детей, публициста Уильяма Бакли, что тот «гниет в тюрьме» из-за «садистской небрежности молчаливых бюрократов».

Его пригласили на первое интервью в нью-йоркскую студию радиотелевизионной компании Эн-би-си. В вестибюле Ханта встретил молодой человек — «политический хиппи» — Арон Кей и влепил ему по голове пирогом с кокосовым кремом. Когда интервьюировавший Том Снайдер попросил его прокомментировать инцидент, вымывший уже голову и ясно мысливший Хант ответил с экрана телевидения: «Я был удивлен и слегка разочарован. Я полагал, что уровень политических дебатов в Америке возрос за время, пока меня упрятывали».

«Политический хиппи» оказался единственным шипом на новом пути Ханта. Уотергейтская слава позволила ему продать автобиографию «Тайный агент» Голливуду за полмиллиона долларов, пошли переиздания его детективных романов под настоящей фамилией. Он написал более десяти новых боевиков, последний из которых вышел в десятую годовщину уотергейтского дела. Он называется «Перехват в Газе» и выдает бредовые мечты Ханта с помощью нейтронного оружия овладеть богатствами Ближнего Востока.

Ханту 63 года. Он вновь женился, вновь стал отцом, поселился с семьей в Майами — поближе к своим друзьям и подручным из кубинского эмигрантского стана. Он не только пишет, но и много выступает с лекциями, разъезжая по университетам и колледжам. Ультрареакционеры пользуются сейчас климатом наибольшего благоприятствования в Вашингтоне. Происходит парадоксальная вещь. Белый дом Рейгана, по его утверждениям, весь исходит от напряжения, добиваясь искоренения «международного терроризма». В это же время по городам и весям Америки разъезжает закоренелый террорист, разрабатывавший проекты убийства Фиделя Кастро, сходные планы убийств других иностранных лидеров, в том числе президента Панамы, приложивший, вероятно, руку к убийству собственного американского президента. И никому в Вашингтоне нет дела до этого разносчика идей ненависти, насилия и терроризма!

В Майами же подвизается напарник Ханта Фрэнк Фиорини-Стэржис. После 13 месяцев тюрьмы он опять взялся за свое. 57-летний террорист, именующий себя «борцом против коммунизма», передает свой опыт новым поколениям кубинских контрреволюционеров и никарагуанским «национальным гвардейцам», которых революция вымела из бывшей вотчины вашингтонского слуги Антонио Сомосы. Бернард Баркер после 13 месяцев тюрьмы работал инспектором по строительству муниципалитета Майами, попался на чересчур не прикрытом взяточничестве и ушел на пенсию. Гонзалес и Мартинес отбыли по 15 месяцев заключения и в настоящее время заняты частным предпринимательством в Майами.

Хелмс позднее попался на вранье сенаторам. Выяснилось, что он обманул их, заявив о непричастности ЦРУ к свержению чилийского президента Сальвадора Альенде, когда его утверждали на пост американского посла в Иране после снятия в начале 1973 года с поста директора ЦРУ. Хелмс отделался за вранье легким ушибом — условным двухлетним тюремным сроком и штрафом в 2000 долларов: их собрали после объявления «приговора» нынешние и бывшие агенты ЦРУ.

За полное молчание на суде наипродолжительный срок в тюрьме выпал Гордону Лидди — 4 года и 4 месяца. Его автобиография «Воля» имела огромный успех, на крыльях которого Лидди берет теперь по 4500 долларов за одну лекцию.

Вслед за непродолжительным пребыванием за решеткой литературный успех выпал также бывшим президентским советникам и помощникам — Джону Эрлихману (18 месяцев тюрьмы, 2 романа и мемуары), Роберту Холдеману (18 месяцев тюрьмы, 1 книга мемуарного плана, телевизионный фильм на базе его кинолюбительских пленок, запечатлевших Никсона в годы президентства), Джону Дину (4 месяца тюрьмы, 2 книги и телевизионный фильм), Чарльзу Колсону (7 месяцев тюрьмы, 2 книги) и т. д.

Полное молчание сохранил бывший министр юстиции и руководитель Комитета за переизбрание президента Джон Митчелл. Он отбыл 19-месячное тюремное наказание, подписал было контракт на мемуары, но передумал. В прошлом миллионер, он растерял свои богатства и сейчас — наименее преуспевающий из героев «национальной психодрамы», один из немногих, сохранивших дружеские отношения с Никсоном.

На уотергейтском деле хорошо погрели руки и представители правосудия. Главный судья федерального окружного суда Вашингтона Джон Сирика написал с помощью журналиста автобиографию «Устанавливаю правду», принесшую ему около миллиона долларов. Специальный прокурор по уотергейтскому делу Леон Яворски заработал полтора миллиона долларов на книге «Право и власть», назначен президентом Рейганом в Национальный совет по зарубежной разведке.

Но наибольший урожай собрал на литературной ниве бывший президент Никсон. Его доходы от мемуаров и других произведений оцениваются более чем в три миллиона долларов, что дало ему возможность расплатиться с задолженностью перед Службой внутренних налогов, задолженностью, которая фигурировала в качестве одного из главных нарушений финансовой дисциплины бывшим президентом.

Первые пять лет после отставки Никсоны жили почти в уединении в своем поместье Сан-Клементе на западном побережье. Сейчас они переехали в маленький городок Сэддл-ривер в штате Нью-Джерси на востоке страны. Никсон считается лучшим «сборщиком финансов» для республиканской партии, его выступления привлекают наибольшее количество слушателей на так называемые платные обеды, выручка с которых идет в фонд партии. В последние годы Никсон явно подпевал «ястребам» в своей партии, распространяя антикоммунистические бредни, добиваясь, видимо, расположения нового хозяина Белого дома. Но вот корреспонденты стали отмечать определенный сдвиг в подходе Никсона к международным проблемам, точнее, робкое и зигзагообразное возвращение его на позиции первой половины 70-х годов.

«На собрании республиканской партии в Южной Калифорнии в апреле 1982 года,— сообщала одна американская газета,— Р. Никсон выступил с резким осуждением гонки вооружений. Это была потрясающая речь, отражающая изменение в его мышлении и его стремление говорить то, что он думает».

Находясь в июле 1982 года в Будапеште, Р. Никсон дал интервью венгерскому телевидению. В нем он сказал: «Разрядка не слишком популярное слово сегодня в США. Но я полагаю, что разрядка по-прежнему в равной степени служит интересам обеих сторон... В нашем мире при существующих опасностях я не вижу альтернативы разрядке».

В интервью еженедельнику «Тайм» в декабре 1982 года Р. Никсон отметил «опасное ухудшение» американо-советских отношений, добавив, что он мог бы помешать этому, если бы не «Уотергейт» и вся эта история». Для администрации Р. Рейгана, указал он, настала пора изменить как тон, так и содержание своей политики по отношению к Советскому Союзу. Должна быть какая-то надежда, что отношения могут улучшиться и что можно достичь справедливых договоренностей. «Контроль за вооружениями — это часть договоренности. Но еще важнее политические соглашения, которые уменьшат опасность того, что ядерное оружие когда-либо будет пущено в ход». Бывший президент отверг как нереальные расчеты администрации Рейгана на то, что Соединенным Штатам когда-нибудь удастся с помощью дискриминационных мер, «экономических блокад и военного нажима поставить Советский Союз на колени»...

В начале '70-х годов по соседству с «Уотергейтом» был выстроен Центр искусств имени Джона Кеннеди. Два комплекса некоторые вашингтонцы именуют «пантеонами памяти» двух президентов. Весь район, где они расположены, еще со времен закладки федеральной столицы первым президентом страны Джорджем Вашингтоном называют Туманным дном — по тем туманам, которые поднимались со стоявших там болот. Туманные истории, окружающие судьбу двух президентов, будут еще долго служить предметом исследований, предположений, догадок. Возможно, ключи к их пониманию действительно таятся на противоположном лесистом берегу Потомака, где раскинулось местечко Лэнгли.

ОТ РЕДАКЦИИ.

В основе опубликованного нами политического детектива лежат исторические факты. Вокруг них и по сей день за океаном происходит борьба. Влиятельным силам особенно хотелось бы вычеркнуть из памяти и сознания американцев все то благотворное, что принесла миру разрядка в 70-е годы. У советских людей иное отношение к этому вопросу. На ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов говорил: «По нашему глубокому убеждению, 70-е годы, прошедшие под знаком разрядки, не были, как утверждают сегодня некоторые империалистические деятели, случайным эпизодом в трудной истории человечества. Нет, политика разрядки — отнюдь не пройденный этап. Ей принадлежит будущее».

ЧУДО-ПЕЧЬ

В. И. КУДРЯВЦЕВ,
директор магазина-салона «Электроника»

ГОВОРЯТ МУЖЧИНЫ...

В нашем магазине так много новинок, что не всякий сразу приметит печь «Электроника». А между тем это прекрасная вещь, и хозяйки, которые успели приобрести ее, хвалят не нахвалятся. Казалось бы, зачем на кухне, где есть газовая или электропечь, еще и микроволновая? Но в том-то и дело, что «Электроника» не подменяет их, а дополняет. В этой чудо-печке можно готовить такие блюда, о которых кулинары пока и не догадываются.

Помню, накануне открытия магазина дел у нас было так много, что и пообедать времени не нашли. Тогда включили «Электронику», положили в нее бутерброд с сыром, тарелку с кашей, два яблока и засохшую булочку. Через две минуты печеные яблоки были готовы, каша стала вкусной, рассыпчатой, а булочка — словно ее только что испекли.

Думаю, через год-второй новинка эта станет желанным атрибутом современной кухни. Она готовит в четыре-пять раз быстрее, чем обычная плита, и сохраняет в продуктах все, что заложила в них природа.

Если добавить, что печь эта экономна, сберегает и продукты и электроэнергию, можно предсказать ей завидное будущее.

Даже для нас, специалистов, печь ежедневно открывает что-то новое. В ней можно приготовить кофе прямо в стакане. Ту же подсохшую булочку отправить в печь на бумажной или фарфоровой тарелочке. Стекло или картонная упаковка в ней не нагреваются. Полагаю, пройдет какое-то время, и в каждом руководстве по кулинарии будет специальный раздел: блюда, которые можно приготовить только с помощью «Электроники». А если надо «по науке» разморозить пакет с овощами или замороженными фруктами, тут без такой печи просто не обойтись: двери минуты, и все готово.

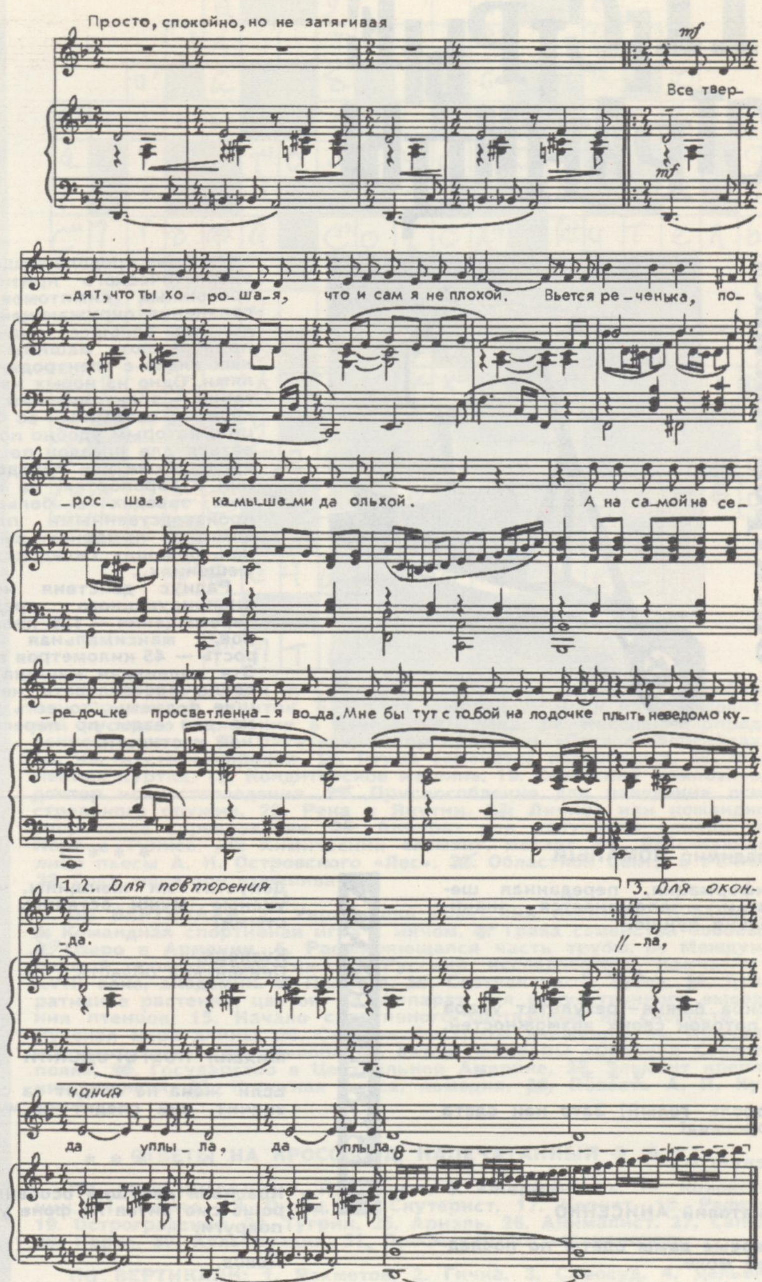
Вот она, чудо-печь.

Очковтирательство и хамство.

Рисунки Н. Елина

— Вас уже два часа нет на рабочем месте!
— А разве что-нибудь случилось?

Все твердят, что ты хорошая

Стихи **Николая СТАРШИНОВА** — Музыка **Николая ПИСАРЕНКО**

Все твердят, что ты хорошая,
Что и сам я не плохой.
Вьется реченька, порошая
Камышами да ольхой.
А на самой на середочке
Просветленная вода.
Мне бы тут с тобой на лодочке
Плыть неведомо куда.

Плыть не к городу какому-то —
В заповедные места,
Чтоб глаза твои — два омута —
Отражали омута.

Чтоб над солнечными плёсами
Пряди русых твоих кос
Перепутывались с косами
Наклонившихся берез...

На ветру сосна качается,
Бьется в купол голубой.
Почему ж не получается
Ничего у нас с тобой?
Камышами да осокою
Речка вся позаросла.
А весной с водой высокою
Наша лодка уплыла.

Пестрые страницы

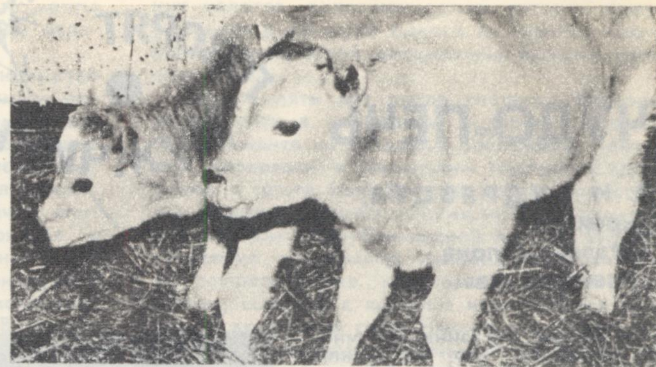
Электровелосипед

На фоне продолжающегося энергетического кризиса и тревожных симптомов загрязнения окружающей среды все большее значение приобретают машины разных видов с электродвигателями. Одно из новых изобретений — электрический велосипед, созданный во Франции, которым удобно пользоваться для поездок по городу, а также для передвижения в аэропортах, на крупных заводах с большими производственными площадями, на ярмарках, выставках, больших складских помещениях...

Радиус действия нового индивидуального средства перемещения — 125 километров, максимальная скорость — 45 километров в час. Эта маленькая машина способна преодолевать небольшие подъемы, то есть удобна для езды по пересеченной местности.

По материалам зарубежной печати

«Искусственные» близнецы

Эти два теленка — близнецы. Но не обычные, а появившиеся на свет благодаря достижениям современной биологии. Как известно, рождение двойни у коровы — событие чрезвычайно редкое (примерно один процент всех отелов). Однако сегодня ученые могут с помощью тончайших инструментов, используемых в ультрамикрохирургии, разделить надвое эмбрион теленка между 6-м и 8-м днями его существования, и тогда вместо одного теленка на свет появятся двое совершенно идентичных близнецов. В принципе, возможно таким образом будет достичь появления на свет не только двух, но и четырех и даже восьми телят сразу. Так современная микробиология может способствовать росту поголовья скота.

Мысли вслух

Владимир ЛОМАНЫЙ

Информация, переданная шепотом, запоминается значительно лучше.

* * *

Искра божья — результат удара о потолок своих возможностей.

* * *

Король голый? Зато как одета королева!

Ленинград.

Анатолий АНИСЕНКО

Первые дамы одеты по последней моде.

* * *

Допустят ли женщины, чтобы ученые мужи остались холостыми?

Кузнецк,
Пензенская область.

Михаил НОВГОРОДСКИЙ

Если жена не следит за собой, значит, она следит за мужем.

* * *

Красивая девушка особенно хорошо смотрится на фоне умной подруги.

Львов.

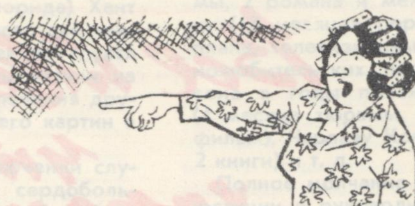
Жизнь в розовом цвете

Замечено, что на некоторых птицефермах погибает каждый четвертый цыпленок, заклеванный своими собратьями. Это большие потери, если учесть, что на ферме выращивается многомиллионное поголовье.

Молодой американский владелец птицефермы Рональд Визе вспомнил об открытии своего отца, установившего, что цыплята, страдающие катарактой (помутнением хрусталика), не только хуже видят, но и теряют желание клевать друг друга.

Фермер решил воспользоваться контактными стеклами и подобрал такие, которые давали эффект катаракты. Затем начал экспериментировать с цветными стеклами. Памятуя пословицу о розовых очках, он пришел к выводу, что наиболее хороший результат дают прозрачные стекла, окрашенные в красный цвет. Куры, снабженные такими линзами, становятся не только менее драчливыми, но и съедают меньше корма, нужного для того, чтобы снести дюжину яиц.

«Глядя на розовый мир,— говорит Визе,— птица переживает меньше стрессов, становится более спокойной, уход за ней облегчается».

Анна ЕВСЕЕВА

АКТИНИДИЯ КОЛОМИКТА

Дема Паровозов степенной походкой творческого человека шагал по вечерним московским улицам, слегка припорошенным снегом, в поисках... вдохновения. Оно ушло сегодня утром, когда в комнату, где работал Дема, вошла его жена и приказала купить пакет картошки. Оно улетучилось, когда в ответ на ласковое Демино: «Не сейчас» — жена закричала, что она не рабыня. Оно испарилось, когда на нейтральное Демино: «Я от тебя уйду!» — жена отрезала: «Хоть провались!»

Каучуковые платформы Деминых башмаков оставляли на дороге четкие следы, Дема шел по тротуару, мечтая оставить в литературе такой же незаметаемый след...

Ноги сами собой привели Паровозова в сквер с названием «Ботанический сад». Он увидел единственный зеленый кустик, сиротливо торчавший из-под снега. Раза в три больше кустика, рядом торчала табличка: «Актинидия Коломикта».

«Вот это название,— подумал Дема,— для рассказа! Нет, для целого романа! Для детектива! Хоть дочь так назови!»

Кто-то опустился на скамейку рядом с Демой. Он оглянулся. У него перехватило дыхание, заслезились глаза, запершило в горле, защекотало в носу. Дема чихнул.

— Будь здоров,— сказала подсевшая девушка.

«Спасибо» произнести Дема не смог, не без труда спросил:

— Вы кто?

— Твое Вдохновение,— просто ответила девушка.

— Мое Вдох...?

— Твое, твое. А-то чье же? — Девушка игриво покачивала ногой в австрийском сапоге-шпильке.

— Красивые у тебя.— Дема задумчиво кивнул на сапоги.

— Тебе спасибо,— сказало Вдохновение.

— С какой стати? — удивился Дема.

— Их я получило после выхода твоего рассказа.

— Может, и шубу тоже? — полюбопытствовал Дема.

— Нет,— смутилось Вдохновение,— шубу раньше.

— А шапку? — с подозрением спросил Дема.

— Тоже твоя работа,— ответило Вдохновение,— ее я купило после твоей повести.

— Так вот, оказывается, куда я деваю деньги! — вскричал Паровозов.— Ну и время нынче! Даже вдохновение бесплатно не работает!

— Стыдись! — закричало Вдохновение.— Посмотри, в чем я хожу! — Оно вытянуло длинную ногу, и Дема увидел заштопанные на коленке чулки.

— Я еще молодо и хорошо собой, а мне уже нечего носить! Что ты бездельничаешь! Ты уже год ничего не публикуешь, не пишешь, не придумываешь! Я чулок не могу себе купить! Пиши сейчас же.

— Чего писать? — уныло спросил Дема.

— «Чего писать»,— фыркнуло Вдохновение,— думаешь, нечего. Лентяй! Ну, например: «Буря мглою небо кроет...»

— Это уже было,— мрачно сказал Дема,— я где-то читал.

— Мало ли что ты читал! Ведь не писал же. Если не нравится, пиши: «Мой дядя самых честных правил...»

— «Когда не в шутку занемог»,— сказал Дема.

— Вот видишь, получается! — обрадовалось Вдохновение.

— Это тоже было,— ответил Дема.

— Ну ты же не виноват в том, что до тебя у меня уже были писатели,— зашептало Вдохновение.— Вас много, а я одно. Вообще-то ты прав. Стихи легко запомнить. Могут догадаться. Но прозу-то никто наизусть не помнит! Кто сейчас будет копаться в книгах, чтобы узнать, откуда ты списывал?

— А если докопаются,— поежился Дема,— скажут: плагиатом занимаешься, гражданин Паровозов!

— Наоборот,— уверенно произ-

Вера СУЧКОВА

Настоящее счастье?

Рисунок З. Десятник.

Мужья, как давно и справедливо подметил Михаил Зощенко, на дороге не валяются. Не валялись они тогда, не валяются и сейчас. И плохо нынче свободным женщинам, которым за тридцать. Пробросались, поразводились... Небось, думали, глядя на постылое лицо полупьяного муженька: этого-то добра... Но — нету. Приличного мужа по нынешним временам выслужить надо. Хорошеньким личиком, стройненькой фигуркой сегодня никого не удивишь. Тряпками тоже — можно иногда, но редко. А умом, разговорами — тем более. Нынче все умные. Говорить тоже умеют. Телевидение, радио. Некоторые на работе научились. Попробуй, пробейся. А уж такого, чтоб с работы на машине встретил, ножку баранью на заднее сиденье бросил — нереально это. Но бывает. И чего только не бывает!

Со мной однажды такой случай произошел. Познакомилась в компании, пошел провожать. Смотрю, ничего, не хуже остальных. Высокий, джинсы вельветовые, ну и я в той же форме. Разговорились о том, о сем. О Маркесе — на Булгакова, говорю, похож. На музыку перешли. Красивый, говорю, Раймонд Паулс, мужчина... Поддерживает.

В квартиру отдельную ко мне пришли... Порхаю я у плиты. Кофе по-турецки завариваю и даже на себя удивляюсь, так стараюсь. Тут-то он меня и удивил: очень, говорит, ты мне нравишься, давай поженимся. Ну, шутить я и сама умею. Прямо сейчас, спрашиваю? Нет, и так серьезно смотрит на меня, отчего же. Подадим заявление — и в назначенный срок. Вот, думаю, мужик загнул — это чтоб своего добиться... Но мы тоже не лыком шиты. Тогда, отвечаю, завтра и созвонимся. Хорошо, говорит. И... ушел.

Меня сначала просто смех разобрал, но потом осенило. Если не шутит, то иногородний. Они теперь дошлые пошли, сначала удостоверился, моя ли квартира, какая обстановка и т. п.

Стала звонить друзьям, устанавливать личность. И опять удивляюсь: неженатый, из семьи приличной, с образованием высшим, техническим.

А на следующий день он сам позвонил, приглашает к себе. В чем же, думаю, дело, не понимаю, хоть плачь. Ну ладно, сходить можно, не съест, а я тебя разгадаю. И дома у него так славно. Родители интеллигенты тихие, приняли меня как родную. Да и нравиться стал он мне очень...

Но я вовремя взяла себя в руки. Замуж за него не пошла и радуюсь этому. Мало ли во что бы влипла. Нашли дуру! Может быть, болезнь у него какая врожденная или еще что. Нет уж, если и бороться за счастье, то за настоящее.

несло Вдохновение,— скажут, что ты продолжил традиции великого писателя. В общем, найдут формулировку. Я-то знаю. Давай я тебе что-нибудь из Достоевского или Толстого подиктую.

— Какого Толстого! — вскричал Дема.— Мне нужен я — Демьян Паровозов с моими паровозовскими сочинениями! Не желаю ни с кого списывать!

— Не выйдет из тебя писателя, раз ты списывать не умеешь,— горько вздохнуло Вдохновение. И оно медленно и плавно поднялось со скамейки и исчезло в глубине ботанического сада...

— Постой! — крикнул Паровозов,— не уходи! Может, еще что-нибудь...

— Что это с вами?

Дема открыл глаза. Перед ним стояла молодая мамаша с коляской.

— Я спал? — поинтересовался Дема.

— Я-то откуда знаю,— усмехнулась она.

Дема нервной походкой побрел к дому...

— Опять по девочкам бегал? — безразлично спросила жена.

— Что ты! — вздрогнул Дема.

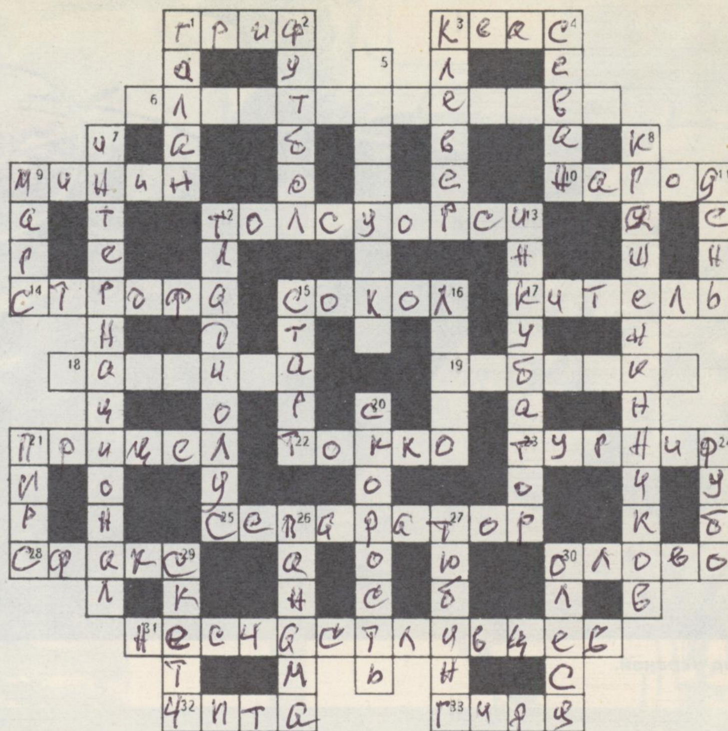
— Не что я, а что ты,— поправила жена,— тебя видели час назад в ботаническом саду. С какой-то девчонкой.

«Актинидия Коломикта»,— мелькнуло в Деминой голове.

Жена прошла на кухню и загрохотала кастрюлями. Дема несколько минут молча постоял у входной двери.

«Мне же не в чем ходить!» — вспомнил он слова Вдохновения. Взял стремянку и полез на верхние полки стеллажей — отобрать себе несколько книг малоизвестных писателей...

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Стержень спортивной штанги. 3. Хлебный или фруктовый напиток. 6. Форма энергии. 9. Один из руководителей русского ополчения в начале XVII века. 10. Население определенной страны. 12. Писатель, автор трилогии «Сага о Форсайтах». 14. Часть стихотворения. 15. Птица семейства ястребиных. 17. Форменная куртка. 18. Кондитерское изделие. 19. Советский композитор, доктор искусствоведения. 21. Приспособление для наведения огнестрельного оружия. 22. Река в Якутии. 23. Личное или командное спортивное соревнование. 25. Аппарат для получения сливок. 28. Порт в Тунисе. 30. Химический элемент, металл. 31. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Лес». 32. Областной центр в РСФСР. 33. Груз, мера при взвешивании.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Украинский советский писатель, публицист. 2. Командная спортивная игра с мячом. 3. Трава семейства бобовых. 4. Озеро в Армении. 5. Расширяющаяся часть трубы. 7. Международный пролетарский гимн. 8. Русский исследователь Камчатки в XVIII веке, академик. 9. Планета. 11. Светлая часть суток. 12. Декоративное растение, цветок. 13. Аппарат для искусственного выведения птенцов. 15. Начало спортивного состязания на скорость. 16. Русская мера длины. 20. Степень быстроты движения. 21. Причальное сооружение. 24. Живописец, автор панорамы «Оборона Севастополя». 26. Государство в Центральной Америке. 27. Элемент крепления тоннеля. 29. Короткая пьеса, комедия. 30. Повесть А. И. Куприна.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Пансионат. 8. «Жерминаль». 10. Колокольчик. 11. Нерпа. 13. Октод. 15. Скутерист. 17. Корнет. 18. Рефрен. 19. Остроградский. 22. Тугрик. 25. Ариэль. 26. Анималист. 27. Сапфо. 29. Парта. 30. Культивация. 31. Профессор. 32. «Финансист».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Рахметов. 2. Гичка. 3. Самосуд. 4. Дельвиг. 5. Шишко. 6. Флажолет. 9. Моделирование. 12. Пантограф. 14. Кофейница. 15. Статика. 16. Трактат. 20. Кубатура. 21. Златоуст. 23. Жильцов. 24. Кипарис. 28. Октет. 29. Пярну.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Учительница Толмачевской средней школы Новосибирской области Валентина Иннокентьевна Белорукова.
(См. в номере материал «От школьного порога»).

Фото Э. Эттингера

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Рисунки детской изостудии Дворца пионеров Фрунзенского района города Москвы. Ребята поздравляют своих мам и бабушек с Днем 8 Марта.

Фото И. Тункеля

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

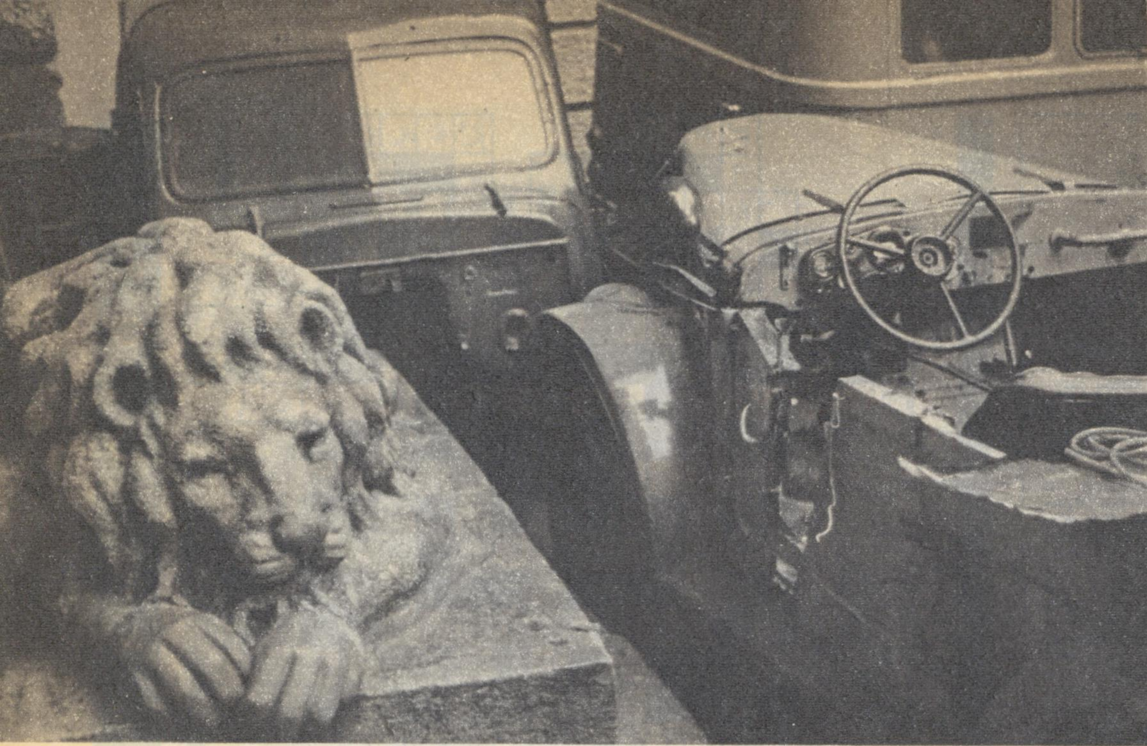
Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 11.02.83. Подписано к печати 1.03.83. А 00632. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 339. Заказ № 106.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Под охраной.

Юмор

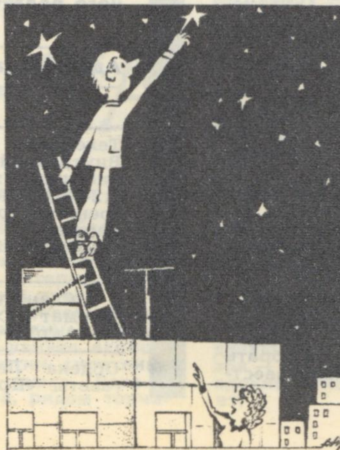
«Спецмашина».

Рисунок А. Орехова.

Рисунок Н. Белевцева.

— Лучше вон ту, поярче...
Рисунок В. Тамаева.

Люди как птицы...

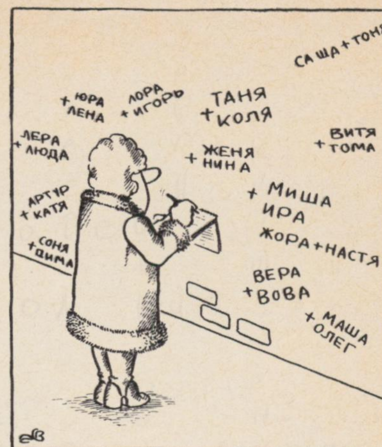

Рисунок В. Ашманова.

Рисунок С. Вяткина.

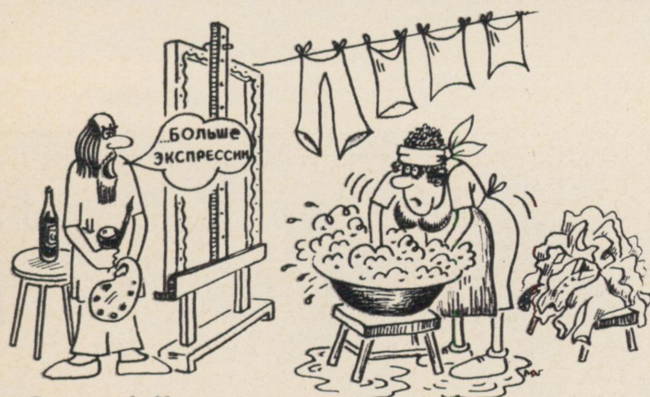

Рисунок А. Морева.

Сложный трюк.

Фото Ю. ЩЕННИКОВА (Ленинград)

Хозяйская ноша.

ISSN 0131—0097 Цена номера 40 коп. Индекс 70663

